

ISSN 0132 - 1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ—АПРЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агапкина Т. П.</i> Современная литература европейских социалистических стран в советских исследованиях	3
<i>Буланов В. А.</i> К вопросу о деятельности «Общества Юго-Восточной Европы» в начальный период второй мировой войны	16
<i>Хлебникова В. Б.</i> Павел Аполлонович Ровинский в Черногории	25
<i>Грачев В. П.</i> Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804—1813 годов	32
<i>Михайлов Э.</i> (НРБ). Восточные и южные славяне до IX века	49
<i>Базилевский А. Б.</i> Творчество Юлиана Тувима 1939—1945 гг. в польском поэтическом контексте	56
<i>Титова Л.</i> Людвиг Кол и чешское Просвещение	66
<i>Савельева Л. В.</i> К проблеме выделения синтаксических грецизмов в древнеславянском языке (вопрос о генезисе мононегативных конструкций)	73

СООБЩЕНИЯ

<i>Ритчик Ю. И.</i> 10 лет Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур	84
<i>Вялова С. О.</i> Автографы Вука Караджича	91
<i>Находкин Н. Г., Нилчук В. В., Зыков Г. А., Матвеев В. Т.</i> Применение лазерного источника ионов для масс-спектрометрического анализа состава красителей рукописных текстов	98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Искольдский А. И.</i> Новая книга о Югославии	102
<i>Терехов В. П.</i> P. Vošahlíková Československá sociální demokracie a Národní fronta	104
<i>Молок Ф. А.</i> Medzinárodný význam februáru 1948 (Slovanske studie)	106

2

1987

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Чернявский Г. И. Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период	108
Данилова А. Dante i slavenski svijet; Dante e il mondo slavo	111
Бернштейн С. Б. Е. И. Дёмина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст	113
Нещименко Г. П. Poštolkova Běla. Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny (Studie CSAV, 21)	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ананьева Н. Е., Мецзяков С. Н. 150-летний юбилей университетской славистики	120
Досталь М. Ю. Юбилей отечественной славистики	124

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН В СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследования современных литератур европейских социалистических стран занимают значительное место в советском литературоведении; они проводятся в разных республиках — особенно много сделано русскими и украинскими учеными, и привлекают к себе внимание за рубежом [1]. В первые годы после войны современная литература рассматриваемых стран в СССР была известна слабо. Издавалось мало книг, было недостаточно квалифицированных переводчиков и исследователей. Осмысление проблем развития этих литератур поначалу было в основном связано с переводившимися в Советском Союзе произведениями, что определяло и жанр работ: это были газетные, реже — журнальные статьи, отклики, рецензии и краткие предисловия к книгам. И все же уже тогда появились работы, касавшиеся не только отдельных явлений, но и общей картины литературной жизни в странах с учетом расстановки литературных сил, общественно-литературной периодики, проблемно-тематических аспектов новой литературы. Этому были посвящены статьи и брошюры советских и зарубежных авторов [2; 3]. К исходу первого десятилетия был создан ряд трудов, отмеченных исследовательским подходом к современной проблематике. Ряд из них до сих пор сохраняет свою научную значимость. Надо отметить, что в эти годы активно развивались не только традиционно широкие для русской и советской науки области, как например, изучение немецкой, польской, болгарской, чешской литературы, но и процессы во всех национальных литературах социалистических стран.

Хотя на многих критических публикациях первого послевоенного десятилетия сказывалось воздействие схематическо-догматических представлений о роли и характере литературы (впоследствии преодоленных), в них уже тогда были поставлены некоторые принципиально важные проблемы литературного развития рассматриваемых стран. Одна из них касалась идейных основ новой литературы. Осмысление этого вопроса в советских работах соотносилось с проблематикой общественно-политического и идеологического развития в каждой стране. Большое внимание в связи с этим уделялось сплочению писателей в рамках национальных литератур на антифашистской платформе, мировоззренческой эволюции писателей, рассматривавшейся сквозь призму их отношения к войне, фашизму, социально-политическим преобразованиям, отношения к Советскому Союзу, а также решению проблем народности и партийности.

Как одна из наиболее существенных и актуальных проблем в процессе становления литератур в народно-демократических странах воспринималась советскими учеными разработка в этих литературах современной темы. И. М. Шептунов, Е. Ф. Усиевич, М. С. Живов и другие отмечали в произведениях о современности отражение болгарскими, польскими и

другими писателями действительных изменений в связях личности с обществом, утверждение осознанного отношения к общественному долгу, небывалый размах массового энтузиазма. Однако вопрос об уровне художественного воплощения темы в то время практически еще не ставился. Многие из такого рода произведений, как известно, были художественно слабыми, несли на себе печать иллюстративности, схематизма, но эти недостатки не были проанализированы. Правда, в 1951 г. Т. Л. Мотылева отмечала схематизм в образах героев современной литературы, как и стремление писателей «к более полной и тонкой, чем раньше, обрисовке людей, к более живой, чем раньше, передаче их чувств и переживаний» [4]. В целом характеристика В. И. Злыднева советской болгаристики того времени может быть отнесена и к исследованиям других литератур: «Говоря о поступательном развитии литературоведческой болгаристики в конце 40-х и первой половине 50-х годов, — писал он, — нельзя не отметить и некоторые слабые стороны, присущие работам тех лет. Как правило, вопросы художественного своеобразия, метода и стиля писателя в лучшем случае отходили на второй план, а то и просто опускались» [5].

Среди общих вопросов, выдвинутых советской наукой на первом этапе изучения современных литератур европейских социалистических стран, следует отметить и постановку вопроса об их гуманизме. Он обсуждался и на материале произведений о социалистическом строительстве и в связи с антифашистскими и антивоенными произведениями. Обращаясь к творчеству Л. Кручковского, М. Пуймановой, А. Ольхи, М. Садовяну, А. Зегерс, И. Бехера, С. Хермлина, Кубы и многих других, Т. Л. Мотылева писала, что «тема борьбы за мир органически становится главной темой всей современной прогрессивной литературы», которая по сути своей «жизнеутверждающа, оптимистична. Она проникнута верой в народ и в человека, в конечную победу демократии над реакцией» [6]. И. И. Анисимов осветил внутреннюю связь двух фаз Сопротивления — антифашистского и антивоенного — и значимость этой проблематики для развития гуманистических тенденций современной литературы. «Подлинной литературой в наше время может быть только литература, защищающая мир... Мир и творчество, мир и культура стали неразделимы» [7].

В советских исследованиях литературы стран народной демократии на первом этапе доминировал страноведческий подход. В ряде работ современные славянские литературы рассматривались в русле славянских традиций. В то же время с начала 1950-х годов проступают тенденции к выявлению более общих закономерностей литературы в целом — появляется понятие «литература стран народной демократии». Так, И. И. Анисимов и Т. Л. Мотылева стремились выявить в литературах, развивавшихся в близких общественно-исторических условиях, типологически сходные явления.

Со второй половины 1950-х годов изучение истории и современного этапа развития литератур европейских социалистических стран в СССР резко активизируется благодаря приходу в науку большого количества специалистов по славянским и другим литературам.

В эти годы начинают систематически выходить подготовленные ИМЛИ и ИНИОН АН СССР, ВГБИЛ библиографические указатели, отражающие советские исследования в области литератур европейских социалистических стран и их связей с советской литературой, библиографические указатели, посвященные творчеству целого ряда современных писателей Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии.

Современную литературу европейских социалистических стран широко представила в многочисленных «портретах» и общих очерках «Краткая литературная энциклопедия». Это 9-томное издание (1963—1978) в известной мере отразило и эволюцию советской науки о литературе этих стран, совершенствование методов ее исследования, становление ряда областей науки (например, унгаристики), развитие литературных и научных связей с соответствующими странами и др.

В освещении проблем развития рассматриваемых литератур и в эти годы немалое значение имели вступительные статьи и предисловия к пере-

видам художественных произведений, в большинстве своем подготовленные специалистами в данной области науки. Подобного рода публикации содержат научные литературно-критические характеристики творчества писателей или отдельных произведений и представляют собой своеобразные жанры исследования современной литературы.

Одним из первых итогов проводившихся в середине 50-х годов исследований была серия литературно-критических портретов, подготовленных в ИМЛИ АН СССР [8]. В сборнике «Литература ГДР» рассматривалось послевоенное творчество крупнейших писателей, а также разработка в литературе исторической темы и темы социалистического строительства в стране. Существенным достижением этого труда было обоснование понятия «литература ГДР» и постановка вопроса о ее истоках и связи с демократическими и революционными традициями прошлых периодов развития немецкой литературы [9].

Во многих советских исследованиях 60-х годов современный литературный процесс рассматривался преимущественно сквозь призму творчества отдельных писателей, деятельность которых продолжалась и после 1945 г. В те годы были созданы монографии и критико-биографические очерки о писателях Венгрии [10], ГДР [11], Польши [12], Румынии [13], Чехословакии [14]. Портреты современных художников старшего и среднего поколения вошли в обобщающие коллективные труды по истории славянских литератур XIX—XX вв., подготовленные в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» [15], «Очерки истории чешской литературы» [16], «История польской литературы» [17], «История словацкой литературы» [18]. Освещавшие с позиций марксистско-ленинской методологии идейно-эстетическую эволюцию большой плеяды современных демократических и социалистических художников, эти работы внесли в советское литературоведение огромный и в своем подавляющем большинстве новый материал. Он давал представление об основных этапах литературного процесса XX в. в целом регионе, о демократических, революционных и антифашистских традициях современной литературы, о ее специфике, о процессе зарождения и развития социалистического реализма в национальных литературах и его соотношении с критическим реализмом и авангардистскими течениями, а также о проблемно-тематическом своеобразии послевоенного этапа. По разным причинам среди созданных тогда отсутствуют портреты ряда видных современных писателей социалистических стран Европы. Например, в «Истории польской литературы» нет портрета Я. Ивашкевича, хотя уже до этого он заявил о себе эпопеей «Хвала и слава» (1956—1962) как один из крупнейших писателей XX в. Подобного рода пропуски можно назвать и в публикациях по венгерской, румынской и другим литературам.

В те годы были предприняты, хоть и немногочисленные, попытки создания целостной картины послевоенного литературного процесса в странах социализма. Здесь можно назвать разделы о развитии социалистического реализма в 1944—1956 гг. в болгарской литературе В. И. Злыднева [15] и о чешской литературе 1945—1960 гг. С. А. Шерлаимовой [16]; работа В. А. Хорева, посвященная польской, О. К. Россиянова — венгерской литературе, П. Р. Биркана и И. М. Фрадкина — о литературе ГДР и др. В избранном аспекте послевоенный литературный процесс исследовался в книге С. Савова, в статье Н. Н. Пономаревой [19].

Во второй половине 50-х—60-е годы советские исследователи выступили с критикой тенденций ревизионизма, проявившихся в некоторых литературах [20], отстаивая важные положения марксистской эстетики — социалистическую идейность, принцип партийности, разоблачая попытки извратить сущность развития социалистического реализма в мировой литературе. «...Путь к пониманию современного этапа социалистических литератур — не в отстранении от партийности, а в открытии ее новых граней», — писал Д. Ф. Марков [21]. В анализе литературно-эстетических программ современных писателей-гуманистов освещалась их борьба с антиисторической, экзистенциалистской трактовкой жизни и человека,

за укрепление активно гуманистических и реалистических позиций [22].

Тогда же многие исследователи начинают разрабатывать на материале литературы 60-х годов оставляемые ранее в стороне вопросы жанровых и стилевых поисков современной литературы. С этой точки зрения современные литературы рассматривались в книгах Д. Ф. Маркова «Болгарская литература наших дней» (1969) и И. А. Бернштейн «Литература социалистической Чехословакии» (1965). В этом плане большой интерес вызывала польская литература, в частности, польский «микророман», широко представленный в русских переводах. Идеино-эстетические поиски в творчестве 60-х годов С. Дыгата, Т. Брезы, В. Маха, Я. Ивашкевича, Е. С. Ставиньского, З. Залуского, З. Посмыш, Т. Голуя, Б. Чешко и других писателей занимают центральное место в исследовании В. П. Вединой «Современная польская проза. К проблеме новаторства» (1971) и осмыслиются сквозь призму полемики с экзистенциалистской трактовкой личности и ее взаимосвязей с обществом. Новаторство в литературе интерпретируется исследователем, как совокупность черт, обусловленных общественной и художественной индивидуальностью писателя, его мировоззрением, характером трактовки им социально-политических и моральных проблем, степенью проникновения в сущность сложнейших процессов, происходящих в психологии человека и в мире на современном этапе.

В 60-е годы в советской науке заметно оживляется интерес к роману в европейских социалистических странах. Это было обусловлено все более заметной его ролью в современном литературном процессе. Т. Л. Мотылева прослеживает эволюцию этого жанра в мировой литературе XX в. с учетом развития его в литературах европейских социалистических стран. На творчестве многих писателей в книге рассматриваются идейно-философская проблематика и роль в ее раскрытии таких художественных приемов, как внутренний монолог и «поток сознания», вопросы реального и романного времени, реальности и условности, проблемы взаимодействия лиризма и эпичности и т. д. [23].

В 1970-е — первой половине 1980-х годах наряду с работами страноведческого характера продолжается изучение современной литературы в русле славянских традиций: разрабатываются вопросы теории и методологии такого рода исследований и ведется анализ художественного творчества [24]. В этом направлении отмечается ряд новых тенденций, а именно — усиление воздействия советских неславянских писателей — Р. Гамзатова, Ч. Айтматова и других на советские и зарубежные, в том числе славянские, литературы, а также своеобразие взаимодействия славянских литератур на современном этапе, происходящее в рамках новой системы — литературы европейских социалистических стран, охватывающей как славянские, так и неславянские литературы [25].

В 1970-е годы формируется также балканистика. Это, как определяет Д. Ф. Марков, комплексная наука, которая «использует данные и методы различных гуманитарных наук для изучения исторического и культурного процесса на Балканах» [26].

Однако в последнее пятнадцатилетие особенно активно в советской науке исследуется проблематика общности литератур европейских социалистических стран. Руководящим методологическим принципом таких исследований является анализ «отдельной литературы как звена в общей системе литератур социалистических стран» [27, с. 243]. Этот принцип утверждался с конца 1950-х годов в работах Д. Ф. Маркова, посвященных вопросам генезиса и развития социалистического реализма на материале разных национальных литератур. Необходимость выйти за рамки одной литературы была продиктована насущной потребностью обобщенно-теоретического осмысления проблем интенсивного взаимообогащения литератур в процессе их тесного взаимодействия, выявления в них общего и особенного. Б. Л. Сучков писал, что суть состоит в том, чтобы «рассматривать социалистические литературы не просто как самостоятельные организмы, чрезвычайно интересные, сложные, богатые и содержательные, но как

самостоятельные организмы, составляющие самобытно и органически части более сложной супер- или метаструктуры, т. е. литературы того, что мы называем в политическом отношении содружеством или мировой системой социализма... Эта концепция плодотворна, потому что она позволяет рассмотреть разнообразие стилей и форм художественной изобразительности и художественных обобщений в пределах единого художественного метода, но метода богатого, как сама жизнь» [28, с. 5—6].

Эти вопросы были предметом обсуждения на ряде международных конференций. Материалы конференции в ИМЛИ АН СССР «Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы» (1975) представлены в коллективном труде Института [28]. В ИМЛИ подготовлен и ряд других работ по этой проблематике [29]. Разрабатывается она и в коллективной монографии, выпущенной Московским университетом совместно с представителями зарубежных университетов [30]. В Институте славяноведения и балканистики АН СССР за последнее десятилетие рассмотрению отдельных литератур в контексте литератур стран социалистического содружества Европы были посвящены международная конференция «Революционные традиции и современный этап в развитии литератур европейских социалистических стран» (1974) и созданный на ее основе сборник [31]; книга, в которой эта проблематика рассматривается применительно к прозе начала 70-х годов [32]; серия двусторонних симпозиумов с учеными Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и коллективные труды, подготовленные совместно с исследователями ЧССР [33], ГДР [34] и НРБ [35].

Осуществляются и исследования отдельных родов литературы. Так, в 70-х—начале 80-х годов развитию драматургии в странах были посвящены книги Н. Н. Пономаревой, Н. Н. Рыбакова, А. Г. Баканова [36]. Вопросы современной драмы рассматриваются также в статьях и предисловиях В. А. Хорева (к изданию Л. Кручковского, 1974), Н. Н. Пономаревой (к сборнику пьес И. Радоева, 1981), Н. М. Вагаповой (к книге «Драматургия Югославии», 1982) и др.

Продолжается, хотя все еще недостаточно, изучение поэзии социалистических стран. Творчеству В. Завады посвящена работа С. А. Шерлаимовой [37, с. 223—246], Д. Юхаса, Й. Шимона, М. Ваца — О. Россиянова [38], Л. Стаффа — Н. Богомоловой [39]; двадцатилетнему периоду развития польской поэзии — раздел в книге А. Пиотровской [40], отдельным тенденциям современной югославской лирики — в статье Н. Корневской [37, с. 269—329] и др. Определенный вклад в данную область исследований вносят литературно-критические очерки, предваряющие издания поэзии: Л. Гинзбург и А. Гугнина — о поэзии ГДР, Л. Будаговой и Ю. Богданова — о поэзии Чехословакии. В. Британишского — Польши и других, а также — работы советских критиков [41]. Ю. А. Кожевников в предисловии к книге «Поэзия современной Румынии» (1979) и С. А. Шерлаимова — к книге «Поэзия ЧССР» (1975) намечают периодизацию в развитии поэзии в соответствующих странах в послевоенные годы, выявляют ее основные проблемно-тематические и идейно-философские аспекты, жанрово-стилевую специфику.

Более всего внимания в 70-е годы, как и в предшествующее десятилетие, советские ученые уделяли анализу прозы. Это диктовалось той особой ролью, которую, по мнению исследователей, проза играет на современном этапе развития литератур в европейских социалистических странах: «...Именно в прозаических жанрах наиболее очевидно проявилась главная тенденция литературного процесса 70-х годов — укрепление позиций социалистического реализма, связанное как с новым этапом общественного развития социалистических стран, с эволюцией общественного самосознания и исторического мышления, так и с необычайным расширением возможностей художественного изображения жизни» [27, с. 238].

Изучение прозы шло в русле исследования крупнейших творческих индивидуальностей — в работах Н. В. Ковригина о И. Р. Бехере (1973), Н. В. Ключник (1975) и Т. Л. Мотылевой (1984) об А. Зегерс, в предис-

словии В. В. Витт к «Собранию сочинений» Я. Ивашкевича и монографии Г. Д. Вервеса о нем (1985); в книгах Я. Станюкович о М. Домбровской (1974), А. Г. Пиотровской о Л. Кручковском (1977), В. Д. Андреева о Г. Караславове (1972), Р. Кузнецовой о М. Майеровой (1982) и многих других. В 70-е годы интенсифицируется осмысление югославской прозы в предисловиях Н. М. Вагатовой, Г. Я. Ильиной, Н. Б. Яковлевой, В. Огнева к изданиям «Библиотеки югославской литературы».

Наибольший интерес исследователей привлекали вопросы жанровых возможностей прозы в познании и отражении правды жизни; это касается и «малых» повествовательных форм, и романа. В целой серии литературно-критических вступительных статей к сборникам повестей и рассказов писателей европейских социалистических стран был поставлен ряд существенных историко-литературных проблем — о месте «малых» повествовательных форм в общей жанровой системе прозы 60—70-х годов, их роли в раскрытии идейно-философской и морально-этической проблематики современности.

Однако среди прозаических жанров в европейских социалистических литературах в 70-е годы больше всего внимания уделяется роману. Ученые рассматривают его как жанр, «с наибольшей полнотой отражающий созревание общества и движение литературы» [27, с. 238]. О романе в советском литературоведении написано много работ — статей, предисловий к книгам, монографий. Более четверти века неизменно притягательным остается роман ГДР. Проблемы его развития освещаются в статьях и книгах Д. В. Затонского, В. Н. Девекина, А. Карельского, Т. Л. Мотылевой, О. Н. Дурдыева [42] и др. Во взаимодействии общественно-исторических и эстетических факторов его развития на большом временном протяжении роман рассматривается в книгах И. В. Млечиной. Специфику эволюции этого жанра в литературе ГДР исследователь связывает с социально-исторической и духовной перестройкой общества — с созданием и развитием социалистического государства. Это раскрывается на анализе тематических пластов романа ГДР и в «портретах» ряда романистов среднего поколения [43]. В центре внимания другой работы И. В. Млечиной [44] — типы романов в литературе ГДР, динамика и характер их развития. Выделяются произведения эпического характера, «производственный» роман, «роман воспитания», «роман судьбы», «роман-отчет», который, считает И. В. Млечина, является характерным для литературы социалистических стран [44, с. 296], «романы-притчи». В своей книге о реализме в венгерской прозе 60—70-х годов О. К. Россиянов рассматривает несколько типов романов — венгерский вариант «романа воспитания», его особые жанровые разновидности — «социографию» (вид литературы факта), «философский или во всяком случае медитативный роман Лайоша Мештерхази „Загадка Прометея“» [45, с. 112]. Исследователь выделяет и такие типы, как «роман характеров» и «роман обстоятельств». На материале литературы ЧССР большой круг вопросов, связанных с развитием этого жанра, в том числе трансформации традиционных типов и появление новых исследуются в статьях С. А. Шерлаимовой, Ю. В. Богданова и других авторов, в книге Р. Р. Кузнецовой «Романы 70-х годов в Чехословакии» (1980). На огромном материале многонациональной литературы СФРЮ тематическое, проблемное, художественно-стилевое разнообразие этого жанра прослеживается в монографии Н. Б. Яковлевой «Современный роман Югославии» (1980).

Т. Л. Мотылева [46], С. А. Шерлаимова [47; 35, с. 103—123], И. А. Бернштейн [48] и другие исследует современный роман также в сравнительно-сопоставительном плане на материале нескольких литератур с целью выявления общих и специфических особенностей его развития. Общность в развитии романа в европейских социалистических странах в 60—70-е годы, считает И. А. Бернштейн, обуславливается тем, что основная проблематика его «связана с историческим преобразованием общества и человека и с перспективами исторического развития» [48, с. 4] в странах. Это касается сферы тем и конфликтов в романе, как и его художественно-структурных изменений. Усложнение и отношений в обществе,

и задач, стоящих перед ним в процессе строительства социализма, пишет И. А. Бернштейн, повлекли за собой многообразные изменения во всей литературе, в том числе — слом жанровых граней романа, рождение его новых разновидностей. В литературах европейских социалистических стран 60—70-х годов автор монографии выделяет несколько типов романа — роман-эпопея, личностная эпопея, роман «подведения итогов», романы «расследования» или «дознания» — «по их смыслу и результатам они обычно близки к роману „подведения итогов“» [48, с. 142], «роман воспитания», «производственный» (его «локальные» образцы: «директорские» — в польской и болгарской литературе, «социографию» — в венгерской), «деревенский» роман, романы-мифы, романы-притчи, романы-эссе, роман-аллегория, социально-психологический исторический роман, роман-биография, документально-публицистический роман. И. А. Бернштейн при этом оговаривается, что в советских работах по отдельным национальным литературам выделяются и другие, кроме рассматриваемых ею, жанровые разновидности. Однако, подчеркивает она, в монографии представлены «те жанровые типы, которые характерны для ряда литератур и являются их общим свойством» [48, с. 12]. Добавим к перечню жанровых дефиниций романа, предлагаемых вышеназванными авторами, и появляющиеся в монографии Н. Б. Яковлевой роман-парабола, роман-сатира, и в монографии А. Г. Пиотровской [40] — роман-документ, роман-жизнеописание, роман-хроника, роман-исповедь, роман-воспоминание, роман-репортаж, а также научно-фантастический, военный, политический, социально-бытовой, социально-психологический, морально-философский, историко-биографический, историко-фантастический.

При сопоставлении всех накопленных в нашей литературе дефиниций становится особенно очевидной и их избыточность, и условность в выделении типов романа: один и тот же материал, одни и те же произведения разносятся по разным рубрикам, причисляются к разным «типам», как и то, что предпринятое выделение «характерных» жанровых типов пока еще не охватывает всего многообразия новых тенденций в литературе европейских социалистических стран, отражающихся в развитии романа.

Важный аспект изучения современной прозы составляют ее проблемно-тематические узлы. В центре внимания остается тема антифашистского Сопротивления. Устойчивость исследовательского интереса к ней в советской науке обусловлена непреходящей актуальностью основной проблематики антифашистского Сопротивления, высоким идейно-художественным уровнем разработки этой темы в европейских социалистических литературах и общностью этих литератур с советской многонациональной литературой в решении принципиальных вопросов. Этой теме посвящены коллективные труды, подготовленные Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, а также монографии и статьи [49]. В советских работах рассматривается сложный круг проблем, поднятых в произведениях этой темы — прежде всего проблема героя, активный и осознанный выбор человеком своего места в жизни, разоблачение философии и психологии фашизма, изображение внутреннего размежевания и столкновения в обществе в условиях войны, оккупации и антигитлеровской борьбы. Исследуется вклад писателей в разработку этой темы в каждой из литератур: в болгарской — Г. Караславова, Д. Димова, В. Андреева, П. Вежинова, Й. Радичкова и др., в венгерской — Й. Дарваша, Т. Череша и др., в литературе ГДР — А. Зегерс, Б. Апица, Д. Ноля, Г. Канта, К. Вольф, В. Шульца, Ф. Фюмана и др., в польской — З. Налковской, Т. Боровского, Т. Голуя, Я. Ивашкевича, Е. Путраманта, В. Жукровского, Е. С. Ставиньского, З. Посмыш и др., в румынской — Э. Барбу, А. Ивасюка, П. Джорджеску и др., в литературе ЧССР — Я. Отченашека, Н. Фрида, И. Марека, Я. Коларовой, П. Илемницкого, В. Минача, Р. Яшика и др., в югославской — Д. Чосича, Б. Чопича, М. Лалича, О. Давичо, В. Калебы, М. Кранеца, М. Олячи, А. Исаковича и др.

Изучение этой темы ведется в историко-литературном и сравнительно-типологическом аспектах.

Ю. В. Богданов, Г. Я. Ильина и В. А. Хорев [50] заостряют внимание на трактовке проблемы антифашистского Сопротивления. Они считают, что столь масштабный и многозначимый узел проблем нельзя сводить к узковременному, тематически замкнутому аспекту (т. е. к периоду Сопротивления) и указывают, что своими истоками тема уходит в 20-е годы (особенно в литературе Болгарии), в 30-е принимает общеевропейский характер («испанская тема») и, наконец, после 1945 г. получает новое осмысление.

В последние годы две основные тенденции в произведениях этой темы привлекают к себе внимание советских исследователей. Одна из них — распространение, особенно с начала 70-х годов «документальной» литературы о войне. Речь идет о появлении большого числа мемуарных, дневниковых, автобиографических, полудокументальных или стилизованных под документ произведений. Основное направление развития современной документально-художественной литературы о периоде войны В. А. Хорев видит в ее движении «от фактографии, от внешней описательности, в глубь времени, в глубь характеров, в глубь психологии личности, отражающей социальную психологию различных слоев общества» [35, с. 198], «нацеленность на выявление роли и места личности в истории, ее связи с судьбой народа и нации» [35, с. 205].

Другая тенденция, вызывающая интерес исследователей, связана с усилением философского и нравственно-этического начала в произведениях об антифашистском Сопротивлении. Среди последних работ, посвященных этим проблемам — монография И. В. Шабловской [51]. В центре внимания исследователя — концепция личности и способы ее художественного воплощения — жанровые и сюжетно-композиционные особенности преимущественно малых повествовательных форм в европейских социалистических литературах, в том числе в советской, последнего двадцатилетия. И. В. Шабловская показывает, что анализ поведения человека в экстремальной ситуации (материал в книге несколько условно сгруппирован в трех основных разделах: «Испытание смертью», «Испытание любовью» и «Испытание памятью») вызвал в рассматриваемых литературах резкое повышение интереса к внутреннему миру человека, усиление этического накала, высветил новые грани проблемы «человек и общество» и явил собой значительный этап в утверждении социалистического гуманизма.

«Деревенская» проза, с которой связаны многие художественные достижения современных социалистических литератур, исследуются в советской науке преимущественно на материале литератур Болгарии и Польши, т. е. тех литератур, где это направление развивалось наиболее интересно. С этой точки зрения особенно пристальное внимание ученых привлекает творчество Й. Радичкова, Г. Мишева, В. Попова, Н. Хайтова, Ю. Кавальца, Т. Новака, В. Мысливского в статьях А. Зверева [37, с. 247—268], В. А. Хорева [33, с. 249—264], В. Оскоцкого [52] и др. В литературе Чехословакии, где «деревенская» проза развивалась меньше, наибольший интерес вызвали произведения Я. Козака — прежде всего его романы «Святой Михал» и «Гнездо аиста», а также повести Б. Ногейлы, Я. Коструна.

По-прежнему мало исследований появляется о таких темах в литературе, как НТР, о рабочем классе, «производственная», что в известной мере является отражением ситуации в самих литературах — слабой разработки в них этих тем. О значительности темы труда в становлении литературы ГДР, в том числе для разработки концепции личности, пишет в своих книгах И. В. Млечина. Эволюция героя в «производственном» романе ГДР 60—70-х годов — в сопоставлении с предыдущим периодом развития литературы — по мнению исследователя была связана с возросшим интересом писателей к сфере морали. «Область труда, — отмечает она, — все больше ассоциировалась с проблемами нравственного плана» [43, с. 108; 44, с. 82—136]. Этого рода тенденцию выявлял М. В. Фридман в румынской литературе на примере творчества А. Ивасюка — в романах «Ночное дознание» и особенно — «Птицы» [32, с. 143—149]. Новаторской трактов-

кой темы труда в литературе ГДР, по мнению И. В. Млечиной, выделяется роман А. Зегерс «Решение», в котором впервые вскрываются «новые противоречия, рождаемые практикой социалистического строительства» в ГДР [44, с. 95]. Одна из разновидностей «романа воспитания» в литературе ГДР — «роман-судьбы» заметно заявил о себе в 70-е годы, как пишет исследователь, прежде всего потому, что в центре его находится образ рабочего.

Расширение тематического диапазона в литературах европейских социалистических стран в 70-х — начале 80-х годов наблюдается в том числе за счет обращения писателей к человеческой жизни в разные исторические эпохи. Интересные тенденции в развитии исторической прозы последнего времени советские исследователи прослеживают в литературе ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии.

В 70-е — первой половине 80-х годов в советском литературоведении делаются новые попытки обобщенного осмысления литературного процесса в рассматриваемых странах — как по отдельным его этапам, так и в целом. В «портретном» жанре послевоенное развитие польской литературы представлено в сборнике «Писатели Народной Польши» (1976), в более общем плане — в книге А. Г. Пиотровской [40]. В коллективном труде «История зарубежных литератур после Октябрьской революции. Часть вторая. 1945—1970» (1978), подготовленном в МГУ, освещается литературный процесс во всех европейских социалистических странах. Особо следует выделить созданную советскими учеными совместно с учеными ГДР «Историю литературы ГДР» (1982). Это первая в советском литературоведении работа, охватывающая более чем тридцатилетний период развития современной социалистической литературы. Книга содержит общие разделы: о литературе 1945—1949 гг., основных направлениях 50-х, 60-х и первой половины 70-х годов, о серболужицкой литературе ГДР, о детской и юношеской литературе, о критике и литературоведении. Отдельные разделы посвящены поэзии, прозе, драматургии, а также — творчеству тридцати пяти современных писателей. В работе А. А. Гугнина существенные процессы этой литературы прослеживаются на творчестве четырех художников: Э. Арендта, Г. Канта, К. Вольф, а также самого молодого из них — Ф. Брауна. Портретные очерки Э. Арендта, творчество которого автор книги причисляет к «вершинным достижениям немецкой поэзии XX в.» [53], и Ф. Брауна — А. А. Гугнин особенно подчеркивает идейное и образное богатство этого социалистического художника — первые в советском литературоведении.

В 80-е годы советские ученые много внимания уделяют выявлению общих закономерностей в развитии всех литератур европейских социалистических стран. С овладением литературой конца 70-х — начала 80-х годов новых пластов жизни исследователи связывают усиление в творчестве современных социалистических писателей критического начала. Развитие этой тенденции привлекло к себе внимание советских и болгарских ученых — Н. Н. Пономаревой [35, с. 144—163], В. Колевского [35, с. 163—179] и др. Эта тенденция в венгерской литературе, прежде всего в творчестве молодых писателей, отмечает В. Т. Серета, проявляется как «открытая проблемность», «особая ... критическая чувствительность по отношению к сложным явлениям, трудностям и конфликтам — экономическим, социальным, нравственным, возникающим в жизни общества» [55, с. 213]. Усиление критического начала в литературе Ю. В. Богданов рассматривает как проявление «нравственной обеспокоенности писателей», в чем, по его мнению, состоит «сегодня главная отличительная особенность социалистической литературы — живое чувство причастности делу строительства и совершенствования социалистического общества, делу сохранения мира на всей Земле». «Подобная — типологически сходная — ориентация литератур социалистических стран, — подчеркивает он, — есть результат естественного и закономерного развития каждой из них» [54, с. 202, 203]. Это свойство современной литературы, как устанавливают исследователи, проявляется в обостренном внимании писателей к личности — к проблемам многообразия ее связей с обществом, развития в

каждом индивидууме общественных идеалов и т. п. Литература последнего времени «вернула» героя в конкретную социальную среду, в производственный коллектив, — пишет С. А. Шерлаимова. — Вместе с тем в центр выдвинулась проблема ответственности человека за собственную судьбу, которая — по примеру „обратной связи“ — зависит от его отношения к обществу, к избранному делу, к людям» [55, с. 205—206].

К центральным проблемам исследования литературы европейских социалистических стран относится периодизация всего ее послевоенного развития. Все более злободневным этот вопрос становится по мере того, как за рубежом (в Венгрии, Болгарии, ГДР) и в Советском Союзе предпринимаются попытки написания истории послевоенных литератур европейских социалистических стран. Задача создания «Истории литератур европейских социалистических стран» стоит и перед литературоведами Института славяноведения и балканистики АН СССР. Выделение определенных этапов и их всесторонняя характеристика — проблемно-тематическая и жанрово-стилевая — чрезвычайно важны для освещения общих закономерностей развития этих литератур на протяжении всего сорокалетнего развития или на отдельных этапах, равно как и для более глубокого понимания текущего литературного процесса. Однако надо отметить, что периодизация послевоенной литературы европейских социалистических стран — одна из наиболее дискуссионных проблем. В советской, как и в зарубежной науке, нет единой точки зрения по этому вопросу. Среди ученых имеются сторонники «дробной» (даже отрезками в 2—3 года) и «укрупненной» периодизации послевоенного развития отдельных национальных литератур.

Исследуя европейские социалистические литературы в их связи с общественно-историческими процессами в странах и социально-психологическими сдвигами в жизни общества, С. А. Шерлаимова, В. А. Хорев и Ю. В. Богданов в 1977 г. выступили с предложением периодизации, общей для послевоенного развития всех европейских социалистических литератур. В этом процессе они выделяют два этапа: «первый — начальный, охватывающий послевоенное десятилетие, связанный с закладыванием основ социализма и характеризующийся прежде всего поисками принципиальной ориентации литературы, выбором пути, и второй — современный, ведущий свое летоисчисление с середины 50-х — начала 60-х годов и связанный с постепенным переходом к построению развитого социалистического общества» [56]. Впервые на основе общей для всех социалистических стран Европы периодизации рассматривается литературный процесс после 1945 г. в книге, подготовленной в Институте славяноведения и балканистики АН СССР совместно с учеными ГДР [34] — с выделением «переходного периода» и «периода строительства социалистического общества».

Эти и другие вопросы послевоенного литературного процесса в европейских социалистических странах были предметом обсуждения на состоявшейся в 1983 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР международной конференции по целевому проекту многостороннего сотрудничества «Проблемы изучения современных литератур европейских социалистических стран (вопросы историографии, принципы периодизации, методология исследования)»; в 1986 г. вышел из печати подготовленный по ее материалам коллективный труд. В 70-е годы в советской науке продолжалась разработка вопросов связи современной литературы с прогрессивными — революционными, демократическими и антифашистскими традициями предшествующей и более отдаленных эпох; была показана значительность национального культурного опыта и интернационального опыта мирового социалистического искусства в становлении социалистических литератур в каждой стране [31; 57].

Идейно-художественная эволюция писателей, формирование нового типа творческой личности изучалась в советском литературоведении на творчестве М. Садовяну (в монографии Ю. А. Кожевникова и статьях М. В. Фридмана), Я. Ивашкевича, К. И. Галчиньского (в работах В. А. Хорева [58]), писателей ГДР, Чехословакии, Венгрии.

В последнее десятилетие советское литературоведение шире, чем прежде, обращалось к проблемам развития теории и критики в европейских социалистических странах. Кроме систематического участия зарубежных ученых и критиков в совместных конференциях и трудах с учеными Советского Союза за последние годы на русском языке издано много их работ. Речь идет о книгах отдельных авторов, а также о серии антологий критики Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии «Литературно-художественная критика в странах социализма» (изданных в 1976—1981 гг.). Анализируя развитие критики в этих странах в 50—60-х годах — борьбу за социалистический реализм, роль марксистской эстетики и др. исследователь подчеркивает, что при рассмотрении этих вопросов надо учитывать тот факт, что «программа социалистического искусства в каждой стране имеет свои особенности, зависящие от целого комплекса конкретных обстоятельств» [59]. Учет их является непременным условием глубокого понимания закономерностей развития европейских социалистических литератур во всей их сложности.

В идейно-эстетическом плане современные литературы европейских социалистических стран — явление неоднородное. Указывая на это, Д. Ф. Марков отмечает в них различные направления, отличающиеся «своей общественной и эстетической позицией. Такие определенно выраженные различия, — пишет ученый, — существовали в литературах всех стран в первые годы после революций в них, а в некоторых странах существуют и сегодня. В большинстве стран основную линию литературного развития представляют литературы социалистические. Но они не охватывают (в отдельных странах с резкой очевидностью) всего процесса». И в наши дни имеют место «такие явления, которые по своему характеру представляют собой прямую противоположность идейно-эстетической платформе социалистических литератур. Это эстетические, субъективистско-формалистические и иные тенденции» [35, с. 11]. В советских исследованиях учитывается сложность современного литературного процесса в рассматриваемых странах, ведется полемика с антисоциалистическими тенденциями, но в центре внимания нашей науки находится прежде всего творчество социалистических художников. В исследовании его советские ученые исходят из концепции социалистического реализма, как исторически открытой системы правдивого изображения жизни, не замкнутой «в рамках одного или даже нескольких способов изображения» [35, с. 14]. Это позволяет советским ученым вовлечь в сферу своих исследований широчайший круг явлений современной литературы, показать их идейно-философское, нравственно-этическое и художественно-стилевое многообразие, и раскрыть, как главный «инструмент» познания мира и человека — социалистический гуманизм, составляющий основу общности литератур социалистического содружества.

Рассмотрение этих литератур в сопоставлении с мировой, в том числе с советской многонациональной литературой, подвело советских ученых к выводу о том, что послевоенные годы явились для литератур европейских социалистических стран своего рода этапом «ускоренного развития» [55, с. 213], что и обусловило небывалый рост их авторитета в мире.

Свидетельством тому является и широкое распространение литератур европейских социалистических стран в СССР и то внимание, которое уделяется их развитию в советской науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. V boji za mír. Praha, 1951; *Bogdanov J.* Dinamika literárnych skúsenosti. Bratislava, 1982; *Polonistyka radziecka.* Warszawa, 1985.
2. *Григорьев А.* Болгарская литература на пути социалистического реализма. — Звезда, 1953, № 5; *Григорьев А.* Болгарская литература на подъеме. — Звезда, 1951, № 1; *Мотылева Т.* Литература демократической Германии. — Новый мир, 1950, № 11; *Розенцвейг В.* Новая жизнь, новая литература (Заметки о румынской прозе и поэзии). — Новый мир, 1951, № 10.
3. *Зогович Р.* Современная художественная литература в Югославии. — Славяне, 1947, № 5.

4. *Мотылева Т.* Образы строителей социализма. Заметки к итогам литературного года в странах народной демократии.— Литературная газета, 1951, 28 XII.
5. *Злыднев В. И.* Изучение болгарской литературы в Советском Союзе. Итоги и перспективы.— Советское славяноведение, 1981, № 5, с. 92.
6. *Мотылева Т. Л.* Прогрессивные писатели в борьбе за мир.— Вопросы философии, 1951, № 1, с. 117, 125.
7. *Анисимов И. И.* В защиту мира.— В кн.: Прогрессивная литература стран капитализма в борьбе за мир. М., 1952, с. 5, 22.
8. Писатели стран народной демократии. Вып. 1—4. М., 1955—1960; Литература Германской Демократической Республики. М., 1958.
9. *Гуггин А. А.* Становление социалистической личности, развитие социалистической культуры (Обзор работ советских германистов о литературе ГДР).— В кн.: Жизнь. Общество. Литература. Реферативный сб. М., 1979, с. 149—150.
10. *Россиянов О. К.* Антал Гидаш. Очерк творчества. М., 1970.
11. *Фрадкин И. М.* Бертольд Брехт. Путь и метод. М., 1965; *Клюев В. Г.* Театрально-эстетические взгляды Б. Брехта. Опыт эстетики Брехта. М., 1966; *Глумова-Глухарева Э. И.* Драматургия Бертольда Брехта. М., 1962; *Савицкий А. А.* Бертольд Брехт. Орехово-Зуево, 1968; *Девекин В. Н.* Э. Вайнерт. Критико-биографический очерк. М., 1965; *Дыжищ А. Л.* Фридрих Вольф. М., 1963; *Шеллингер Н. А.* Фридрих Вольф. Критико-биографический очерк. М., 1966; *Бергельсон Г. Ю.* Б. Келлерман. М.—Л., 1965; *Левинтон А. Г.* Творчество Б. Келлермана. Л., 1958; *Федоров А. А.* Творчество Келлермана. М., 1961; *Лейтес Н. С.* Романы Анны Зегерс. Пермь, 1966; *Топер П.* Арнольд Цвейг. М., 1960; *Топер П. М.* Людвик Ренн. М., 1965.
12. *Живов М. С.* Юлиан Тувим. 1884—1953. Жизнь и творчество. М., 1963; *Булаховская Ю. Л.* Ю. Тувим. Киев. 1960; *Хорев В. А.* Владислав Броневский. М., 1965.
13. *Кожевников Ю. А.* Михаил Садовяну. М., 1960; *Сугоняй В.* Михаил Садовяну. Жизнь и творчество. М., 1959.
14. *Бернштейн И. А.* Творческий путь Марии Пуймановой. М., 1961; *Будагова Л. Н.* Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества. М., 1967; *Шерлаимова С. А.* Витезслав Незвал. М., 1968; *Савицкий В.* Петер Илемницкий. Очерк жизни и творчества. М., 1964.
15. Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959.
16. Очерки истории чешской литературы. М., 1963.
17. История польской литературы. Т. 2. М., 1968.
18. История словацкой литературы. М., 1970.
19. *Савов С.* Героико-революционная драма Болгарии. 1944—1960. М., 1964; *Пономарева Н.* Болгарская драматургия первого десятилетия народной власти.— В кн.: Зарубежные славянские литературы. М., 1970.
20. *Лифшиц М. А.* По поводу статьи И. Видмара. Из дневника.— Новый мир, 1958, № 12; *Николин В., Рябова Е.* В лабиринте модернизма.— Литература славянских народов. Вып. 6. М., 1961; *Сучков Б. Л.* Некоторые итоги борьбы с ревизионизмом.— Знамя, 1958; *Сучков Б. Л.* К спорам о реализме.— В кн.: Лики времени. Т. 2. М., 1976.
21. *Марков Д. Ф.* Генезис социалистических литератур и некоторые вопросы их современного развития.— Известия Академии наук. Серия литературы и языка. М., т. 21, вып. 1, 1968, с. 13.
22. *Ильина Г. Я.* Романы О. Давичо.— Литература славянских народов, вып. 7. М., 1962.
23. *Мотылева Т. Л.* Зарубежный роман сегодня. М., 1966.
24. Сравнительное изучение славянских литератур. Материалы конференции. М., 1973; Роман в современных литературах южных и западных славян. М., 1973; *Шерлаимова С. А.* Сравнительное изучение современных славянских литератур.— Общественные науки, 1978, № 5 и др.
25. *Шерлаимова С. А.* Сравнительное изучение современных славянских и неславянских литератур.— В кн.: Современные славянские культуры. Развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев, 1979.
26. *Марков Д. Ф.* Опыт, проблемы, перспективы развития.— Общественные науки, 1981, № 5, с. 161.
27. *Богданов Ю., Хорев В., Шерлаимова С.* Духовный мир современника.— Дружба народов, 1982, № 3.
28. Общее и особенное в литературах социалистических стран. М., 1977.
29. Актуальные проблемы сравнительного изучения литератур европейских социалистических стран. М., 1978; Литература европейских стран социалистического сотрудничества. М., 1983.
30. Общие закономерности и национальная специфика в литературах европейских социалистических стран (Проза 60—70-х годов). М., 1968.
31. Литературная критика европейских социалистических стран. Вып. 2. М., 1978.
32. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Художественная проза начала 70-х годов. М., 1976.
33. Современная литература Чехословакии в контексте литератур европейских социалистических стран. М., 1981.
34. Проблемы развития литератур европейских социалистических стран после 1945 года. М., 1985.
35. Современная болгарская проза и литературы европейских социалистических стран. М., 1985.
36. *Пономарева Н. П.* Современная болгарская драматургия. М., 1976; *Рыбаков Н. П.*

- Театр гражданской полемики. Драматургия Леона Кручковского. Минск, 1978; *Баканов А. Г.* История и современность в драматургии ГДР. М., 1979.
37. Современная литература за рубежом. Литературно-критические статьи. Сб. 5. 1983.
 38. Современная литература за рубежом. Литературно-критические статьи. Сб. 3. М., 1971, с. 238—265.
 39. *Богомолова Н.* Послевоенная поэзия Стаффа.— Советское славяноведение, 1974, № 6.
 40. *Пиотровская А. Г.* Художественные искания современной польской литературы. Проза и поэзия 60—70-х годов. М., 1979.
 41. *Огнев В.* Пять тетрадей. М., 1975; *Огнев В.* Горизонты поэзии. Т. 1—2. М., 1982; *Огнев В.* Годовые кольца. М., 1983; *Опуйский А.* Современные поэты Болгарии. М., 1975.
 42. *Затонский Д. В.* В наше время. М., 1979; *Девекин В. Н.* Предисловие.— В кн.: Кант Г. Выходные дни. М., 1974; Карельский А. Предисловие.— В кн.: Кант Г. Актный зал. М., 1974; *Дурдыев О. Н.* «Чудодей» Э. Штритгматера как роман воспитания. Ашхабад, 1980.
 43. *Млечина И. В.* Жизнь романа. О творчестве писателей ГДР. 1949—1980. М., 1984.
 44. *Млечина И. В.* Типология романа ГДР. М., 1985.
 45. *Россиянов О. К.* Реализм в новой венгерской прозе. 60—70-е годы XX в. М., 1979.
 46. *Мотылева Т. Л.* Роман — свободная форма. Статьи последних лет. М., 1982.
 47. *Шерлаимова С. А.* Утверждение реального гуманизма. М., 1980; *Шерлаимова С. А.* Движение жанра (Роман 70-х годов в европейских социалистических странах).— Вопросы литературы, 1980, № 11.
 48. *Бернштейн И. А.* Эпос обновления жизни. Роман в литературах социалистических стран 60—70-х годов. М., 1982.
 49. Литература антифашистского Сопротивления в странах Европы. 1939—1945. М., 1972; Вторая мировая война в литературе зарубежных стран. М., 1985; *Флоровская О. В.* Антифашистский роман ГДР. М., 1972; *Тонер П. М.* Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои. Изд. 2-е, доп., перераб. М., 1975; *Журавская И. Е.* Чешский антифашистский роман. Киев, 1969; *Ведина В. П.* Польская военная проза. Киев, 1980; *Ведина В. П., Захаржевская В. А.* Современный славянский антифашистский роман: Поэтика жанра. Киев, 1978; *Девекин В.* Не створевшие на костре. Немецкая антифашистская литература. 1933—1945. М., 1979; *Балза С. И.* Не просто война, но и революция.— В сб.: Литература великого перелома. Великая Отечественная война в литературе. Вып. 2. М., 1975.
 50. *Богданов Ю. В., Ильина Г. Я., Хорев В. А.* Опыт антифашистского сопотвления и развитие южно- и западнославянских литератур.— В сб.: Славянские литературы. VIII Международный съезд славистов. М., 1978.
 51. *Шабловская И. В.* Самой высокой мерой. Современная проза европейских социалистических стран о войне. Минск, 1984.
 52. *Оскоцкий В.* Город, деревня, земля (К творческому портрету Юлиана Кавальца).— В кн.: Кавалец Ю. Избранное. М., 1985, с. 5—16.
 53. *Гугнин А. А.* Современные писатели ГДР. М., 1986, с. 24.
 54. Всматриваясь в облик нового времени.— Иностранная литература, 1986, № 2.
 55. Всматриваясь в облик нового времени.— Иностранная литература, 1986, № 3.
 56. *Шерлаимова С., Богданов Ю., Хорев В.* Литература реального гуманизма.— Вопросы литературы, 1977, № 10, с. 50.
 57. *Хорев В. А.* Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979; *Моторный В. А.* «За революцию я отдал голос свой...». Творчество Т. Сватоплука и некоторые вопросы развития социалистического реализма. Львов, 1980; *Сиваченко Г. Н.* Творчество Андрея Плавки: Традиции и новаторство. Киев, 1984.
 58. *Хорев В. А.* От абстрактного гуманизма к социалистическому: Идеино-художественная эволюция ряда польских писателей в 1945—1948 гг.— Советское славяноведение, 1984, № 4, с. 13—23.
 59. *Шерлаимова С. А.* Теоретические проблемы социалистического реализма и их разработка в литературоведении европейских социалистических стран.— В кн.: Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. М., 1984, с. 23.

БУХАНОВ В. А.

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ» В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале второй мировой войны в Вене было создано Общество Юго-Восточной Европы (Зюдостойропа-гезельшафт). Его деятельность в исторической литературе освещена незначительно. В 1945 г. документы и материалы общества оказались в руках командования армии США, которое сочло излишним предоставить их в распоряжение Международного трибунала над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге. Долгие годы трофеи хранились в национальном архиве США, пока ими не заинтересовались американские историки. Так появилась монография Д. Орлоу «Нацисты на Балканах» [1]. Орлоу установил, что Общество Юго-Восточной Европы разрабатывало планы установления гитлеровского «нового порядка» в балкано-дунайских странах. Однако американский автор постарался обойти вопрос о классовой сущности фашизма. Третий рейх в его представлении являл собой лишь «новое феодальное общество» с постоянно ведущейся междоусобной борьбой руководителей министерств и ведомств.

Начало изучению данного вопроса в марксистской историографии положило издание в ГДР документальных сборников о роли германского монополистического капитала во второй мировой войне [2—4], в которых впервые были опубликованы несколько документов Общества Юго-Восточной Европы. Составители сборников связывают его возникновение с агрессивной, направленной на новый передел мира, политикой германского империализма, с ожесточенной конкурентной борьбой между финансово-промышленными группировками фашистской Германии, вызванной спорами о методах закабаления балканских и дунайских государств. Вместе с тем ни в ГДР, ни в нашей стране еще нет специального исследования по истории этой организации. В настоящей статье ставится задача выяснить цели создания Общества Юго-Восточной Европы, сферу его интересов и деятельность с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.

Страны востока и юго-востока Европы, граничившие с Германией, занимали важное положение в Версальской системе. Державы-победительницы отвели им роль составных звеньев антисоветского «санитарного кордона». Одновременно Чехословакия и Австрия являлись политическим и экономическим барьером против возможного германского продвижения через Балканы на Ближний Восток. Выгодное географическое положение между промышленно развитым центром капиталистической Европы и ее отсталой окраиной, традиционное проникновение австрийского и чешского капиталов в балкано-дунайские страны, сосредоточение в Вене и Праге крупных банков европейского масштаба, подчиненных финансовой олигархии Англии и Франции, — все это делало Австрию и Чехословакию не только младшим партнером западных держав в балкано-дунайском регио-

не, но и серьезным конкурентом германского империализма в этих странах. Не случайно по мере восстановления промышленного потенциала Германии в Берлине крепла уверенность в том, что борьбу за создание собственной сферы влияния — так называемого гросвиртшафтсраума — следует начинать с Юго-Восточной Европы [4, S. 220] и что первым шагом на этом пути должен быть аншлюс Австрии [5, S. 87]. Однако все попытки подобного рода в период веймарской Германии потерпели неудачу.

С установлением в Германии фашистской диктатуры германский империализм прямо поставил вопрос о насильственном переделе мира. Аншлюс Австрии в марте 1938 г., а затем и захват Чехословакии знаменовали собой первый шаг на пути к насильственному созданию гросвиртшафтсраума. Значительно потеснив западный капитал и захватив ключевые позиции в австрийской и чехословацкой экономике, Германия получила возможность использовать остмарк¹ и протекторат² в качестве плацдарма для дальнейшей экспансии на Балканах. При этом явное предпочтение гитлеровцы отдавали Вене, имевшей, как выразился в первые же дни после аншлюса директор «Дойче банк» Г. Й. Абс, «особое значение для великогерманских промышленных и коммерческих операций в Юго-Восточной Европе» [6, с. 183]. При дележе добычи и приспособлении экономической структуры остмарка к потребностям германского империализма преимущество получила финансово-промышленная группировка во главе с «Дойче банк» и химическим концерном «И. Г. Фарбениндустри», тесно связанная с геринговским ведомством («четырёхлетний план») и другими государственно-монополистическими организациями: в сети этой группировки попал и крупнейший венский банк «Эстеррайхисхе кредитанштальт» [6, с. 183—185, 203]. В результате срачивания немецкого и австрийского капиталов возник единый «великогерманский» комплекс, отличавшийся особой реакционностью и агрессивностью, в котором австрийская сторона играла роль активного помощника и младшего партнера. К началу второй мировой войны остмарк был готов к выполнению захватнических планов фашистской Германии в Юго-Восточной Европе.

В сентябре 1939 г. сотрудники имперского наместника и нацистского гауляйтера в остмарке Й. Бюркеля подготовили и направили в министерство хозяйства соответствующие предложения, получившие в Берлине благоприятный отклик. 14 октября в Вену прибыл гитлеровский министр В. Функ. Выступая с большой речью на открытии осенней ярмарки, он назвал английскую экономическую блокаду бесперспективной, поскольку германская военная экономика отныне ориентирована «особенно на юго-восток». В связи с этим Функ подчеркнул особое значение остмарка и Вены, через которую пролегает «жизненно важная артерия Великой Германии к экономике Юго-Восточной Европы». В выступлении прозвучала также мысль о необходимости децентрализации административного управления в третьем рейхе и передачи некоторых исполнительных функций периферийным центрам империи [7, № 2308, Вл. 558 671]. Это на первый взгляд ничем не примечательное высказывание Функа обнажало тайные замыслы нацистов по организации гросвиртшафтсраума: наряду с Берлином — столицей всей «континентальной Европы» — ряд периферийных городов третьего рейха должны будут осуществлять управление оккупированными территориями [1, р. 27]. Поэтому можно считать знаменательным заявление Функа о том, что он приветствует инициативу Бюркеля о создании в Вене «специальной экономической организации для решения задач на юго-востоке, которая в сотрудничестве с промышленностью (т. е. с монополиями. — В. Б.) должна рассматривать, на основе единых принципов, все вопросы... экспорта и импорта, включая транспорт, посредничество, информацию и агитацию» [7, № 2308, Вл. 558 671].

Первый подробный проект такой организации связан с именем крайне реакционного австрийского деятеля Э. Пистора, возглавлявшего в то вре-

¹ Так гитлеровцы называли Австрию после аншлюса.

² Название части Чехословакии, оккупированной немецко-фашистскими войсками в марте 1939 г.

мя венский филиал германо-греческого общества. Еще в 1915 г. Пистор основал так называемый «исследовательский институт Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока», который выполнял деликатные поручения австрийских монополий и занимался пропагандой империалистической экспансии. 26 октября 1939 г. Э. Пистор направил Бюркелю письмо с предложением создать в аппарате имперского наместника «экономическое ведомство остмарка для юго-востока», которое руководило бы экономической политикой остмарка в балкано-дунайских странах и исполняло посреднические функции в отношениях фашистской Германии «с юго-востоком, а в будущем, вероятно, и с востоком» [7, № 2308, Вл. 558 670—558 675]. Как видно, автор письма распространял сферу деятельности проектируемой организации не только на территорию балканских и дунайских государств, но и на страны Восточной Европы.

В Берлине довольно прохладно встретили рекомендации Пистора. Германские финансово-промышленные группировки не могли согласиться с предусмотренным в проекте повышением относительной самостоятельности хозяйственных палат остмарка. В конце 1939 г. министерство хозяйства отклонило предложения Пистора и привлекло к работе в этом направлении представителя Рейнско-Вестфальского горнопромышленного объединения А. Хайнрихсбауэра. В 20-е годы Хайнрихсбауэр получил известность своими тесными контактами с национал-социалистами [8, с. 22, 23; 9, с. 173]. Именно благодаря его стараниям в руководстве нацистской партии пробрался В. Функ [10, с. 238], ставший советником Гитлера по экономическим вопросам. Оказавшись после событий 1934 г. не у дел (из-за многолетней дружбы с Г. Штрассером), А. Хайнрихсбауэр был вынужден заняться розничной торговлей углем [1, р. 24], пока в конце 1939 г. В. Функ, зная его как специалиста по Юго-Восточной Европе, не привлек его к этим делам. Известно, что весной 1930 г., т. е. задолго до шумевшего выступления председателя имперского союза германской промышленности К. Дуисберга³, Хайнрихсбауэр выступал за образование центрально-европейского экономического региона, причем «Австрия со своей столицей Веной, разумеется, неизбежно должна [была] стать центром „германского продвижения на восток и юго-восток“» [11]. Выполняя поручение министра хозяйства, Хайнрихсбауэр подготовил план создания Общества Юго-Восточной Европы и провел переговоры с партийными и государственными инстанциями и представителями финансового капитала, в ходе которых уточнялись структура и сфера деятельности будущей организации.

8 февраля 1940 г. в Вене было провозглашено образование Общества Юго-Восточной Европы [1, р. 22]. Его почетным председателем стал В. Функ, президентом — Й. Бюркель, главным управляющим — А. Хайнрихсбауэр. Таким образом, лицо общества определяли видные деятели нацистской партии, государства и монополий.

Цель организации, как отмечалось в ее уставе, состояла в том, чтобы «поддерживать, укреплять и развивать отношения Германии со странами Юго-Восточной Европы», консультировать всевозможные учреждения, занимавшиеся «изучением экономической или культурной жизни этих государств. ... Кроме того, общество выполняет задачи, которые ему поручают имперский министр или другие государственные и партийные органы, и руководит делами учреждений, входящих в его состав» [3, S. 54; 7, № 5635, Вл. 560 623]. Являясь фактически филиалом министерства хозяйства гитлеровской Германии, Общество Юго-Восточной Европы имело статус неправительственного учреждения, что освобождало его от всяких условностей, характерных для официальной инстанции. Руководители общества постоянно подчеркивали в узком кругу, что его структура не имеет аналогов, ибо оно не является частью государственной или партийной организации, а также какого-либо органа монополий. «Это обстоятельство, — писал А. Хайнрихсбауэр, — оказалось очень выгодным; оно обеспечивает обществу независимость, способность быстро перестраиваться, возможность

³ 24 марта 1931 г. К. Дуисберг публично высказался в пользу создания экономического блока от Бордо до Одессы под германским руководством.

непосредственных переговоров с центральными инстанциями и т. д.» [7, № 10 744].

Обществу Юго-Восточной Европы сулили блестящую перспективу, однако его конституирование затянулось, оно завершилось лишь в июне 1941 г. Не в последнюю очередь это объяснялось необходимостью вести порой жесткую борьбу за место в государственно-монополистической системе гитлеровской Германии с другими организациями подобного рода, за каждой из которых стояла та или иная финансово-промышленная группировка, а также представители партийной, государственной и военной элиты. Распри между нацистскими нуворишами на самом деле отражали острые противоречия внутри германской финансовой олигархии. Весьма спорным, в частности, являлся вопрос о способах достижения гросвиртшафтсраума на европейском континенте. С самого начала существования Общества Юго-Восточной Европы оно оказалось в поле зрения министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа, который в марте 1940 г. назначил своим представителем в нем К. Клодиуса, заместителя директора хозяйственно-политического отдела МИД [1, р. 35]. В таких условиях трудно было рассчитывать на успех первоначального замысла В. Функа и А. Хайнрихсбауэра, сводившегося к простому подчинению Обществу Юго-Восточной Европы всех партийных, государственных и монополистических учреждений остмарка, занимавшихся различными аспектами германской экспансии на Балканах и в Дунайском бассейне [7, № 10 744, Вл. 1 562 262].

После образования Общества Юго-Восточной Европы А. Хайнрихсбауэр заручился поддержкой многих влиятельных немецких газет, таких как «Берлинер берзенцайтунг», «Бергверксцайтунг», «Дойче альгемайне цайтунг», «Мюнхенер нойесте нахрихтен», «Франкфуртер цайтунг», а также венского еженедельника «Зюдост-эхо», владелец которого — некий ван Раай — был одним из официальных основателей этого общества. В апреле — мае 1940 г. Хайнрихсбауэр совершил поездку в Будапешт, Бухарест, Софию, Афины и Белград, стремясь привлечь к сотрудничеству представителей деловых кругов, науки и культуры балкано-дунайских стран [1, р. 40, 70]. Интерес к обществу проявили крупнейшие немецкие монополии «И. Г. Фарбениндустри», «Маннесман», «Хеншель», «Дойче-американише петролеум гезельшафт» [7, № 5634, Вл. 559 196—559 197], однако благоприятные условия для его деятельности сложились только после победы фашистской Германии на западном фронте летом 1940 г.

Поражение Франции резко изменило соотношение сил в капиталистической части Европы. Начали проявляться контуры гитлеровского «нового порядка», над европейскими народами нависла угроза порабощения германским империализмом⁴. В самой Германии обострилась конкурентная борьба за руководство экономической политикой рейха в оккупированных и зависимых странах. 22 июня 1940 г. — в день подписания франко-германского перемирия — уполномоченный по четырехлетнему плану Геринг поручил Функу разработать новую структуру «послевоенной континентальной экономики» [2, с. 91—92] — так называемого гросраумвиртшафта. К тому времени в министерстве хозяйства уже существовал специальный отдел «Подготовка и обеспечение порядка», возглавлявшийся Г. Шлоттерером, бывшим журналистом и членом директората ряда крупных немецких концернов, в том числе «И. Г. Фарбениндустри». Сотрудники отдела Шлоттерера в тесном контакте с ведущими германскими монополиями готовили планы установления фашистского «нового порядка» в Европе.

В конце июня 1940 г., т. е. после капитуляции Франции, главный управляющий Общества Юго-Восточной Европы вошел в МИД и министерство хозяйства с предложением «включить общество в практическую рабо-

⁴ Уже 14 июня 1940 г. на совещании в Берлине с участием представителей министерства иностранных дел, ведомства «четырёхлетнего плана», СС, министерства хозяйства и военно-экономического управления ОКВ рассматривались вопросы использования бельгийских и голландских капиталовложений в Юго-Восточной Европе в интересах Германии (см. [3, S. 81—82]).

ту... в какой-нибудь значительной области»; в письме Г. Фишбеку⁵ Хайнрихсбауэр отмечал, что «берлинские инстанции обнаруживают по отношению к нам некоторую симпатию» [7, № 5634, Bl. 559 173], упомянув понимание сути дела К. Клодиусом. Но после вышеупомянутого поручения Геринга судьба венского общества в наибольшей мере была связана с министерством хозяйства. 13 июля Шлоттерер, отвечая на письмо Хайнрихсбауэра, сообщил ему: «Что касается использования Общества Юго-Восточной Европы, то я также надеюсь, что в деле установления нового порядка в Европе новые задачи возникнут прежде всего для юго-востока. Вы могли бы тогда включиться в работу. Этот вопрос я буду иметь в виду, и вы сможете убедиться, что я по достоинству буду представлять ваши интересы» [7, № 5634, Bl. 559 171].

С середины июля отдел Шлоттерера завершал подготовку «рабочей программы на ближайшее будущее», в которой большое внимание уделялось реорганизации экономики балкано-дунайских стран, кстати, еще не оккупированных гитлеровскими войсками. Основные вопросы «рабочей программы» стали предметом специального рассмотрения на совещании руководителей министерств и ведомств 22 июля 1940 г. В речи В. Функа на этом совещании прежде всего было констатировано: «В политическом отношении Германия располагает сейчас в Европе достаточной мощностью, чтобы обеспечить новый порядок в экономике соответственно своим потребностям». По словам Функа, вовсе не в интересах Германии «вводить на юго-востоке такой же образ жизни, как в Германии»; задача заключается в том, чтобы приспособить экономику европейских государств к германским потребностям [2, с. 91—104].

Через несколько дней, 26 июля, в венском еженедельнике «Зюдост-эхо» появилось интервью Функа, призванное успокоить буржуазию европейских, в первую очередь балкано-дунайских, государств и привлечь ее к сотрудничеству с фашистской Германией в рамках гитлеровского экономического порядка. Подчеркнув необходимость покончить с «фантастическими и спекулятивными представлениями о grosraumвиртшафте», буквально заполонившими германскую прессу, министр хозяйства пытался представить дело таким образом, будто экономическая реорганизация Европы посредством «разумного разделения труда» приведет к повышению жизненного уровня не только в самой Германии, но и в остальных европейских странах, и создаст благоприятные условия для успешного противоборства «объединенной Европы» с другими «экономическими пространствами» [12]. Интервью Функа в действительности было лишь пропагандистским прикрытием секретных исследований, проводившихся в фашистской Германии, в том числе и «рабочей программы на ближайшее будущее».

Вслед за одобрением Герингом «рабочей программы» [2, с. 112—113] Берлин предпринял следующий после интервью Функа шаг в пропаганде идей grosraumвиртшафта, и снова в Вене. 1 сентября 1940 г. В. Функ выступил на открытии венской осенней ярмарки. Из его речи следовало, что «новый порядок» является чуть ли не благодеянием со стороны гитлеровской Германии в отношении европейских народов. Министр хозяйства особо подчеркнул значение «европейского сотрудничества» для стран Юго-Восточной Европы, высказался за их индустриализацию, но в рамках их «самобытного» развития и с учетом потребностей Германии [13, 13 IX, S. 322—323]. В речи немецкого министра в завуалированной форме были изложены основные пункты «рабочей программы», подготовленной отделом Шлоттерера.

После выступления Функа в прессе фашистской Германии развернулась пропаганда роли остмарка и Вены в экономической реорганизации балкано-дунайского региона. «Вена должна играть важную роль в великогерманском рейхе, — писали немецкие газеты. — Она расположена именно

⁵ В 1939 г. — председатель правления венского банка «Эстеррайхисхе кредитанштальт», входившего в сферу влияния «Дойче банк». После оккупации Бельгии, Голландии и Франции занимал руководящие посты в немецкой администрации на этих территориях. Один из основателей Общества Юго-Восточной Европы и представитель его интересов в годы второй мировой войны.

там, где могут выполняться новые задачи», она превратится скоро в «центр всей восточной торговли» [14].

В такой обстановке в августе — сентябре 1940 г. резко активизировалась деятельность Общества Юго-Восточной Европы. 7 августа новым имперским наместником и гауляйтером остмарка стал Б. фон Ширах [15, Bd. 2354, Bl. 29, 30], руководитель гитлерюгенд, к нему перешел и пост президента Общества Юго-Восточной Европы. Вице-президентом общества по административным делам был назначен экономический советник национал-социалистической партии в Вене, оберфюрер СС В. Рафельсбергер, известный тем, что после аншлюса руководил процессом аризации в остмарке, т. е. захватом фирм с еврейским капиталом и передачей их германским монополиям. Рафельсбергер входил в наблюдательный совет крупнейшего венского банка — «Эстеррайхисхе кредитанштальт», дочернего общества «Дойче банк». Под руководством Рафельсбергера был разработан комплексный план превращения Вены в крупнейший экономический и транспортный узел всего балкано-дунайского региона. Представленный В. Функу и статс-секретарю министерства хозяйства Ф. Ландфриду план стал основой доклада Функа Гитлеру, который в начале октября 1940 г. распорядился укрепить экономику остмарка [7, № 5635, Bl. 560 917]. Это произошло сразу же после подписания Тройственного пакта — агрессивного союза Германии, Италии и Японии, направленного на новый передел мира.

С августа 1940 г. с ведома и одобрения министерства хозяйства происходила организационная перестройка Общества Юго-Восточной Европы. В отличие от первоначального замысла создать сугубо централизованное общество, А. Хайнрихсбауэр и В. Рафельсбергер предложили теперь иную форму, типичную скорее для организации финансового капитала, — форму головного, материнского общества, схожего с холдинг-компанией. Такая организация государственно-монополистического общества применялась в фашистской Германии впервые. Используя соглашения о долгосрочном сотрудничестве, субсидирование, персональную унию и т. д., Общество Юго-Восточной Европы постепенно оказалось во главе многих формально самостоятельных ведомств и учреждений [1, р. 38, 39], занятых вопросами германского проникновения на Балканы, и превратилось в организацию, способную активно включиться в разработку и реализацию планов гросраумвиртшафта.

Осенью 1940 г. под руководством В. Функа в фашистской Германии началась подготовка к осуществлению новой фазы в рамках программы гросраумвиртшафта — так называемого «промышленного планирования юго-востока». Каждая из конкурирующих финансово-промышленных группировок третьего рейха стремилась возглавить эту работу, ведь речь в конечном итоге шла о том, кто получит контроль над экономическим развитием балкано-дунайского региона. Центром планирования «континентальной экономики» в фашистской Германии была имперская группа «Промышленность» [3, S. 50, 51], которая являлась связующим звеном между финансовой олигархией и нацистским государством. Руководители имперской группы, прежде всего В. Цанген — генеральный директор концерна «Маннесман» и доверенное лицо «Дойче банк», резко отрицательно отнеслись к предложению Г. Шлоттерера передать Обществу Юго-Восточной Европы всю научно-исследовательскую работу по «промышленному планированию юго-востока» [3, S. 58]. Имперская группа «Промышленность» стремилась монополизировать разработку планов гросраумвиртшафта. Не собиравшись уступать кому бы то ни было свою «сферу влияния» и Среднеевропейский экономический совет — монополистическая организация, находившаяся под влиянием концерна «И. Г. Фарбениндустри» и обладавшая многолетним опытом экспансии в балкано-дунайских странах. Руководству Общества Юго-Восточной Европы пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы решить дело в свою пользу. «Если общество не заполучит промышленное планирование, — отмечал А. Хайнрихсбауэр в письме Р. Кратцу ⁶, — существует опасность, что не будут учитываться

⁶ Представитель гауляйтера Шираха в Берлине.

особые интересы остмарка (монополий остмарка.— В. В.) при решении той задачи, для которой он предназначен». Главный управляющий общества ссылаясь далее на то, что в отличие от Среднеевропейского экономического совета, представлявшего только некоторые немецкие монополии, Общество Юго-Восточной Европы с самого начала действовало «в общих интересах» и «не отдает предпочтение какой-либо фирме или промышленной группе» (имелся в виду государственно-монополистический характер венского общества). При условии передачи обществу руководства исследовательской работой, связанной с «промышленным планированием юго-востока», Хайнрихсбауэр соглашался привлечь к разработкам все заинтересованные ведомства. Вместе с тем он хорошо понимал, что без имперской группы «Промышленность» нельзя будет выполнить эти задачи [3, S. 57, 107, 108].

В результате длительных и сложных переговоров, в которых принимали участие видные чиновники министерства хозяйства, министерства иностранных дел, имперской группы «Промышленность», а также Т. фон Вильмовски (президент Среднеевропейского экономического совета) и представители Общества Юго-Восточной Европы В. Рафельсбергер, А. Хайнрихсбауэр и Р. Кратц, в начале декабря 1940 г. было достигнуто компромиссное соглашение о создании в Вене «комитета планирования юго-востока» имперской группы «Промышленность». На основе предварительной договоренности председателем комитета должен был стать президент имперской группы В. Цанген, вице-председателем — В. Рафельсбергер, управляющим — А. Хайнрихсбауэр. По предложению Функа в президиум комитета ввели и Т. фон Вильмовски [3, S. 101, 102, 103]. Позже к этому соглашению примкнул и Центральный союз промышленности Богемии и Моравии [7, № 10 744] — выразитель интересов германского монополистического капитала в протекторате. После образования «комитета планирования» Общество Юго-Восточной Европы было признано «ведущей организацией по вопросам юго-востока» [3, S. 113]. Одновременно с образованием «комитета планирования» участники соглашения договорились о проведении заседаний правительственных комитетов и их рабочих органов, занимавшихся осуществлением экономической политики фашистской Германии в балкано-дунайском регионе, преимущественно в Вене и под эгидой Общества Юго-Восточной Европы [7, № 10 744]. Тем самым впервые обозначился переход к децентрализации управления «континентальной экономикой», к чему призывал Функ еще в октябре 1939 г.

Таким образом, к весне 1941 г. Общество Юго-Восточной Европы, являясь филиалом министерства хозяйства и находясь в тесных связях с различными нацистскими учреждениями, уже заняло прочное место в системе государственно-монополистического капитализма гитлеровской Германии. В качестве головной организации оно осуществляло контроль и координировало деятельность венского Института экономических исследований, Рабочей группы по вопросам Дуная, Института юго-восточного права и многих других заведений. Венский институт экономических исследований, тесно связанный с Институтом по изучению конъюнктуры в Берлине во главе с проф. Э. Вагемайн, первоначально выполнял поручения имперского комиссара по воссоединению Австрии с третьим рейхом Й. Бюркеля, а после капитуляции Франции приступил к разработке планов, связанных с установлением «нового порядка» в балканских и дунайских странах [13, 19 VIII, S. 247]. Рабочая группа по вопросам Дуная должна была подготовить технические проекты превращения венского порта в крупнейший порт Центральной и Юго-Восточной Европы [3, S. 125, 126; 7, № 10 744].

Институту юго-восточного права вменялось в обязанность разрабатывать правовые вопросы, «возникающие в ходе экономического планирования, в особенности при развитии экономических отношений» между Германией и балкано-дунайскими государствами. Весной 1941 г. полным ходом шла подготовка к созданию новых организаций и учреждений под эгидой общества, в том числе Венского Института по исследованию потребления и сбыта и Юго-восточного аграрного института. В первом отчете

о деятельности Общества Юго-Восточной Европы, помеченном 10 июня 1941 г., А. Хайнрихсбауэр упоминал также о подготовительных работах по созданию «таких ведомств, которые носят преимущественно научный или гуманитарный характер и которые должны заниматься главным образом обобщением специфических условий Дунайского пространства в биологическом, историческом, географическом и т. п. отношении» [7, № 10 744].

Яркий свет на природу подобных «гуманитарных» ведомств проливает тот факт, что весьма тесные связи с Обществом Юго-Восточной Европы поддерживали венское отделения Зарубежной организации национал-социалистской партии [7, № 5634, Вл. 559 196; № 5635, Вл. 560 586, 560 617], службы безопасности гитлеровской Германии — СД [3; № 38, S. 127], а также «Фольксдойче Миттельштелле», входившей в годы войны в состав гиммлеровского «имперского комиссариата по консолидации германской расы», ответственного за проведение политики геноцида в оккупированных странах Восточной Европы. После оккупации гитлеровскими войсками Югославии и Греции возникли самые благоприятные условия для расширения деятельности Общества Юго-Восточной Европы. Уже в апреле 1941 г. были образованы «службы связи» общества в Хорватии и Словакии [7, № 10 744], занимавшиеся интенсификацией экономических отношений остмарка с этими областями.

12 мая венское общество приступило к изданию «Конфиденциальных экономических известий» — секретной информации о положении в балкано-дунайских странах, которые рассылались не только крупнейшим немецким концернам, но и различным правительственным инстанциям, военным и разведывательным ведомствам [1, р. 72, 73; 6, с. 241]. Редактор «Конфиденциальных экономических известий» Ф. Роннебергер одновременно возглавлял венскую редакцию центрального нацистского органа «Фелькшишер беобахтер» и венскую пресс-службу министерства иностранных дел.

В это время возникла необходимость завершить конституирование Общества Юго-Восточной Европы. Первое собрание президиума общества состоялось 12—13 июня 1941 г., оно было фактически приурочено к началу разбойничьего нападения фашистской Германии на СССР. Среди приглашенных были видные представители монополистического капитала, гитлеровских министерств, национал-социалистической партии и СС, в том числе министриаль-директор Г. Шлоттерер⁷, посланник К. Клодиус, вице-президент Рейхсбанка Э. Пуль, глава имперской экономической палаты А. Пич, руководитель имперской группы «Промышленность» В. Цанген, профессор Э. Вагеман, член правления венской фирмы «Донау-Хеми», принадлежавшей концерну «И. Г. Фарбениндустри», Ф. фон Шиллер, экономический советник НСДАП в остмарке А. Винклер, президент венского филиала германо-итальянского общества граф Дубски, группенфюреры СС Кальтенбруннер и Лоренц и другие [7, № 5634, Вл. 559 348—559 488]. Выступивший со вступительной речью гауляйтер остмарка Б. фон Ширах объявил о начале нового этапа в истории общества, в котором на первый план выдвигается «сотрудничество» остмарка и Вены с «народами Юго-Востока и Ближнего Востока» [16, S. 5]. Центральным пунктом повестки дня стал доклад министра хозяйства, почетного председателя Общества Юго-Восточной Европы В. Функа «Экономический порядок в новой Европе» [16, S. 9—31]. Функ заявил, что в результате военных побед Германия распространила свое влияние на большую часть европейского континента. Тем самым возникает «европейский гросвиртшафтсraum, т. е. географически замкнутое пространство с обеспеченным самоснабжением и далеко идущими возможностями взаимного дополнения, в котором экономика отдельных стран организована в соответствии с едиными принципами, но вместе с тем способна в максимальной мере развивать свои собственные силы» [16, S. 19, 20]. По словам Функа, единственной предпосыл-

⁷ К тому времени Г. Шлоттерер стал уже одним из руководителей экономического штаба «Восток», специально созданного для организации системы ограбления оккупированных районов Советского Союза.

кой повышения жизненного уровня в Европе (т. е. роста прибыли буржуазии европейских стран.— В. Б.) является планомерное межгосударственное сотрудничество в области производства и сбыта под германским руководством. В связи с этим гитлеровский министр поставил задачу Обществу Юго-Восточной Европы: «Общество должно самым тесным образом сотрудничать как с правительственными инстанциями, так и с экономическими организациями, чтобы использовать богатейший опыт и знания, а также личные контакты и связи, которыми по традиции обладает венская экономика, для всего великогерманского хозяйства и для экономики юго-востока. Это будет важным вкладом в создание европейского нового порядка...» [16, S. 10].

Так произошло конституирование Общества Юго-Восточной Европы. Опираясь на поддержку финансово-промышленной группировки во главе с «И. Г. Фарбениндустри» и «Дойче банк» и тесно связанного с ней руководства министерства хозяйством, обществу удалось возглавить исследовательскую работу в области «промышленного планирования юго-востока» — крупнейшего мероприятия в рамках программы грозраумвиртшафта. Однако решающее слово в области планирования осталось за имперской группой «Промышленность». В совместном предложении В. Цангена и Ф. фон Вильмовски от 14 июля 1941 г. намечались следующие основные фазы «промышленного планирования юго-востока»: первая — под руководством Общества Юго-Восточной Европы проведение соответствующей исследовательской работы; вторая — разработка комитетом Юго-Восточной Европы имперской группы «Промышленность» подробных рекомендаций «в виде мнений... имперских групп». После изложения позиций монополистического капитала правительственные инстанции в третьей фазе сформулируют «политическую концепцию». Только тогда наступит последняя фаза — практическое осуществление «промышленного планирования юго-востока» [2, с. 179—182]. Факты, относящиеся к следующему периоду второй мировой войны, свидетельствуют о том, что Общество Юго-Восточной Европы действительно провело необходимые изыскания в области «промышленного планирования юго-востока».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Orlow D.* The Nazis in the Balkans. A Case Study of totalitarian Politics. Pittsburgh, 1968.
2. Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975.
3. Griff nach Südosteuropa. Neue Dokumente über die Politik des deutschen Imperialismus und Militarismus gegenüber Südosteuropa im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1973.
4. Weltherrschaft im Vister. Dokumente zu den Europa — und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975.
5. Dokumente zur deutschen Geschichte 1924—1929. Berlin, 1975.
6. *Чихон Э.* Банкир и власть. М., 1977.
7. Zentrales Staatsarchiv Potsdam, Filmsammlung.
8. *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967.
9. История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
10. *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию. М., 1972.
11. Ruhr und Rhein Wirtschaftszeitung. Essen, 1930, 23 V.
12. Südost-Echo, 1940, 26 VII.
13. Südost-Ekonomist, 1940.
14. Internationale Presse-Agentur. Süd-Ost Bureau, 1940, 26 IX.
15. Zentrales Staatsarchiv Potsdam, Reichsministerium für Ernährung und Landwirtschaft.
16. *Funk W.* Wirtschaftsordnung im Neuen Europa. Wien. 1941.

ХЛЕБНИКОВА В. Б.

ПАВЕЛ АПОЛЛОНОВИЧ РОВИНСКИЙ В ЧЕРНОГОРИИ

В 1986 г. исполнилось 155 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти П. А. Ровинского (1831—1916), автора капитального труда «Черногория в ее прошлом и настоящем» и многочисленных статей о южных и западных славянах. Творческое наследие П. А. Ровинского занимает видное место в русском дореволюционном славяноведении. Он внес весомый вклад в изучение этнографии, истории, литературы и географии славянских народов. В последние годы появились работы советских историков и филологов о разных периодах жизни П. А. Ровинского [1]. В СФРЮ также был опубликован ряд статей о деятельности русского слависта в югославянских землях [2]. Однако до сих пор нет обобщающего исследования о П. А. Ровинском, мало изучены его общественно-политические взгляды, в литературе есть ошибки и разночтения. Цель данной заметки — осветить общественную и культурно-просветительскую деятельность П. А. Ровинского в Черногории, показать его роль в укреплении русско-черногорских культурных связей в конце XIX — начале XX в. О жизни слависта в Черногории известно немного: отрывочные сведения об истории создания его фундаментальной монографии и о работе ученого в качестве драгомана в российской дипломатической миссии в Цетинье. Составлена достаточно полная библиография статей Ровинского о Черногории. Материал, позволяющий составить полную картину деятельности ученого в княжестве, хранится в Архиве внешней политики России, в Ленинградском отделе Архива АН СССР, в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Институте русского языка и литературы АН СССР и др.

П. А. Ровинский окончил историко-филологический факультет Казанского университета. Его интерес к славянскому миру пробудился под влиянием известного слависта В. И. Григоровича, которому П. А. Ровинский писал в 1868 г.: «...я сохраняю в моей душе воспоминания об Вас, как о моем лучшем наставнике, уроки которого по сю пору оказывают мне помощь» [3]. После окончания университета П. А. Ровинский был приглашен работать на кафедру славянских наречий, но уже в 1856 г. оставил ее. В 1860—1861 гг. он побывал в Чехии, откуда был выслан австрийскими властями за «русскую пропаганду» [4]. В начале 1860-х годов ученый принимал участие в деятельности «Земли и воли», руководил ее организациями в Казани и Поволжье, сотрудничал в демократической газете «Очерки». Эти годы имели огромное значение для последующей научной и общественной деятельности П. А. Ровинского среди славян, так как именно тогда оформились его демократические общественно-политические взгляды. В конце 60-х — начале 70-х годов П. А. Ровинский был корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей» в Сербии, затем он побывал в Швейцарии. В 1870—1873 гг. он путешествовал по Сибири, Монголии и Китаю. Его этнографические исследования Сибири получили высокую оценку современников, в том числе и П. П. Семенова Тян-Шанского [5].

С 1874 по 1878 г. П. А. Ровинский занимал пост директора земледельческой колонии малолетних преступников под Петербургом.

В 1878 г. он отправился корреспондентом «Нового времени» в славянские земли Австро-Венгрии, а оттуда в только что оккупированную австрийскими войсками Боснию. П. А. Ровинский хотел быть очевидцем таких важных событий, происходивших на Балканах, как освобождение Боснии и Герцеговины от турецкого ига. Кроме того, он надеялся лично познакомиться с жизнью всех славянских народов, чтобы по возвращении в Россию иметь возможность преподавать в каком-нибудь университете [6, л. 11об.]. В своих корреспонденциях и в письмах к известному русскому слаviste П. А. Кулаковскому П. А. Ровинский подчеркивал необходимость решительных преобразований в Боснии и Герцеговине: «...самый главный вопрос аграрный..., со стороны властей нужен только контроль против злоупотреблений; а от него будет зависеть все» [6, л. 4] и высказывал опасение, что установление австрийского управления в Боснии приведет к полному закабалению местного крестьянства: «...могут поставить босняков в положение словаков, которые в Венгрии своего рода райя, а это станется путем отчуждения земли в чужие руки... и босняк останется свобододобивый, но голый дотла райя» [6, л. 5]. Ровинский подчеркивал, что если аграрная реформа будет проведена немедленно, то крестьянское хозяйство окрепнет и босняки не дадут себя в обиду. Но австрийские власти не только не спешили провести преобразования, а, напротив, тормозили этот процесс, начавшийся стихийно снизу. «В настоящее время австрийские чиновники поступают так: христианам говорят, что они теперь свободны от всяких даней спахиям, а последним внушают, чтобы они требовали своего». После оккупации турки стали немедленно распродавать свои земли австрийцам. По мнению Ровинского, «эта продажа не остановится, пока все не перейдет в руки австрийцев». Шло беззастенчивое ограбление славянского крестьянства, и это дало ученому основание сказать: «Благоустройтели братьев славян оказались спекулянтами и ворами». Проведя недолгое время в Боснии, он пришел к убеждению, что «аграрный вопрос, по-видимому, решительно не придет ни к каким результатам», «все осталось по-старому» [7].

Австрийская полиция установила жесткий контроль за действиями русского корреспондента, не пропуская за границу ни одной сколько-нибудь критической заметки П. А. Ровинского. Он писал П. А. Кулаковскому в Белград в ноябре 1878 г.: «Материала набирается довольно много и пишу я в последнее время довольно, не знаю только, не гибнет ли все это» [6, л. 1 об.]. Несмотря на тяжелые условия работы, Ровинский был полон решимости оставаться в Боснии, пока хватит сил. Однако австрийская полиция насильственно удалила его из страны, «как человека, опасного для существования мира...» [8, д. 197, л. 15].

В мае 1879 г. Ровинский оказался в Черногории, на границу которой был доставлен австрийскими властями. Его положение было весьма затруднительным: он совсем не знал Черногории, не имел средств к существованию, кроме гонорара от газеты. Тем не менее знакомство с Черногорией оказалось приятным — начался новый период жизни, который принес ему научную известность и любовь черногорского народа.

В путевых дневниках, которые ученый вел буквально с первого дня пребывания в княжестве, он писал: «Вступая в Черногорию, вы не чувствуете никакого надзора над собой, кто бы вы ни были, а как русский, вы сейчас станете своим человеком, ... в тот же день я был как дома» [8, д. 197, л. 15].;

П. А. Ровинский прожил в Черногории с небольшими перерывами с 1879 по 1906 г. Первоначально он не собирался долго задерживаться здесь, а, познакомившись с жизнью всех племен и обойдя страну, хотел отправиться дальше, побывать в Албании и Южной Болгарии. Однако столкнувшись с уникальным бытом и необычной историей Черногории, ученый задался вопросом: как удалось выжить этому маленькому народу в условиях многовековой борьбы с османскими завоевателями, чем объяснить его неистребимое стремление к свободе? Многие годы напряженной науч-

но-исследовательской работы были посвящены поиску ответа на этот вопрос.

П. А. Ровинский считал, что научный интерес к стране определяется не обширностью пространства и многочисленностью ее населения, а богатством и содержательностью народной жизни. При этом он никогда не занимал позиции стороннего наблюдателя: «Славяне для меня всегда представляли не только объект для наблюдения, но и нечто неразделимое со мною. Я не только наблюдал и изучал их, но и жил с ними, и действовал» [9]. Эти слова отнюдь не были декламацией. Осенью 1879 г. княжество оказалось втянутым в конфликт из-за Плавско-Гусиньского округа, который должен был отойти к Черногории по решению Берлинского конгресса. Ровинский подробно сообщал в газету «Русский курьер» о ходе военных операций, стараясь привлечь внимание русской общественности к судьбе маленькой славянской страны, не получившей мира после Берлинского конгресса. Но не только в статьях он выступил за окончательное освобождение славянских земель.

Ровинский принимал непосредственное участие в боевых действиях черногорцев, оказывая, как санитар, помощь раненым. Вот как он описал последствия одного из боев: «Общее впечатление самое тяжелое, раненых было до ста человек, а средств для их приема не было..., до вечера я смог осмотреть только 45 человек, раны были ужасны..., бой был жестокий» [10].

За годы жизни в Черногории Ровинский, по словам современника, «так тесно сблизился с народом и страной, что Черногория стала для него второй родиной, а черногорцы — родными братьями» [11]. Его имя произносилось с любовью и уважением в каждой черногорской семье. Эта необычайная популярность была результатом многочисленных путешествий русского ученого по княжеству и его непосредственного общения с черногорцами, быт которых он изучил досконально. Своеобразие внутреннего уклада Черногории требовало в первую очередь этнографического изучения. Ровинский писал: «Имея дело с народом, который жил исключительно племенной жизнью, и даже теперь, силою истории втиснутый в формы государства, продолжает делиться на племена..., мы прежде всего должны остановиться на племенном составе Черногории» [12, с. I—II]. Поэтому главной целью поездок ученого по стране было знакомство с жизнью всех ее племен, братств и родов.

Путешествия по Черногории были тяжелой поисковой работой, Ровинский забирался в самые отдаленные области княжества. Он сообщал своему другу А. Н. Пышину в 1882 г.: «Вот уже пять дней, как я воротился из внутренних частей Черногории... Эта последняя экскурсия была для меня самая тяжелая, потому что на пути схватил лихорадку, от которой до конца не мог отделаться. Мой запас хинина истощился; сообщения с Цетиньем никакого; воротиться не окончивши не хотелось, и я шел все вперед и вперед, опираясь на старый запас сил и здоровья...» [13, д. 724, л. 13]. Не всегда эти поездки были безопасными, о чем свидетельствует выдержка из другого письма Ровинского, в котором он рассказывал, как заблудился и был найден друзьями, «вообразившими, что я погиб: или волки меня растерзали, или убил какой-нибудь васоевич..., поэтому сцена нахождения моей персоны была весьма трогательна, точно американец Стенли нашел Левинстона среди дикарей Центральной Африки» [8, д. 200, л. 80].

В этнографических разделах монографии Ровинского о Черногории [12] содержится богатая и разнообразная информация: начиная от внешнего облика черногорцев и кончая их мировоззрением, литературой, историей. Эти исследования Ровинского не потеряли своего научного значения до настоящего времени.

Не менее тщательно изучал ученый и историю Черногории. Он разыскивал письменные источники, обследуя хранилища монастырей и личные архивы черногорских владык. В нескольких статьях было описано состояние литературных памятников страны. Ровинский выступил с планом создания в княжестве архивохранилища, призывая спасти все то, что уцелело после турецких нашествий. Кроме этого, он опубликовал такие ис-

точники по черногорской истории, как Грамота Стефана Душана Иерусалимской церкви, Трактат Стефана Черноевича с Венецией, Записка Венецианскому сенату о заслугах черногорцев перед Венецианской республикой. Эта работа выполнена им на высоком профессиональном уровне.

П. А. Ровинский был одним из первых русских славистов, занявшихся планомерным сбором и изучением черногорского фольклора. Он не просто записал песни разных племен, но и систематизировал их, выделил основные группы эпических и лирических песен, а также песен васоевичей — необычного черногорского племени, испытавшего сильное турецкое влияние. Сборник песен, составленный ученым, получил самую высокую оценку современных исследователей [14]. При этом Ровинский старался опубликовать собранный им фольклорный материал в самой Черногории, чтобы пробудить у народа интерес к художественному наследию своей страны. Он неоднократно обращался к грамотным черногорцам, особенно к учителям, с просьбой записывать народные песни, сберегая их от забвения.

Известны результаты раскопок древнеримского города Диоклеи, которые проходили под руководством П. Н. Ровинского. Находки из Диоклеи послужили основой для создания в Цетинье первого черногорского музея. Этот музей был создан при так называемом Зетском доме — культурно-массовом учреждении, в помещении которого находились читальня и библиотека, при нем же был организован первый черногорский любительский театр. Ровинский принимал самое активное участие в работе Зетского дома. Добрую память оставил о себе ученый как один из организаторов народных читален в Цетинье, Баре, Никшиче и других городах Черногории. Он дарил читальням книги, договаривался с редакциями русских газет и журналов о предоставлении бесплатных экземпляров этим первым черногорским библиотекам.

П. А. Ровинский тщательно изучал постановку школьного дела в Черногории, ознакомился с работой почти всех учебных заведений страны. Часто он принимал участие в выпускных школьных экзаменах, много лет собирал и анализировал школьные программы, помогал самым одаренным ученикам продолжить образование в России [8, д. 200]. В русской периодике Ровинский неоднократно помещал статьи о работе Мариинского женского института в Цетинье, основанного на средства, приходившие из России. Он полагал, что это учебное заведение служит делу укрепления русско-черногорских культурных связей и поэтому стремился привлечь внимание русских читателей к его работе и нуждам. В целом, ученый всегда старался подчеркнуть значение просвещения для Черногории, заметно старшей в культурном развитии от стран Европы.

Большое внимание уделял Ровинский молодой черногорской литературе. В стране, впервые за много десятилетий получившей мирную передышку, начался невиданный подъем народного творчества. Славист собирал произведения всех черногорских писателей — прозаиков и поэтов, делал критические разборы этих сочинений. Помогая А. Н. Пылину собрать сведения о черногорской литературе, он одновременно обращался к нему с просьбой дать квалифицированный отзыв на эту литературу в печати [13, д. 724, л. 56—57]. Ровинский оказывал помощь только что созданным черногорским газетам и журналам. Он был организатором проведения в Черногории 400-летнего юбилея первой югославянской типографии на Ободе, в котором принимали участие ученые, писатели, художники многих стран Европы и который имел важное значение для поддержания культурных традиций сербского народа. В донесениях в МИД российского министра-резидента подчеркивались заслуги П. А. Ровинского в проведении этих торжеств [15, д. 1546, л. 10].

Авторитет ученого в княжестве был настолько велик, что ему постоянно приходилось выступать в роли третейского судьи в различного рода спорах и тяжбах между черногорцами. К нему приходили крестьяне из всех концов страны, и для каждого просителя он прерывал свои научные занятия, внимательно выслушивая его. Ни один черногорец, приезжавший в столицу, не уезжал, не повидавшись с «господином Павле» и не передав ему «приветы от начальника и от остальных знакомых, а это, прямо ска-

зять, от всех людей из того края» [16]. Недаром у черногорцев сложилась поговорка: если что-то трудно разделить, «тогда не обойтись без Ровинского» [17]. Благодаря такому тесному общению с простыми черногорцами, ученый прекрасно изучил нормы обычного права, действовавшие в разных областях страны. Он предложил некоторые изменения в сборнике законов, составленном профессором В. Богишичем, считая, что новое уложение должно как можно точнее соответствовать правовым традициям народа [18].

Живя в Черногории, Ровинский активно сотрудничал в русских журналах, распространяя в России научные сведения об этой маленькой славянской стране. В 80—90-х годах, когда началось очередное оживление национально-освободительного движения на Балканах, он старался привлечь внимание русской общественности к судьбе славян, не получивших окончательного освобождения от национального угнетения; свои корреспонденции тех лет он называл «агитацией в пользу начинающегося дела». Не мог оставаться Ровинский в стороне, когда Черногории нужна была экстренная помощь. Из-за крайне отсталой экономики страна постоянно находилась на грани голода. В неурожайные годы он обращался за помощью к славянским комитетам, писал в редакции русских газет и журналов, частным лицам, входил в состав комитетов по оказанию помощи голодающим, делал все, чтобы ни один рубль не пропал зря.

Положение Черногории, не имевшей возможности прокормить свое население, ухудшалось тем, что в стране часто находили убежище жители Боснии и Герцеговины, бежавшие от преследований австрийской администрации. Чтобы дать заработок беженцам, черногорское правительство начало в районе города Ульцина мелиоративные работы. Черногорский князь Никола предложил Ровинскому «трудное и ответственное дело наблюдения за устройством и размещением герцеговинцев». Тот дал согласие и почти весь 1885 г. провел на строительстве [13, д. 724, л. 34 об.]. В донесении русского министра-резидента в МИД читаем: «Говоря о производимых работах в окрестностях Дульцино, я не могу не упомянуть о двух русских людях, которые с полным самоотвержением применяя там свою опытность и знания; это прикомандированный сюда для топографических работ корпуса военных топографов штабс-капитан Варман и известный русский путешественник и филолог г. Ровинский. Оба они заслужили всеобщее уважение, а последний популярность и доверие в здешнем крае» [15, д. 1531, л. 30—30 об.]. В 1890 г. голод заставил переселиться в Сербию несколько сотен черногорских семей. Переселенцам нужно было проделать тяжелый переход через пограничные с Австро-Венгрией и Османской империей территории. Ровинский прошел вместе с ними весь этот путь, ведя переговоры с местными властями [15, д. 1543, л. 11—11 об.].

На протяжении ряда лет П. А. Ровинский был драгоманом российской дипломатической миссии в Цетинье. Он выполнял ответственные поручения, составляя докладные записки для МИД (например, о необходимости помощи черногорскому правительству в строительстве порта в заливе Вальденоч), постоянно совершал поездки по стране, выясняя положение дел в отдаленных районах, на границах княжества, встречал и сопровождал в путешествиях по Черногории известных ученых и общественных деятелей и т. п. О своей работе Ровинский писал: «...все эти дела имеются постоянно и при моем посредничестве устраиваются легко и скоро, не составляя при этом для меня никакого труда; но без меня это было бы очень трудно, и поэтому я нашей миссии необходим» [13, д. 725, л. 63]. Главная заслуга Ровинского, как сотрудника российской миссии, состояла в том, что он помогал ее руководителям правильно понять направление внешней политики Черногории в начале XX в., проводил в жизнь идею о том, что исторические и культурные связи русского и черногорского народов не должны прерываться из-за политической конъюнктуры, что нужно видеть разницу между умонастроениями масс и официальной политикой черногорского двора. В 1905 г. одновременно ушли в отставку министр-резидент и секретарь, и миссия осталась полностью на попечении Ровинского. Приехавший временно принять дела дипломат Ю. Я. Соловьев писал: «Моим

единственным сотрудником был престарелый драгоман миссии. Это был долгое время проживший в Черногории эмигрировавший народоволец, известный славист Ровинский». Соловьев описал свою поездку по стране в сопровождении Ровинского, встрече с черногорским князем Николой и беседу, во время которой правитель княжества советовался с русским ученым, не ввести ли в Черногории конституцию [19].

Активная общественная и просветительская деятельность слависта в Черногории получила высокую оценку его современников. Писатель Е. Л. Марков, посетивший княжество в конце 90-х годов XIX в., писал, что П. А. Ровинский «своего рода знаменитость в Черногории... Замечательный, можно сказать, классический труд господина Ровинского по географии, истории и этнографии Черногории, подобного которому не существует еще ни в одной европейской литературе, высоко ценится в науке», и добавлял: «Славянство — призвание его сердца» [20]. Другой путешественник и писатель П. А. Россияев оставил нам словесный портрет ученого: «Представьте себе человека в поношенном сером костюме и в черногорской капице (шапочке), среднего роста и худощавого. Серые волосы густо покрыли морщинистое лицо с застывшим выражением беспредельной доброты и мягкости. На носу очки в простой оправе, в которые глядят пытливые глаза с соболиными нависшими бровями. Изборозженный морщинами лоб — высок и отражает как недюжинный ум, так и несокрушимую энергию. Представьте себе человека необычайной скромности и неподкупной прямоты. Это и будет П. А. Ровинский, имя которого произносится с уважением во всех славянских землях, его книга — это четырехтомный труд — памятник, значение и ценность которого можно приравнять к караинской истории» [21].

П. А. Ровинский на протяжении многих лет принимал непосредственное участие в жизни Черногории, помогал преодолеть ее отсталость и нужду, способствовал просвещению и культурному развитию черногорского народа; все, что могло принести конкретную пользу стране, считал своим личным делом. Подвижническая деятельность П. А. Ровинского в Черногории принесла ему всеобщую любовь и уважение. Заслуга ученого перед отечественным славиеведением состоит не только в создании всестороннего исследования о Черногории, но и в том, что он внес весомый вклад в дело укрепления культурных и научных связей русского и черногорского народов.

Черногорский народ чтит память русского ученого, его именем названа одна из улиц г. Цетинья в Социалистической республике Черногории. В 1981 г. в связи со 150-летним юбилеем со дня рождения П. А. Ровинского было решено поставить бронзовый бюст перед Центральной народной библиотекой Цетинья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасев В. Г. Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974, с. 7—9, 98—103, 291—295; Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения. М., 1978, с. 114—126; Путилов Б. Н. П. А. Ровинский — собиратель, издатель и исследователь эпоса южных славян. — Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 104. Л., 1977, с. 145—157; Ровда К. И. П. А. Ровинский в Чехии (по архивным материалам). — В кн.: Духовная культура славянских народов. Л., 1983, с. 242—262; Хитрова Н. И. П. А. Ровинский (1831—1916) и югославянские народы. — Балканика, Београд, 1971, вып. 2, с. 147—174.
2. Мартиновић Н. С. Павле Аполонович Ровински: 1831—1916. — Народно стваралаштво. Фолклор. 1973, св. 46, с. 78—88; Мартиновић Н. С. Његош у проучавању у Павла Ровинског. — В кн.: Ровински о Његошу. Цетиње, 1967, с. 1—20; Меденица Р. Павле Ровински о народној поезији Васојевића. — Народно стваралаштво. Фолклор. 1973, св. 47—48, с. 88—102; Пејовић Б. О. О личности и делу П. А. Ровинског. 1831—1916 (поводом педесетогодишњице смрти). — Историјски записи. 1967, св. 1, с. 147—170; Радусиновић П. С. Из живота и рада П. А. Ровинског (уз шездесетогодишњицу смрти). — Гласник Етнографског института САНУ. 1977, књ. 24, с. 198—208.
3. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. В. И. Григоревича, картон 4, д. 117, л. 5 об.
4. День, 1861, 4 XI, с. 16.

5. Семенов Тянь-Шанский П. П. История полувековой деятельности ИРГО (1845—1895). Ч. 1—3. СПб., 1896, с. 243, 485, 626, 627, 639.
6. Институт русского языка и литература АН СССР, ф. 572, д. 212.
7. Новое время, 1878, № 951, 975, 987; 1879, № 1028, 1044, 1058, 1103, 1121, 1128.
8. Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 123, оп. 1.
9. Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. I. СПб., 1888, с. IV.
10. Русский курьер, 1880, 18 I.
11. Вукичевич М. М. П. А. Ровинский и сербы. — Известия ИРГО, 1916, т. 25, вып. 7, с. 538.
12. Ровинский П. А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II, ч. I. СПб., 1897.
13. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 621.
14. Путилов Б. Н. Героический эпос черногорцев. Л., 1982.
15. Архив внешней политики России, ф. Политархив, оп. 482.
16. Матавуљ С. Билешке једног писца. — В кн.: Одабрана дела. Књ. I. Нови Сад — Београд, 1962, с. 108.
17. Шоћ П. Ровински у Црној Гори. — Стварање. 1959, № 9, с. 733.
18. Мартиновић Н. С. Валтазар Богишић. Историја кодификације црногорског имовинског права. Ч. 1. Цетинце 1958, с. 234, 235.
19. Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. М., 1959, с. 146—159.
20. Марков Е. Л. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки. СПб., 1903, с. 330—331.
21. Россиев П. А. Гнездо орлов. Путевые впечатления в Черногории. М., 1905, с. 31.

ГРАЧЕВ В. П.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ СЕРЕБСКОГО ВОССТАНИЯ 1804—1813 ГОДОВ

Первое сербское восстание 1804—1813 гг., которое Ф. Энгельс назвал революцией, явилось важнейшей вехой на тернистом пути возрождения сербского государства¹. Наряду с факторами социально-экономического развития и национально-освободительной борьбы на процесс становления этого небольшого балканского государства заметное влияние оказывала политика великих держав и, в первую очередь, России. Между тем политика русского правительства в отношении сербского национально-освободительного движения до сих пор остается слабо изученной, несмотря на уже имеющуюся огромную литературу по истории самого восстания². Число выходящих в Югославии работ по этой сложной и многогранной проблеме неуклонно увеличивается. Особенно оно возросло за последнее пятилетие в связи с отмечавшимся в 1979 г. 175-летним юбилеем с начала восстания [5; 6]. Имеющиеся в этих работах оценки политики русского правительства в отношении восстания крайне неоднозначны и противоречивы. Это объясняется, прежде всего, недостатком опубликованных источников. Систематическое выявление документов из советских архивов по названной теме, начавшееся в конце 60-х годов нашего века, завершилось изданием в СССР двух книг, совместно подготовленных к печати советскими и югославскими учеными и архивистами [7]³.

В конце 70-х — начале 80-х годов в СФРЮ также вышли в свет публикации документов, в которых отчасти нашла отражение политика России в интересующем нас вопросе [13; 14]. Работа с югославскими историками по публикации новых архивных документов, а также совместное обсуждение проблемы в ноябре 1980 г. на белградской и в октябре 1985 г. на московской конференциях (круглого стола) в определенной мере помогли устранению ошибочных оценок отдельных аспектов политики русского правительства в отношении восстания 1804—1813 гг., но еще не до конца устранили разногласия, имеющиеся как среди советских, так и среди югославских историков [5; 6; 15—21 и др.].

Принимая во внимание неуклонно возрастающий интерес к проблеме сербской революции 1804—1813 гг. вообще и к балканской политике России в особенности, автор ставит перед собой задачу осветить, насколько это позволит объем журнальной статьи, те стороны политики русского правительства в отношении восстания 1804—1813 гг., которые по тем или иным причинам еще не получили должного освещения в историографии или являются предметом дискуссии.

¹ При определении характера сербской революции 1804—1813 гг. в современной историографии намечилось несколько точек зрения [1—4].

² Обзор историографии по истории сербского восстания 1804—1813 гг. см. [4].

³ Оценку советско-югославской публикации см. в рецензиях [8—12].

В общем внешнеполитическом курсе правительства Российской империи конца XVIII — начала XIX в. дела сербского народа обычно рассматривались в рамках решения восточного вопроса. Сербский вопрос начал выделяться и приобрел самостоятельное значение только после того, как в пределах Белградского пашалыка началось вооруженное восстание сербского населения против непослушных правительству Османской империи (Порте) янычарских гарнизонов.

Первое сообщение о волнениях в Белградском пашалыке российское министерство иностранных дел (МИД) получило из Вены 26 февраля 1804 г. В депеше российского поверенного в делах в Австрии И. О. Анштетта, в частности, было сказано: «В Сербии снова вспыхнул огонь мятежа: окрестности Белграда являють собой арену разбоя и разного рода жестокостей» [22, д. 11499, л. 58—59; 23, с. 181]. Следующие известия герцоговского консула в Яссах А. Я. Жерве (от 2 марта 1804 г.) [24, д. 73, л. 34], господаря Валахии князя К. Ипсиланти (от 7 марта 1804 г.) [23, с. 182; 25, д. 35, л. 16—17], русского посланника в Константинополе А. Я. Италинского (от 16 марта 1804 г.) [7, кн. 1, с. 17], заимствованные из вторых рук, также были не очень определенными. События в Сербии в их корреспонденциях характеризовались как одно из очередных происшествий, которые довольно часто возникали в разных районах Османской империи. В апрельских донесениях 1804 г. сообщались уже проверенные и более достоверные сведения. В частности А. Я. Италинский писал, что поскольку сербы подняли оружие против изменивших султану янычар и «своих жестокосердых врагов», то Порты, — по его словам, — «дала под рукою (т. е. тайно, — В. Г.) предписание Ибрагиму паше снабдить их (сербов. — В. Г.) военными припасами» [22, д. 2241, л. 605—606]. К этому времени отряды восставших сербов осадили гарнизоны янычар в крепостях Шабац, Смедерево, Пожаревац и Белград. Белградские янычары, в свою очередь, получали помощь от видинского паши Пазванда-оглу и других несогласных с политикой Порты румелийских аянов и предводителей кирджалийских отрядов [26, с. 5—21; 27, с. 15]. Конфликт между сербами и янычарами быстро разрастался и к маю 1804 г. достиг угрожающих размеров. Многие из политических деятелей Франции, Австрии и самой Османской империи начали высказывать опасения, что сербо-янычарский конфликт в Белградском пашалыке может повлечь за собой освободительную войну христианских народов не только в Османской, но и в Австрийской империи. Одним из первых указал на такую возможность французский посол в Константинополе Гийом Брюн. В конце апреля 1804 г. он в своем представлении турецкому министерству заявил, что война христиан против турок в Белградском пашалыке может обернуться опасными последствиями и для самой Порты [22, д. 2241, л. 641]. 25 мая 1804 г. МИД Австрии специальными нотами информировало турецкое и русское правительства о том, что вожди сербских повстанцев неоднократно просили венский двор принять сербов Белградского пашалыка в подданство Австрии или быть посредником в разрешении их конфликта с янычарами⁴. В связи с этим кабинет-министр венского двора Франц Колорадо-Вальдзее в инструкции дипломатическому представителю Австрии в Турции (интернунцию) И. Штюмеру от 29 мая 1804 г. предписал сообщить Порте, чтобы она изыскала средства покончить с вольностью белградских янычар, так как спровоцированный ими конфликт может оказаться губительным для самой Порты и причинить ущерб интересам Австрии. В связи с этим И. Штюмеру поручалось от имени венского двора заявить турецкому министерству, что австрийское правительство готово содействовать Порте в восстановлении спокойствия в пограничном Белградском пашалыке [28, с. 154—160, 164—166].

⁴ Первые попытки руководителей восстания обратиться за помощью к австрийским властям делались уже в конце февраля и начале марта 1804 г., но они и все последующие обращения к венскому двору были оставлены Австрией без внимания [27]. Более того, австрийское правительство официально информировало Порту о намерении сербов передать Белградский пашалык Австрии, а в случае ее отказа — другой державе [28, кн. 1, с. 154—160].

Отказ венского двора поддерживать освободительные стремления сербов поставил руководителей восстания перед необходимостью обратиться за помощью к русскому правительству. Их обращение на имя русского посла в Турции А. Я. Италинского датировано 3 мая 1804 г., но было доставлено к нему в Константинополь только в начале июня 1804 г. Занятая венским двором позиция и предание гласности сути сербских прошений, очевидно, вынудили сербских старейшин излагать свои просьбы к русскому правительству в более сдержанных и предельно осторожных формулировках. Указав на бессилие местной турецкой администрации и неспособность самой Порты усмирить непокорных янычар и установить твердый порядок в Белградском пашалыке, авторы обращения заявляли, что сербы располагают вооруженными силами, которые насчитывают до 25 тыс. человек и способны изгнать всех турок. К данному времени, говорилось в послании, сербы освободили от непокорных Порте янычар почти весь пашалык за исключением Белградской крепости. Отряды повстанцев могли бы захватить и Белград, но они не знают, как к этому отнесется Порта и сам султан, который может послать против них большие воинские силы. Судя по характеру поставленного вопроса, сербские старейшины хотели знать позицию русского правительства и поэтому просили ответить, не согласится ли оно взять сербов под свое покровительство, как это сделала Россия в отношении Дунайских княжеств. При этом авторы прошения заявляли, что сербы согласны оставаться подданными султана и платить ему прежнюю дань, если они «от прочих тягостей и гонений турецких» будут освобождены [7, кн. 1, с. 24—29]. Естественно, Италинский не мог дать ответ на эту просьбу сербов до получения соответствующих инструкций от правительства. На этот раз он ограничился устным заверением, из которого следовало, что Россия не останется равнодушной к просьбе сербов и проявит, — по словам Италинского, — «всяческое участие к их положению» [16, т. II, с. 77—78]. В своем донесении в Петербург посол сообщил, что при сложившейся в Белградском пашалыке ситуации, по его мнению, сербам было бы полезно овладеть Белградской крепостью и, изгнав из нее янычар и кирджалиев, удерживать в своих руках до тех пор, пока восставшие не получат от Порты надежных гарантий от дальнейшего произвола янычар. Кроме того, захват повстанцами Белграда предоставил бы им возможность — пишет Италинский, — «разговаривать с Портой языком, способным заставить ее считаться с ними и согласиться на их предложения» [16, т. II, с. 77—78].

Русское правительство отнеслось с пониманием к судьбе сербского народа и сразу же заняло благожелательную позицию в отношении его освободительных стремлений, несмотря на то, что Россия в это время была союзницей Турции по антинаполеоновской коалиции. В практической деятельности русской дипломатии этот курс осуществлялся следующим образом. В ответе на запрос Италинского по поводу прошения сербов от 3 мая 1804 г., товарищ министра иностранных дел А. А. Чарторыйский писал 17 июля 1804 г., что Россия действительно не может оставаться безразличной к судьбе сербского народа и поэтому посланник должен довести эту позицию России до сведения восставших сербов. Одновременно он должен предупредить их и о наличии препятствий, вытекающих из союзнических отношений с Портой, которые мешают русскому правительству оказывать сербам открытую помощь. По поводу занятия повстанцами Белградской крепости Чарторыйский сообщил, что, по его мнению, эта мысль Италинского не лишена основания, так как захват сербами Белграда помимо прочего позволил бы России вступить за сербов и добиться от Порты выгодных для них условий. В связи с этим Чарторыйский обещал предпринять некоторые меры для того, чтобы убедить венский двор изменить его отношение к восставшим сербам и помочь им в их правом деле [7, кн. 1, с. 38—40]. Не дождавсь ответа на свое первое прошение, руководители сербских повстанцев 15 июля 1804 г. направили русскому царю новое послание, в котором они повторяли свою просьбу о заступничестве России перед султаном и оказании им денежной помощи [7, кн. 1, с. 35—36]. Наметившийся курс покровительственной политики России в отношении

сербского восстания не остался незамеченным политиками других государств и сразу же насторожил их. 1 августа 1804 г. русский поверенный в делах во Франции П. Я. Убри сообщил из Парижа, что французские газеты начали публиковать тенденциозные сообщения о системе русского покровительства грекам и восставшим сербам [22, д. 8977, л. 282—283]. Отвечая на запросы петербургского двора об изменении отношения Австрии к планам освободительного движения сербов, австрийское правительство со своей стороны, в середине августа 1804 г. вручило русскому послу в Вене А. К. Разумовскому ноту, в которой заявлялось: «как верноподанные султана сербы вправе рассчитывать на дружбу императорского (венского. — В. Г.) двора, но как мятежники, желающие разделения оттоманских владений, они не будут более считаться добрыми соседями и друзьями... Сейчас, когда сербы — сторонники султанского двора, они ...могут рассчитывать на восстановление своих прежних привилегий. Мы поручили их благосклонности Дивана и уже отдали приказание, чтобы им доставили продовольствие, в котором они, по-видимому, очень нуждаются» [22, д. 11508, л. 361—365].

Обнадеживающие известия из России побудили сербов в начале сентября 1804 г. направить в Петербург депутацию. По прибытии в столицу Российской империи депутаты 3 ноября 1804 г. подали прошение на имя Чарторыйского, в котором просили снабдить повстанцев оружием, боеприпасами, направить в Сербию подразделение регулярных войск и русского консула, который будет выступать в качестве посредника и гаранта при заключении мира с «добрыми турками». В этом прошении посланцы сербского народа впервые открыто заявили, что восставшие сербы борются за автономию их страны, которая бы, — по словам прошения, — «под именем сербского правления, либо под иным сходным наименованием, на примере Семи Островов Республики, под прямым и непосредственным России защитением и покровительством в самостоятельное политическое состояние произвелась, нерушимо сохраняя донынешнее к султану обязательство принадлежащую ему умеренную дань отдавать» [7, кн. 1, с. 60—62]. Изложенная в прошении программа борьбы за автономию не встретила возражений со стороны правительства России и была поддержана им. Основные положения плана русской помощи сербам были изложены в специальном докладе Чарторыйского Александру I от ноября 1804 г. [7, кн. 1, с. 64—67]. Согласно этому плану сербам на первое время ассигновывалось 3 тыс. червонных, а Италинскому предписывалось, — по словам инструкции, — «исподволь стараться благонамеренными внушениями расположить» Порту к согласию на посредничество России в сербских делах и к предоставлению Сербии автономного управления. Для координации действий в Яссе направлялся новый генеральный консул И. Ф. Болкунов, который должен был поддерживать связь с сербскими повстанцами [7, кн. 1, с. 77—78]. Первые шаги русского правительства по пути реализации курса покровительственной политики в отношении борющегося за свободу сербского народа повлекли за собой изменения и в политике Австрии и Франции по этому же вопросу. Обращая внимание своего правительства на изменение курса австрийской политики, Италинский писал в апреле 1805 г., что с февраля 1804 г. по март 1805 г. австрийцы не скрывали от Порты своей заинтересованности в том, чтобы сербы были ограждены от произвола янычар. Но теперь, — продолжает Италинский, — «это — уже иной оборот дела. Интернунций Штюмер предупредил оттоманское министерство о том, что восстание сербов принимает опасный характер, так как очевидно, что они действуют по иностранному подстрекательству и это может привести к непредсказанным последствиям для Порты». В связи с этим венский двор поручил Штюмеру призвать Порту к скорейшему подавлению сербского восстания, обещая ей оказать помощь. Такое истолкование событий, по оценке Италинского, было выгодно Австрии, поскольку она испугалась, что заступничество России за сербов еще больше усилит ее влияние на этот народ в ущерб ее собственным интересам [7, кн. 1, с. 101—103].

Позиция Франции и Австрии в сербском вопросе придавала Порте не-

обходимую ей уверенность, и она в 1805 г., несмотря на усилия повстанцев и русской дипломатии, отклонила требования сербов о предоставлении им автономии и приняла решение подавить сербское восстание силой [29, с. 11—63]. В данной связи следует иметь в виду, что активность русской дипломатии в сербском деле весьма существенно сдерживалась заинтересованностью России в возобновлении русско-турецкого союзного договора, срок которого истек летом 1805 г. Хотя этот договор и был возобновлен в сентябре 1805 г., но последовавшие за тем поражение русско-австрийских войск под Аустерлицем, заключение Прессбургского мира в декабре 1805 г. и другие события побудили Турцию отказаться от союза с Россией и искать сближения с Наполеоном [15, с. 53—56]. Несмотря на это, русское правительство, по-прежнему, требовало от Италинского, чтобы он не прекращал попыток, — по словам инструкции, — «обеспечить установление у сербов правительства, близкого по характеру к правительству Молдавии и Валахии..., с той разницей, что главой нации будет не греческий князь-фанариот, а местный». Если же у турецкого министерства при этом возникнут сомнения по поводу выплаты сербами назначенной дани и выделения ими установленного числа войск, то русское правительство могло бы, — по словам Чарторыйского, — «гарантировать новый порядок, если Порты предоставит сербам хатт-и-шериф или другой акт, который утвердит их привилегии» [7, кн. 1, с. 207—209]. Когда же в результате дальнейшего обострения русско-турецких отношений акции русских дипломатов в Константинополе стали малоэффективными, то Александр I лично вмешался в переговоры по сербскому вопросу, направив 30 апреля (12 мая 1806 г.) письмо султану, в котором убеждал Селима III воздержаться от насильственных мер в отношении сербских повстанцев [7, кн. 1, с. 240].

Талейран, со своей стороны, в июне 1806 г. предписал французскому дипломатическому представителю в Константинополе Пьеру Рюффену передать Порте ноту с заявлением, что Россия в отношении Турции действует как враждебное государство, поскольку она пытается, — по словам Талейрана, — «вывести из ее подчинения Сербию подобно тому, как она уже вывела Молдавию и Валахию» [7, кн. 1, с. 253—254]. Поддержка Россией требования сербов о предоставлении им автономии была истолкована французским правительством как подстрекательство к восстанию всех христианских народов Европейской Турции. В связи с этим Талейран рекомендовал Порте задушить в зародыше восстание сербов, лишив тем самым Россию влияния на них [22, д. 11524, л. 66]. Эти ноты французского правительства сыграли определенную роль в ухудшении русско-турецких отношений. Рейс-эфенди, передав их Италинскому, потребовал от своих русских союзников объяснений [22, д. 11524, л. 60]. Вслед за тем Порты известила Карагеоргия, что она согласна возобновить с мятежными сербами переговоры без посредников, но на основе более умеренных требований с их стороны. Верховный вождь сербских повстанцев принял это предложение и в начале июля 1806 г. направил в Константинополь своего полномочного Петра Ичко. Одновременно он известил об этом и русского посла в Турции, попросив его оказать содействие сербскому депутату [7, кн. 1, с. 256—257]. Как и следовало ожидать, предложение Порты было уловкой, рассчитанной на выигрыш времени. Переговоры затянулись до конца 1806 г. [30, с. 78—97; 34, с. 25—149; 20, с. 193—198]. Сербские повстанцы, со своей стороны, во время переговоров П. Ичко не прекращали военных операций и одержали ряд побед под Лозницей, Нишем и Кладовом.

Россия тем временем вела безуспешные переговоры о заключении мирного договора с Францией, но это не улучшило ее отношений с Портой [16, т. III, с. 226—234; 32; 33, с. 56]. Надежды на сохранение мира с Турцией таяли с каждым днем, и русское правительство было вынуждено взять курс на подготовку к войне с ней.

Отдаленность Сербии от районов расположения русских войск и отсутствие непосредственных связей с сербскими повстанцами не позволяли русскому командованию снабжать их оружием, боеприпасами и другим

снаряжением. Поэтому русские дипломаты стали уговаривать венский двор, чтобы он не препятствовал сербам закупать оружие, боеприпасы и продовольствие в пределах австрийских владений [7, кн. 1, с. 295—296].

Военные действия между Россией и Турцией начались в конце ноября 1806 г. Вступление русских войск в пределы Дунайских княжеств послужило сигналом к решительным действиям сербов, которые 30 ноября 1806 г. штурмом овладели Белградом [7, кн. 1, с. 308—310].

После занятия сербами Белграда Г. Себастиани настоял на принятии основных требований сербов при условии, если они пошлют свои войска против России [30, с. 68]. Под давлением французского посла Селим III 15/28 января 1807 г. подписал фирман, которым жаловал сербам просимые ими привилегии. Этот акт вошел в сербскую историю под названием «Ичков мир» [7, кн. 1, с. 260—264]. На следующий день Г. Себастиани писал командующему французскими войсками в Далмации Мармону, что сербские депутаты в Константинополе от имени своего народа дали обещание прекратить восстание, сдать ключи от Белграда, вернуть все крепостные пушки, отказаться от союза с Россией и принять участие в войне на стороне Порты. В 20-х числах января 1807 г. фирман был доставлен в Сербию и мухасил Хассан-ага, Сулейман-паша и начальники турецких гарнизонов, размещенных в Белграде, Шабаце и других крепостях, начали переговоры с сербами о порядке введения новой системы управления в пашалыке. В ходе этих переговоров Карагеоргий сообщил турецким полномочным, что русское правительство предложило сербам свое кровительство, но они отклонили это предложение. Кроме того, он дал обещание прекратить восстание и сдать Белград, но только после того, когда из всех крепостей будут выведены прежние турецкие гарнизоны и введены сербские войска. С 25 января 1807 г. начался вывод турецких гарнизонов из Шабаца, Ужице, Сокола и других укрепленных городов. После того, как в них вступили сербские войска, повстанческое руководство объявило турецким полномочным, что в соответствии с пожалованными сербам автономными привилегиями они теперь имеют право принимать самостоятельные решения по вопросам войны и мира. Учитывая дружеское расположение к ним России, старейшины сербского народа постановили, что в начавшейся русско-турецкой войне сербы будут придерживаться нейтралитета. Сулейман-паша и мухасил Хассан-ага расценили это заявление как нарушение условий мира и послали письма в Константинополь и к румелийскому бейлербею с просьбой прислать на помощь подкрепление [23, с. 455].

Вместе с подготовкой войск Порты предписала господарям Дунайских княжеств направить в Сербию своих людей, чтобы они уговорили сербов выполнить условия «Ичкова мира» [7, кн. 1, с. 352—354]. Тем временем некоторые из писем Сулеймана-паши и Хассана-аги с требованием вспомогательных войск были перехвачены сербами и послужили предлогом для требования высылки Хассана-аги в австрийские пределы и удаления Сулеймана-паши из Белграда вместе с остатками турецкого гарнизона, состоящего из 250 человек. Вышедшие 23 февраля 1807 г. из Белградской крепости турки были обезоружены и убиты вместе с Сулейманом-пашой [30, с. 91—97]. Белградский митрополит Леонтий так писал об этих событиях: «Они (сербские повстанцы. — В. Г.) убили командующего цитаделью, а также всех других мусульманских жителей, жены и дети которых отдались нашей... религии были тут же крещены» [7, кн. 1, с. 330—332]. Этой акцией сербские повстанцы продемонстрировали свой отказ от условий «Ичкова мира», решительный разрыв с Портой и свое желание участвовать в русско-турецкой войне на стороне России. Для выработки плана совместных действий 24 апреля 1807 г. к главнокомандующему Молдавской армией И. И. Михельсону прибыли сербские депутаты. Они просили прислать к ним русского чиновника, который, по словам Михельсона, «председательствовал бы в Совете их и руководствовал всеми деяниями их», и русских офицеров для восстановления крепостей и обучения людей их защите, горных инженеров для открытия рудников и др. Пообещав депутатам выполнить со временем эти просьбы сербского народа, Михельсон вручил им 50 тыс. пиастров и приказал генерал-майору И. И. Исаеву взять для

обучения стрельбе из пушек команду сербов [7, кн. 1, с. 355—356; 34].

Приказ Карагеоргия о соединении с русскими войсками воевода М. Стойкович получил в первых числах мая 1807 г., но государственный переворот в Турции и последовавшие затем события задержали его выполнение [35, д. 395, л. 120].

При первом султане Мустафе IV влияние Франции на политику Порты стало доминирующим [32]. Этим воспользовалась французская миссия в Константинополе, которая под руководством генерала Г. Себастиани разработала и принудила Порту принять новый план ведения войны с Россией. Согласно этому плану 16-тысячная армия турок переправилась через Дунай и в первых числах июня 1807 г. вступила в пределы Валахии, где располагался 7-тысячный корпус русских войск под командой генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича. В это время отряд М. Стойковича 8 июня 1807 г. также подошел к Дунаю, но у с. Штубик был окружен войсками видинского паши. Между тем 14 июня 1807 г. русские подразделения разбили превосходящие силы наступающего противника у с. Обилешти и приостановили его продвижение на Бухарест. Эта победа русских войск позволила корпусу И. И. Исаева 17 июня 1807 г. переправиться на правый берег Дуная и двинуться на выручку окруженным сербам. 18 июня 1807 г. Исаев подошел к с. Штубик и соединился с сербами. Русско-сербские подразделения совместными усилиями в сражении у с. Малайницы выбили турок из занимаемых ими укреплений и с большими потерями отбросили их к г. Неготину [34, с. 13].

Мирный договор между Россией и Францией, подписанный 25 июня/7 июля 1807 г. в Тильзите, предусматривал прекращение военных действий и на русско-турецком фронте [16, т. III, с. 640, ст. 22 и 23; 7, кн. 1, с. 384; 33, с. 78-III]. Начавшиеся вслед за этим переговоры между Россией и Турцией завершились 12/24 августа 1807 г. заключением Слободзейского соглашения о перемирии [7, кн. 1, с. 408—409, ком. 1].

Прошение сербов, переданное депутатами Михельсону в марте 1807 г., было поднесено на высочайшее рассмотрение незадолго до встречи Александра I с Наполеоном в Тильзите. Занятый подготовкой к переговорам царь распорядился передать на усмотрение Михельсона вопрос о назначении в Сербию дипломатического представителя. Михельсон, после консультаций с министром иностранных дел А. Я. Будбергом, остановил свой выбор на кандидатуре действительного статского советника К. К. Родофиникина, который был греком по национальности. Он прибыл в Россию в конце XVIII в. и по ходатайству своего дяди был зачислен чиновником в МИД. О его посылке Михельсон сообщил сербам письмом от 16 июня 1807 г., в котором говорилось, что Родофиникин направляется в Сербию с целью «сотрудничества с Сербским советом в образовании устройства в правлении вашем для блага народного» [34, с. 13]. Однако в Белград Родофиникин смог прибыть только в августе 1807 г. Раньше него в Сербию оказался маркиз Ф. О. Паулуччи, которому было поручено, как сказано в инструкции А. Я. Будберга, выяснить «расположение умов тамошних, их связей и сношений политических» [35, ч. 5, л. 109—112]⁵. Паулуччи

⁵ Филипп Осипович Паулуччи родился в Море в семье сардинских аристократов. Начал свою карьеру адъютантом короля Сардинии. Позднее перешел на службу Австрии в качестве чиновника военного министерства по департаменту Далмации. Часто бывал в Дубровнике, Боке Которской, Черногории, других далматинских районах. По делам службы был тесно связан с французским генеральным штабом. После передачи Далмации французам по Прессбургскому миру в декабре 1805 г. Паулуччи перешел на французскую службу и был назначен генерал-адъютантом короля Этрурии. В 1806 г. через русских дипломатов в Австрии предложил свои услуги русскому царю. В сентябре 1806 г. Александр I дал согласие принять его на русскую военную службу в чине полковника, но только после того, как он перестанет служить Франции. В декабре 1806 г. Паулуччи сообщил из Милана, что он согласен с этими условиями и предполагает выехать вскоре в Вену, а оттуда в Петербург. Во всяком случае в Далмацию, где ему было поручено разведать дислокацию французских войск, маркиз выехал из Бартенштейна в мае 1807 г. Согласно инструкции А. Я. Будберга от 11 мая 1807 г., все собранные материалы по Далмации Паулуччи должен был доставить в штаб Молдав-

прибыл в сербский лагерь под Неготином 24 июня 1807 г., а 28 июня провел с Карагеоргием четырехчасовые переговоры об условиях, на которых сербы предполагали участвовать в совместных операциях с русскими войсками в войне против Турции.

Поскольку у недавно вступившего в русскую службу французского чиновника не было, да и не могло быть, полномочий подписывать от имени русского военного командования сербско-русские соглашения, то сербские участники этой встречи приняли решение составить протокол беседы, который соответственно и был озаглавлен «Собеседование, положенное между представителем славяно-сербского народа Георгием Петровичем Черным и е. и. в. полковником маркизом Паулуччи...». Протокол был заверен подписями и печатями только двух участников беседы: М. Стойковича и И. Гагича. Кроме того, в оригинале протокола было написано и имя Карагеоргия, но верховный вождь по каким-то соображениям не поставил ни своей подписи, ни печати. Фамилия Паулуччи среди подписей под протоколом даже не была указана [7, кн. 1, с. 386—387]. На другой день Паулуччи выехал из сербского лагеря и вскоре прибыл в Рымник, где был штаб Михельсона. Желая придать как можно большую значимость порученной ему Будбергом миссии, Паулуччи в своем отчете от 18 июля 1807 г. назвал протокол «Собеседования» словом «Конвенция» [36, с. 183—193]. Впоследствии русский военный историк Н. Ф. Дубровин, а вслед за ним и другие исследователи, в своих работах пользовались не оригиналом, а копиями протокола «Собеседования», на которых были зафиксированы фамилии всех трех, кроме Паулуччи, участников беседы, т. е. Карагеоргия, М. Стойковича и И. Гагича. В результате этой ошибки и неправильного истолкования термина «Конвенция», указанного в отчете Ф. О. Паулуччи, протокол «Собеседования» ошибочно был назван «Конвенция Паулуччи — Карагеоргий» [18]. Публикация оригинала «Собеседования» [7, кн. 1, с. 388—389] с полной очевидностью свидетельствует о том, что эта протокольная запись сербских условий ни по каким признакам не может претендовать на международное русско-сербское соглашение о военном союзе против Турции, как это пытаются доказать некоторые историки [6, с. 251—255; 13, с. 270—272].

По прибытии в Белград Родофиникин сразу же вошел в комиссию, которая в течение 6 и 7 августа 1807 г. рассмотрела и утвердила проект «Основания правительства сербского». 8 августа 1807 г. документ был подписан Карагеоргием и отправлен на одобрение Александру I [23, с. 590—591; 36, с. 117].

В начальной фазе переговоров о перемирии с Турцией русский полномочный С. Л. Лашкарев не смог убедить турецких полномочных о распространении условий перемирия на сербов. Но подписанный Лашкаревым договор не был ратифицирован царем, и ведение дальнейших переговоров было поручено новому главнокомандующему Молдавской армией фельдмаршалу А. А. Прозоровскому [7, кн. 1, с. 408—409, ком. 1]. В результате переписки с великим визирем Прозоровскому удалось достичь соглашения о том, что турки не будут беспокоить сербов, если они сами не начнут военных действий [7, кн. 1, с. 436—438].

Между тем 30 сентября/12 октября 1808 г. в Эрфурте была заключена русско-французская конвенция, статья XI которой предусматривала сохранение целостности владений Османской империи, расположенных на правом берегу Дуная [16, т. IV, с. 359—363; 33, с. 125—128]. Руководствуясь решениями Эрфуртской конвенции, русское правительство разработало предварительные условия для переговоров с Турцией о заключении мира. В инструкции Румянцева Прозоровскому предписывалось: «Обеспечить спокойствие Сербии доставлением ей установить правление, желанию народа соответственное под покровительством России» [16,

ской армии, а по пути следования захватить в Сербию, чтобы выяснить ситуацию в лагере повстанцев и их нужды [23, с. 529—543]. Полномочий на ведение официальных переговоров и тем более на заключение каких бы то ни было договоров или соглашений с сербами от имени русского правительства у него не было и быть не могло.

т. IV, с. 367—368]. В свою очередь фельдмаршал приказал К. К. Родофиникину при переговорах с сербами руководствоваться указаниями царя, который требует: «Чтобы сербы освобождены были на вечные времена от ига турецкого и чтобы, имея собственное свое правление, оставались они под покровительством России, которая и будет для них ручательством и гарантией в соблюдении Портою ее обязательств» [7, кн. 2, с. 50—51]. Пока велась подготовка к русско-турецким переговорам в Яссах и решался вопрос об устройстве Сербии, в Константинополе в ноябре 1808 г. был произведен очередной государственный переворот. Пришедшие к власти ставленники янычар потребовали от султана прекратить переговоры с Россией и возобновить военные действия [16, т. IV, с. 429—430; 37, с. 253—266]. «Видя разваливающимся дом врагов своих», — писал по этому поводу Родофиникин, — сербы воспрянули духом и выдвинули более широкие требования [35, д. 394, ч. 4, л. 62—64]. Младен Милова-нович и Иван Югович стали внушать Карагеоргию мысль о том, что в состав нового сербского государства должны быть включены Босния, Албания и Болгария, т. е. территория Новой Сербии должна быть в границах средневековой империи Стефана Душана. Сторонники этой идеи считали, что для нормального развития Сербии она должна иметь права свободного судоходства по р. Дунай до Черного моря, чеканки собственной монеты, назначения дипломатов во все государства Европы и другие права суверенной державы. Защита границ и суверенитета будет обеспечиваться собственной сербской армией и силами союзных христианских народов Османской империи при условии, если этому не будут препятствовать Австрия, Франция и другие заинтересованные государства. Великая Сербия могла бы находиться под покровительством России и управляться братом русского царя великим князем Константином. К. К. Родофиникин понимал, что этот широкомасштабный план рассчитан на то, чтобы заинтересовать русское правительство в дальнейшей борьбе за создание нового государства. Со своей стороны он попытался убедить Карагеоргия в том, что этот план не реален, поскольку у самих сербов не хватит для этого сил, а Франция, Англия и Австрия ни при каких обстоятельствах не поддержат Россию, так как они заинтересованы в сохранении целостности владений Османской империи. Родофиникин рекомендовал сербам довольствоваться территорией, которую они занимают теперь, и может быть, смогут присоединить еще две нахии: Рашку и Стари Влахи. Только при таких условиях, говорил сербам Родофиникин, Россия могла бы требовать у Порты независимости для Сербии и учреждения в ней республиканской или княжеской системы управления [25, д. 3161, л. 173]. Неудовлетворенный таким ответом, Правительствующий Совет известил Родофиникина, что вожди сербского народа решили послать к Прозоровскому, а от него в Петербург депутацию из четырех человек во главе с Иваном Юговичем [38, оп. 10/179, св. 24, д. 674, л. 47].

В инструкции, данной сербским депутатам, указывалось:

1. Сербия требует неперменной и совершенно безусловной независимости от Турции т. е. чтобы Турция отреклась от всякой верховной власти над Сербией и Сербию самовластной признала.

2. Границу Сербии легко будет установить по исходатайствованию первого пункта.

3. Если Турция не даст согласия на первый пункт, то сербы хотели бы, чтобы Россия добилась гарантии со стороны других европейских государств на создание самостоятельной и независимой Сербии.

4. Если Россия добьется такой гарантии европейских государств, но сама по своим собственным причинам будет вынуждена заключить с Турцией мир, не принудив Порту принять 1-й пункт, указанный в данной инструкции, то в таком случае, сербы просят предоставить им свободу самим начать военные действия против турок.

5. После прекращения военных операций сербы обязуются не заключать с Портой мира без согласования этого вопроса с Россией [25, д. 3161, л. 172].

Занятый подготовкой переговоров с Турцией, А. А. Прозоровский не

смог тогда же принять сербских депутатов и просил генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича временно задержать их у себя в Бухаресте до своего приезда в Яссы, где должны были состояться русско-турецкие переговоры. 25 декабря 1808 г. фельдмаршал был уже в Яссах, а 31 декабря послал курьера в Бухарест за сербской делегацией. 11 января 1809 г. трое из депутатов, Иван Югович, Павле Попович и Янаки Димитриевич, прибыли в Яссы, а 13 января 1809 г. были приняты главнокомандующим. К этому времени Прозоровский только что (10 января 1809 г.) получил из Петербурга возвращенный ему проект Родофиникина о создании сербского государства с заключением и поправками царя. Из разговора с депутатами выяснилось, что сербы значительно смягчили свои требования. В частности, И. Югович официально заявил, что ни Карагеоргий, ни Правительствующий Совет не ставили перед собой цели создать государство в границах средневекового царства Стефана Душана. В данный момент руководителей восстания волнует вопрос, какое решение будет принято о сербах при заключении мира с Турцией. Если есть предположение оставить их подданными Порты, то сербская делегация уполномочена просить русское правительство взять сербов в подданство России. Прозоровский ответил, что эта просьба невыполнима, так как Турция, Австрия, Франция и Англия ни под каким видом не согласятся на расширение границ Российской империи за правый берег р. Дунай, а у России не хватит сил, чтобы воевать одной с этими государствами. Если же России удастся установить границу по р. Дунай, то оставленные в Дунайских княжествах русские войска смогли бы обеспечить безопасность Сербии, при условии, если за Россией будет признано право покровительства над сербами. Если же будет принято другое решение, то зажатая между Турцией и Австрией Сербия вряд ли сможет отстоять собственными силами свою независимость. И поэтому сербам самим нужно будет выбирать, чьими подданными они хотели бы быть — турецкими или австрийскими. Если сербы решат остаться подданными Османской империи, то Порта обещала предоставить им систему правления, которую они пожелают установить сами. В этом случае Россия, как держава-покровительница, могла бы обязать Порту выполнять данное обещание. Признав доводы Прозоровского справедливыми, И. Югович согласился передать сербским старейшинам для обсуждения последний вариант проекта Прозоровского. Принимая такое решение, И. Югович, по его признанию, возлагал надежды на то, что внутренние неурядицы в Османской империи в скором времени разрушат ее окончательно [7, кн. 2, с. 56—61]. 17 января 1809 г. сербские депутаты уже письменно уведомили Прозоровского, что они не настаивают на расширении границ сербского государства, но выдвигают в качестве непременного условия, чтобы при переговорах с турками русские полномочные требовали предоставления сербам полной независимости, покровительства России и чтобы Австрия гарантировала самостоятельность Сербии [7, кн. 2, с. 62—63]. В ответ на замечание Прозоровского о слабости собственных сил у сербов для защиты их независимости депутаты заверили русское командование, что Правительствующий Совет в тайне от Родофиникина уже установил связь со старейшинами Черногории, Боснии и сербским населением, проживающим в Албании и других областях Османской империи. В союзе с ними, сказал И. Югович, сербы Белградского пашалыка надеются отстоять свою независимость [7, кн. 2, с. 74—75]. В ходе дальнейших переговоров с сербскими депутатами Прозоровский пытался доказать им, что при сложившейся ситуации образование независимого от Турции сербского государства невозможно, так как на это не согласится ни одно из европейских государств. Он предложил депутатам принять те условия, которые Порта обещала сербам раньше, — автономию в делах внутреннего управления. Как видно из письма Прозоровского к А. Н. Салтыкову от 23 февраля 1809 г., И. Югович 21 февраля 1809 г. согласился с этим предложением, заявив, что «...сербь никогда больше[го] не требовали, как только, чтобы предоставить им на волю устроить собственное внутреннее правление без всякого участия со стороны Порты, во взаимство чего (сербь. — В. Г.) согласны

признавать верховное владычество Порты и платить ей определенную единовременную навсегда ежегодную дань» [39, с. XIV—XV]. В связи с этим сербская депутация вручила Прозоровскому меморандум, в котором требовала от русского командования подписать документ, где были бы четко сформулированы условия, определяющие взаимоотношения между Россией и сербскими повстанцами, а также судьбу сербского народа при заключении русско-турецкого мирного договора [7, кн. 2, с. 67—68].

Между тем в это время международная ситуация в очередной раз переменилась. Турция, заключив союз с Англией, в марте 1809 г. отказалась от ведения переговоров о мире с Россией и начала подготовку к войне [16, т. V, с. 14—16]. Такой оборот дела устраивал сербов, и их депутация вернулась в Белград. Вместе с ней был направлен в Сербию и Ф. И. Недоба, который был назначен заместителем Родофиникина [7, кн. 2, с. 68—70].

В апреле 1809 г. начались военные действия между Австрией и Францией, до предела осложнившие и без того противоречивые русско-французские отношения. Находившаяся в состоянии войны с Турцией, Персией и Швецией Россия по требованию Наполеона I была вынуждена объявить войну Австрии [33, с. 129—130]. Чтобы как-то выйти из затруднительного положения, петербургский двор сделал ставку на быстрое и победоносное наступление на турецком фронте, в надежде принудить переживавшую кризис Порту к выгодному и почетному для России миру. Однако Прозоровский не верил в успех такой стратегии и всячески медлил с переправой армии на правый берег Дуная [16, т. V, с. 50—55, 64—69]. Препятствие к этому он видел в «политических обстоятельствах тогдашнего времени», одним из которых были эрфуртские соглашения Наполеона I с Александром I [16, т. IV, с. 365—366; т. V, с. 50—55]. Невзирая на возражения Прозоровского, из Петербурга настоятельно требовали ускорить генеральное наступление. Но фельдмаршал упрямылся и не двинулся с места, ссылаясь то на небывалый разлив Дуная, то на неблагоприятную ситуацию в Европе [16, т. V, с. 73—74].

Между тем сербы, не дожидаясь переправы русских войск и вопреки советам Прозоровского, в начале мая 1809 г. начали военные операции против турок и одержали ряд побед в нескольких сражениях с ними. Из планов кампании видно, что переправа основных сил Молдавской армии должна была происходить в районе Галаца, т. е. в нижнем течении р. Дунай, но некоторые из подразделений после переправы должны были двигаться в направлении к сербской границе с целью отвлечь на себя воюющих против сербов турок [7, кн. 2, с. 91—93]. Однако задержка с переправой затянулась, и воспользовавшиеся этим турки неожиданно напали на сербов, разбили их под Делиградом и стали быстро продвигаться к Белграду. В Сербии складывалась тревожная ситуация, и Прозоровский, не дожидаясь переправы всей армии, отдал приказ генерал-майору И. И. Исаеву перейти на правый берег, захватить г. Кладово и установить связь с сербами, не продвигаясь в глубь страны. 2 июля 1809 г. отряд Исаева уже был на правом берегу Дуная, но вскоре был вынужден занять позицию на острове посреди реки. 26 июля 1809 г. Прозоровский предупредил Карагеоргия, что после переправы армии он дополнительно направит в Сербию подразделение войск, которое будет продвигаться вверх по реке Тимок [7, кн. 2, с. 90—100]. Тем временем турки, продолжая развивать наступательные операции по правому берегу р. Морава, в начале августа 1809 г. подступили к Белграду. Там и в других районах Сербии началась паника. Сыше 10 тысяч сербов бежали на территорию Австрии, а остальные укрывались в горах и лесах. Вместе со всеми бежало из Белграда и русское представительство. Известия о критическом положении в лагере сербских повстанцев не раз побуждали Исаева добиваться разрешения выступить на соединение с отступавшими отрядами сербов, но из-за болезни, а затем и смерти Прозоровского, который умер 9 августа 1809 г., он так и не получил ответов на свои тревожные рапорты [38, оп. 5/165, св. 67, д. 21, л. 80]. Назначенный на должность главнокомандующего Молдавской армией П. И. Багратион, ознакомив-

шись с донесениями Исаева, сразу же предписал А. Ф. Ланжерону принять самые срочные меры для обеспечения безопасности Сербии [7, кн. 2, с. 116—117]. На рапорты И. И. Исаева Багратион ответил ему: «Если переходом вашим за Дунай успеете вы вывести народ сербский из настоящего гибельного его положения, то даю я вам на таковое предприятие через настоящее предписание мое полное разрешение» [7, кн. 2, с. 117—118]. Генеральное наступление Молдавской армии под командой П. И. Багратиона приостановило продвижение турок в глубь Сербии, и отряды сербских повстанцев в начале октября 1809 г. вновь подошли к г. Ниш. Сербские беженцы начали возвращаться. Обстановка в Сербии постепенно нормализовалась. В ноябре 1809 г. на состоявшейся в Белграде скупщине было принято решение направить к Багратиону новую депутацию, которой поручалось передать прошение о принятии сербов под непосредственное управление России [7, кн. 2, с. 132—133]. Однако Багратион считал, что принятие Сербии в русское подданство невозможно, так как это противоречит решениям Эрфуртской конвенции и условиям проекта мирного договора с Портой [7, кн. 2, с. 135—136].

В ответном письме Н. П. Румянцева по данному вопросу сообщалось, что при создавшейся ситуации в Европе сербы собственными силами вряд ли смогут добиться полной независимости от Порты. Но если они согласятся платить ей дань, то Россия смогла бы взять их под свое покровительство, а впоследствии помочь им постепенно достичь желаемого. Поэтому, пишет Румянцев, — «наилучшее на сей раз учреждение для Сербии было бы, кажется, то, чтобы она осталась под покровительством и ручательством России, но данницею Порты». Что же касается внутреннего управления страны, то сербы, по мнению Румянцева, вправе принимать самостоятельно любые постановления, какие им будут нужны, а Россия употребит старание, чтобы их ускорить. Поэтому, — пишет он, — «при заключении мира с Портою постановлено будет, таким образом, чтобы Порта, получая положенную от сербов дань, не могла уже ни в какие их дела вмешиваться без нашего согласия. Однако при трактовке о мире мы будем стараться и о учреждении совершенной их независимости» [7, кн. 2, с. 142—143].

В начале 1810 г. агрессивные замыслы Наполеона I в отношении России стали очевидными, и русское правительство начало спешить с заключением мира с Турцией. В инструкции новому главнокомандующему Молдавской (Дунайской) армией Н. М. Каменскому было сказано, что при заключении мира с Портою царь повелел добиваться для сербов всех возможных выгод, чтобы Сербия «осталась совсем от Порты независимой и основала бы политическое свое существование и образ внутреннего у себя управления единственно под покровительством России». И только в крайнем случае, когда это требование будет представлять непреодолимое препятствие для достижения мира, Каменский мог уступить, «предоставя в пользу Порты дань с Сербии, но сколь можно умереннейшую» [7, кн. 2, с. 147—149]. 2 октября 1811 г. Молдавская армия под командой М. И. Кутузова разгромила группировку турецких войск под Русуком и блокировала ее на левом берегу Дуная. Боясь потерять основную часть армии, великий визирь Ахмед Хуршид-паша был вынужден начать переговоры о мире. В связи с началом переговоров Румянцев предписал Кутузову «выговорить» у Порты следующие привилегии для сербов: чтобы турецкие войска не занимали сербских крепостей, кроме Белграда, а «внутреннее в оной земле управление, — по словам Румянцева, — установлено было по собственному произволу нации и обеспечено ручательством России» [16, т. VI, с. 215—216].

Однако такое решение вопроса не удовлетворило сербских повстанцев, и их руководители в конце ноября 1811 г. направили в Бухарест к Кутузову, а оттуда в Петербург очередную депутацию [7, кн. 2, с. 242—243]. По свидетельству Ф. И. Недобы на депутацию возлагалось: «поручить от лица народа будущий жребий оного отеческому попечению господина главнокомандующего, ежели же мир не последует, представить нужды народа и просить о неоставлении их пособием, дабы могли дер-

жаться и далее против неприятеля» [38, оп. 3/163-б, св. 24, ч. 4, д. 12, л. 80]. В столице России, куда депутация прибыла в марте 1812 г., посланцы сербского народа вновь просили принять сербов в подданство России, снабдить их оружием, боеприпасами и направить в Сербию новые подразделения русских войск и т. д. [7, кн. 2, с. 246—247]. Как и следовало ожидать, ответы царя на их просьбы не содержали каких-то новых положений. Александр I подтвердил только то, что было сказано Кутузовым: при заключении мира с Турцией русские полномочные приложат все усилия, чтобы возможно лучшим образом устроить участь сербского народа, а до заключения мира командование Молдавской армией будет снабжать их боеприпасами и т. д. [16, т. VI, с. 355—356].

В апреле 1812 г. возобновились прерванные Италинским русско-турецкие переговоры, но уже на новых ультимативных условиях, продиктованных М. И. Кутузовым. В первом пункте этих условий Кутузов требовал от Порты: обеспечить «мирное и спокойное существование сербов и предоставление им самим установить систему гражданского и внутреннего управления в своей стране и самим осуществлять управление; при этом суверенные права султана ни в коей мере не должны быть упущены или умалены» [7, кн. 2, с. 251—252]. Безвыходность положения окруженных турецких войск вынудила Ахмеда Хуршид-пашу принять и этот крайне нежелательный для Порты пункт. Великий визирь согласился начать переговоры с сербами при условии, если они будут вестись без посредников. Гарантируя от имени султана прощение восставшему народу и его предводителям, Хуршид-паша предупреждал Карагеоргия, что если сербы откажутся и от этого предложения, то он будет вынужден покарать их без всякой пощады [35, д. 394, ч. 12, л. 53—54]. Несмотря на грозное предупреждение, Карагеоргий воздержался от ответа на предложение великого визиря начать переговоры.

Тем временем 16/28 мая 1812 г. в Бухаресте был заключен мирный договор между Россией и Турцией. В ст. VIII договора была особо определена дальнейшая судьба сербского населения, живущего в пределах Белградского пашалыка и восставшего против правительства Османской империи. В ней говорилось: Порта дарует сербам прощение и общую амнистию за прошедшие их деяния. Вместе с тем по условию статьи построенные сербами во время восстания крепости должны быть разрушены, а турецкая администрация по-прежнему вступает во владение всеми крепостями и другими укрепленными местами, которые существовали до начала восстания. В них должны были вновь введены турецкие гарнизоны по усмотрению Порты. «Но, дабы сии гарнизоны не делали сербам никаких притеснений в противность прав, подданным принадлежавших, то Блистательная Порта, движимая чувствами милосердия, примет на сей конец с народом сербским меры, нужные для его безопасности. Она дарует сербам по их просьбам те самые выгоды, коими пользуются подданные ее островов Архипелажских и других мест, и даст им восчувствовать действие великодушия ее, предоставив им управление внутренних дел их, определив меру их податей, получая оные из собственных их рук, и она учредит, наконец, все сии предметы обще с народом сербским» [16, т. VI, с. 406—416, ст. VIII].

По договоренности, достигнутой между русскими и турецкими полномочными, вывод русских войск из Сербии и сдача сербами крепостей должны были осуществляться только после заключения особой сербо-турецкой конвенции, основу которой должны были составить условия ст. VIII Бухарестского договора. Такой порядок, по замыслу русского командования, позволял выиграть время в надежде на то, что, — пишет Чичагов, — «будущие происшествия откроют нам (русским. — В. Г.) средства доставить Сербии лучший жребий» [7, кн. 2, с. 263—264].

Тем временем 24 июня 1812 г. 400-тысячная армия Наполеона I переправилась через р. Неман и вторглась в пределы России. Русский царь немедленно ратифицировал Бухарестский договор и торопил сделать то же самое султана, который в осложнившейся для России ситуации отказывался ратифицировать секретные статьи и ст. VIII договора.

Тогда русская дипломатия сделала попытку повлиять на Порту через английского посла в Турции Р. Листона. В беседе, состоявшейся 29 июня 1812 г., рейс-эфенди прямо заявил по этому поводу Р. Листону, что Османская империя включает в себя большое число христианских народов, которые исповедуют ту же религию, что и русские. Поэтому требование России включить в Бухарестский договор ст. VIII, — по словам донесения Италинского, — «направлено к независимости сербов и к постепенному образованию множества мелких республик в европейских владениях Оттоманской империи». Конкретизируя свою мысль, рейс-эфенди пояснил, что другие христианские народы непременно воспользуются этим опасным примером сербов, и, так же как они, будут требовать тех же преимуществ, а впоследствии постараются придать своим требованиям еще большую силу. «Словом, — заключает свое донесение Италинский, — Порты предвидит угрожающие ей затруднения и, как всякое правитель-ство, старается предупредить их и избежать» [39, с. 83]. И все же несмотря на противодействие султана обмен ратификационными грамотами состоялся 2/14 июля 1812 г. [16 т. VI, с. 751, пр. 452]. На следующий день после этого акта новый главнокомандующий Дунайской (Молдавской) армией адмирал П. В. Чичагов отправил Ф. И. Недобе в Белград текст ст. VIII Бухарестского договора с инструкцией, в которой предписывалось разъяснить сербам причины, побудившие Россию согласиться на такие условия, и убедить верховного вождя в необходимости вступить в переговоры с Портой о заключении сербо-турецкой конвенции [16, т. VI, с. 468—471]. В свою очередь Карагеоргий также известил Чичагова 10 июня 1812 г. о получении письменного предложения Порты начать переговоры о заключении конвенции. Однако верховный вождь нашел его неприемлемым, поскольку, с его точки зрения, сдача туркам крепостей и орудий не только обезоружит сербский народ, но и обесчестит его. Разъясняя причину своего отказа, Карагеоргий писал Чичагову, что поскольку сербских представителей не было на переговорах при заключении Бухарестского договора и ни одна из договаривающихся сторон не передала сербам аутентичного текста ст. VIII русско-турецкого договора, то они до сих пор еще не знают всех условий этой статьи и поэтому не могут приступить к переговорам с турецким полномочным [7, кн. 2, с. 262—263]. Занятая сербами позиция весьма беспокоила командование Дунайской армии, так как их отказ от переговоров с Портой шел вразрез с условиями ст. VIII, а это угрожало возобновлением военных действий на русско-турецком фронте в тот момент, когда полчища Наполеона I, захватив Вильно, форсированным маршем устремились в глубь России. Чтобы уладить этот инцидент, Чичагов поспешил направить в Сербию с миссией графа М. К. Ивелича. Ему было поручено разъяснить сербам, герцеговинцам и другим воевавшим с Портой славянским народам общую политическую ситуацию в Европе и то критическое положение, в котором оказалась Россия. В данной ему инструкции Чичагов писал: «Мы оставляем теперь сербов, дабы сохранить для России существо политическое Европы, которое обеспечивает сербам бытие». Поэтому мир с Турцией и условия ст. VIII, — пояснял далее Чичагов, — нужны не только для России, но и для самих сербов, поскольку это позволит им сохранить те преимущества, которых они уже добились в ходе восстания. Впоследствии при благоприятных обстоятельствах накопленные сербами силы позволят им при поддержке России окончательно освободиться от турецкой зависимости [16, т. VI, с. 518—520].

28 июля 1812 г. М. К. Ивелич прибыл в Тополу и в ходе переговоров в конце концов убедил-таки Карагеоргия направить сербских депутатов в Константинополь [7, кн. 2, с. 270]. 3 августа 1812 г. сербская депутация направилась к великому визирю Хуршид-паше, а оттуда в Константинополь.

После отъезда депутатов в Сербию, в монастыре Врачевшница, по приказу Карагеоргия 15 августа 1812 г. была собрана скупщина. На скупщине в торжественной обстановке был зачитан подписанный всеми главными старейшинами документ, в котором подписавшиеся от имени всего

сербского народа дали клятву выполнить все условия ст. VIII Бухарестского договора и связанные с ним постановления о заключении сербо-турецкой конвенции [40, оп. 208-а, св. 110, д. 20, л. 30—35].

В марте 1813 г. рейс-эфенди поставил в известность русского посла А. Я. Италинского о том, что несмотря на старания полномочных Порты, сербы уклоняются от заключения конвенции на условиях ст. VIII. Пока Порты по-прежнему готова вести переговоры с ними, но вскоре ее терпению придет конец, и она будет вынуждена прибегнуть к силе [39, с. 137—140]. Чтобы не допустить готовящегося кровопролития, Италинский настоял на проведении нового тура сербо-турецких переговоров, который начался в Софии в конце мая 1813 г. Прибывшие в Софию сербские полномочные объявили, что сербы согласны на все условия Порты за исключением двух пунктов. Они отказываются: 1) сдавать оружие; 2) впустить в города изгнанных ими турок и возвратить отобранные у них земли, дома и другое имущество [25, д. 3164, л. 37—41]. Не дав никакого ответа сербским полномочным, великий визирь разослал пашам и аянам Румелии приказ выступить в поход для покорения сербов. В первых числах июля 1813 г. войска нескольких румелийских пашей общей численностью до 200 тыс. человек со всех сторон начали наступление на Сербию [7 кн. 2, с. 358—359].

В августе 1813 г. положение обороняющихся сербов стало безнадежным, и Карагеоргий 30 августа/12 сентября 1813 г. известил великого визиря, что он согласен заключить конвенцию на условиях ст. VIII Бухарестского договора без всяких исключений. Но и на этот раз предложение верховного вождя осталось без ответа. Турки продолжали развивать наступление. 23 сентября/4 октября 1813 г. они заняли г. Смедерево, а на следующий день были уже в Белграде.

Сербское восстание было жестоко подавлено, но освободительная борьба сербского народа не была бесплодной. В процессе сербской революции наметился ряд необратимых преобразований. Несмотря на возвращение турок, разрушенная в ходе восстания феодальная военно-ленная система землевладения в пределах повстанческой Сербии полностью так и не была восстановлена. Тогда же возникло государственное образование, которое просуществовало семь лет. Оно не успело окончательно сформироваться как полноценное суверенное государство и не получило международного признания. Тем не менее в процессе этой революции, по сути дела, было завоевано право на автономию Сербского княжества, которое в 30-х годах XIX в. было создано в рамках Османской империи. Несмотря на то, что ст. VIII Бухарестского договора не отвечала полностью интересам и требованиям сербского народа, однако, она, будучи включенной в международный договор, заключенный до подавления восстания, послужила той юридической основой для международного права, которая облегчила сербскому народу возможность продолжать борьбу за политическую самостоятельность, а позднее, в 70-х годах XIX в., при поддержке России добиться полной независимости и создать суверенное национальное государство. Кроме того, создание в ходе революции 1804—1813 гг. фактически независимого от Порты сербского государства, а также факт его семилетнего существования, оказали заметное влияние на общий процесс развития национально-освободительного движения и становления национальных независимых государств на Балканах в XIX в. [41].

Рассмотренный в статье материал, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы.

Политика России в отношении сербского восстания 1804—1813 гг. на всем его протяжении была благожелательной, но в силу разных обстоятельств она претерпела ряд изменений. В ее развитии, с нашей точки зрения, можно выделить четыре основных периода: первый — с начала восстания и до заключения тильзитских договоров с Францией (1804 — июнь 1807 гг.); второй — с начала русско-турецких переговоров и до заключения русско-французской конвенции в Эрфурте (июль 1807 — сентябрь 1808 г.); третий — после заключения Эрфуртской конвенции до заключения Бухарестского мира с Турцией (октябрь 1808 — май 1812 г.); чет-

вертый — после заключения мира с Турцией и до поражения восстания (июнь 1812 — октябрь 1813 гг.).

Первый период характеризуется постепенным, но неуклонным нарастанием поддержки борющегося за автономию, а с начала русско-турецкой войны — за полную независимость сербского народа. До начала русско-турецкой войны помощь России выражалась в защите интересов сербского народа перед Портой и правительствами других государств, в материальной и моральной поддержке повстанцев. В ходе русско-турецкой войны командование Молдавской армией, рассматривая сербов как своих естественных союзников в борьбе с Турцией, начало снабжать их оружием, боеприпасами, направило в Сербию русских офицеров для обучения воинов и сооружения оборонительных укреплений.

В дальнейшем политический курс России в отношении сербского восстания изменялся в зависимости от русско-турецких отношений, которые в свою очередь определялись характером русско-французских отношений. После заключения Тильзитского мира Россия была поставлена перед необходимостью начать переговоры с Портой о мире при французском посредничестве. А это означало, что Россия не сможет добиться полной и безоговорочной капитуляции Порты. Следовательно, при таком варианте исчезала и та реальная возможность, при которой Сербия могла бы добиться полной независимости от Порты, так как Франция, Австрия и другие государства Европы не желали допускать раздела европейских владений Турции, а у России не было сил противиться их намерениям. Статья XI Эрфуртской конвенции уже формально обязывала Россию отказаться от программы независимой Сербии и принятия ее в русское подданство. Однако руководители сербского восстания не смогли правильно разобраться в сложившейся международной ситуации и выдвинули явно нереальную программу создания Великой Сербии, от поддержки которой правительство России было вынуждено отказаться. Не желая еще больше осложнить отношений с Францией в период австро-французской войны (апрель — июнь 1809 г.), русское правительство запретило своим представителям в Белграде вмешиваться в дела внутреннего управления сербов. Но в то же время, командование Молдавской армией продолжало оказывать сербским повстанцам военную помощь, а русское правительство заявило о своей готовности поддерживать ту систему внутреннего устройства Сербии, которая будет установлена самим народом. Ухудшение русско-французских отношений в 1811 г. и последовавшее затем вторжение Наполеона I в пределы России перечеркнули все условия Эрфуртской конвенции, но поставили Кутузова перед необходимостью спешить с заключением мирного договора с Портой. Вынужденная поспешность с заключением мира спасла Турцию от безоговорочной капитуляции и Сербия вновь утратила возможность добиться полной независимости. По Бухарестскому миру Турция признала за сербами право на автономию внутреннего управления, что и было зафиксировано в международном договоре еще до разгрома восстания. Впоследствии это обстоятельство послужило той правовой основой, которая позволила сербам при поддержке России восстановить значительную часть тех завоеваний, которые были добыты ими в ходе восстания 1804—1813 гг. В связи с этим Ф. Энгельс писал: «Когда в 1804 г. вспыхнула сербская революция, Россия немедленно взяла под свою защиту восставших „райя“ и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в двух договорах независимость их страны во внутренних делах» [42].

Все вышеизложенное, как нам кажется, дает основание считать, что без активной помощи и всесторонней поддержки России возрождение и формирование сербского национального государства в условиях напряженнейшей международной обстановки начала XIX в. было бы невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нарочницкий А. Л. Характер и значение Первого сербского восстания 1804 — 1813 гг. — Новая и новейшая история, 1981. № 4; Нарочницкий А. Л. О характере Первого сербского восстания 1804—1813 гг. и его месте в истории рево-

- люций XVIII — начала XIX в. — В сб.: Югословенске земље и Русија за време Првог српског устанка 1804—1813 гг. Београд, 1983, с. 29—48.
2. *Карасев В. Г.* Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (К вопросу о характере сербского восстания 1804—1813 гг.) — Советское славяноведение, 1983, № 3.
 3. Историја српског народа. Књ. 5, т. 1. Београд, 1981, с. 65.
 4. *Јанковић Д.* Srpska državo prvog ustanka. Београд, 1984, с. 9—35.
 5. Историјски значај српске револуције 1804. — Зборник радова са научног скупа одржаног од 3 до 4 јуна 1980 г. поводом обележивања 175 годишнице првог српског устанка. Београд, 1983.
 6. Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804—1813 гг. — Зборник радова приказаних за округлим столом од 18 до 20 новембра 1980 г. одржао одбор југословенских и совјетских историчара за објављивање докумената из совјетских архива о првом српском устанку. Београд, 1983.
 7. Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 1 (1804—1807). М., 1980; кн. 2 (1808—1813). М., 1983.
 8. *Нарочницкий А. Л.* Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 1 (1804—1807). — Вопросы истории, 1981, № 8, с. 149—151.
 9. *Карасев В. Г.* Первое сербское восстание 1804—1813 гг. Кн. 1 (1804—1807). — Новая и новейшая история, 1981, № 5, с. 202—205.
 10. *Тихвинский С. Л.* Первое сербское восстание 1804—1813 гг. и Россия. Кн. 2 (1808—1813). — Вопросы истории, 1984, № 3, с. 133—136.
 11. *Бромлей Ю. В.* Первое сербское восстание и Россия. Кн. 2 (1808—1813). — Новая и новейшая история, 1984, № 3, с. 153—156.
 12. *Допов Ч.* Устаници и савезници. — Политика, 1981, 18 IV.
 13. Први српски устанак. Акта и писма на српском језику у ред. Р. Перовића, књ. 1 (1804—1808). Београд, 1977.
 14. *Прота Матија Ненадовић.* Акта и писма. Приредио В. Б. Савић. Горњи Милановац, 1984.
 15. *Достян И. С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972.
 16. Внешняя политика России XIX — начала XX в. Т. I—VIII. М., 1960—1972.
 17. *Јанковић Д.* Русија и државно уређење устаничке Србије. — В сб.: Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804—1813 гг. Београд, 1983, с. 247—266.
 18. *Никитин С. А.* О так называемой «Конвенции Паулуччи — Карагеоргиев». Ватканика, 1977.
 19. *Милосављевић П.* Србија у балканској политици Русије 1804—1813 гг. — В сб.: Историјски значај српске револуције 1804 г. Београд, 1983, с. 623—640.
 20. *Грачев В. П.* Начальный этап русской политики в отношении первого сербского восстания 1804—1813 гг. — В сб.: Југословенске земље и Русија за време првог српског устанка 1804—1813 гг. Београд, 1983, с. 177—201.
 21. *Нарочницкий А. Л.* Россия, Сербия и Черногория в начале XIX в. — Новая и новейшая история, 1980, № 3.
 22. АВПР, ф. Канцелярия.
 23. *Вукићевић М.* Караборђе. Књ. 2. Београд, 1912.
 24. АВПР, ф. Генеральное консульство в Яссах.
 25. АВПР, ф. Посольство в Константинополе.
 26. Историја Београда. Т. 2. Београд, 1974.
 27. *Гавриловић Сл.* Војводина и Србија у време првог устанка. Нови Сад, 1974, с. 12—15.
 28. Списи бечких архива о првом српском устанку. Од А. Ивића. Књ. 1. 1804. Београд, 1935.
 29. *Милосављевић П.* Бој на Иванковцу 1805 године. Београд, 1975.
 30. *Гавриловић М.* Из нове српске историје. Београд, 1926, с. 52—78; 78—97.
 31. *Новаковић Ст.* Ичко мир. — Глас српске краљевске Академије, 1903, № XVI.
 32. *Сироткин В. Г.* Франко-русская дипломатическая борьба на Балканах и планы создания славяносербского государства в 1806—1807 г. — УЗИС, т. XXV. М., 1962.
 33. *Сироткин В. Г.* Дуэль двух дипломатий. М., 1968.
 34. *Петров А. Н.* Россия в борьбе Сербии за независимость с 1806 по 1812 гг. — Военный сборник. Т. 167, № 1—2. СПб., 1886.
 35. ЦГВИА СССР, ф. ВУА.
 36. *Богшич В.* Разбор сочинения Н. А. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872.
 37. *Миллер А. Ф.* Мустафа паша Бәйрактар. М.—Л., 1947.
 38. ЦГВИА СССР, ф. 14209.
 39. *Уляницкий В. А.* Материалы к истории восточного вопроса в 1808—1813 гг. (Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 4 (199).) М., 1901.
 40. ЦГВИА СССР, ф. 103.
 41. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). М., 1986, с. 111, 112—163.
 42. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 9, с. 32.

МИХАЙЛОВ Э. (НРБ)

ВОСТОЧНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ ДО IX ВЕКА¹

Проблемы болгаро-русских взаимоотношений, игравших чрезвычайно важную роль в истории обоих народов и часто непосредственно затрагивавших основные, определяющие моменты их политического и культурного развития в ту или иную историческую эпоху [1], всегда занимали одно из важных мест в исследованиях болгарских, русских и советских историков. Внимание к ним особенно усилилось в последние три десятилетия [2].

Наиболее значительное развитие болгаро-русских отношений приходится на вторую половину X в. Это были годы важных событий, когда Болгария, пережив бурный политический и культурный расцвет, стала одним из центров новой славянской письменной и духовной культуры. Это был также период, когда молодое русское государство в своем непрерывном восходящем политическом развитии встало перед необходимостью создания своей новой духовной культуры, отвечавшей потребностям эпохи и остающейся в то же время славянской по своему характеру. Естественно, что в этом культурном процессе первостепенное значение для Древней Руси имели достижения славяно-болгарской культуры, активно усваиваемые восточными славянами.

Начало этих взаимоотношений уходит корнями в тот далекий период, когда оба народа постепенно выделились из огромного славянского мира и вступили на путь самостоятельного исторического развития.

Однако при изучении этих древних времен возникают трудности самого различного характера. Отсутствие исторических данных все еще не позволяет ответить на вопрос, когда именно произошло обособление отдельных славянских народов. Археологические памятники славянской культуры ранее VI в. неизвестны вообще. Следовательно, приходится опираться лишь на скудные данные славянского языкознания и некоторые упоминания в письменных источниках (преимущественно VI в.). К тому же не разработан вопрос о критериях, о необходимой сумме признаков, которые позволили бы определенно разграничивать разные славянские народности. Ясно, впрочем, что к каким бы критериям мы ни прибегали, на наиболее раннем этапе отличительные признаки не могли проявляться ярко и общеславянское начало должно было сохраниться, а в отдельных случаях преобладать еще в течение продолжительного периода времени. Этим обстоятельством и объясняются значительные разногласия в историографии о времени и глубине этнической дифференциации среди славян [3].

Формирование славянских народностей представляло собой весьма продолжительный процесс, которому предшествовало распадение древне-

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного 29 ноября 1983 г. на двухстороннем симпозиуме Комиссии историков СССР и НРБ, посвященном проблеме «Славяне и протоболгары на территории СССР и Болгарии».

славянской этнической общности и оформление трех больших славянских этнических групп: склавинской, антской и вenedской. Несомненно также и то, что склавины (или, точнее, древние славяне — в первоначальном смысле этого этнонима) — это прежде всего будущие болгары («болгарские славяне») и что анты — предшественники будущей древнерусской народности (восточные славяне, из которых позднее, в XIV—XV вв. выделились великоруссы, украинцы и белорусы). Вопреки происшедшим значительным изменениям, качественных скачков в этом развитии не наблюдалось. Это была история одних и тех же славянских народов.

В VI в., когда славяне вышли на историческую арену, т. е. стали хорошо известны писателям и историкам того времени, распад славянской этнической общности (однако отнюдь не в области культуры), был уже свершившимся фактом. Когда в основных чертах произошел этот процесс, определить трудно. Наиболее убедительными на этот счет являются свидетельства византийских авторов того же века.

1. Хорошо известно, что византийские авторы VI в., близко знакомые со славянами, говорят об одинаковом быте, языке, религии, обычаях и внешнем виде склавинов и антов. На основании этого Прокопий объединяет их под общим выражением «этот народ» (τὸν λαὸν τούτων) [4, с. 12]. Но в то же самое время он их и разграничивает, когда пишет: «Эти народы склавины и анты» (τὰ ἔθνη ταῦτα Σκλαβηνοὶ τε καὶ Ἄνται) [4, с. 11], что не следует расценивать как противоречие. Особые названия для каждой группы славян говорят об устойчивом их разделении, которое имело уже этнический характер, а не являлось результатом лишь одного «территориального расположения», как полагают некоторые исследователи. Здесь не следует ставить в один ряд родовые и племенные названия славян с этнонимами «склавины» и «анты». Эти названия относятся к различным уровням этнического развития, хотя этнонимы и могут происходить, вероятно, от родовых или племенных наименований.

2. О том, что деление между склавинами и антами имело этнический характер, свидетельствует ряд мест в рассказе Прокопия о самозванце Хилуде. Как одни, так и другие имели свою собственную территорию, которую каждый из народов называл «отцовской землей» (τὰ πατρία ἧθη). И те и другие именовали своих соплеменников «сородичами» (τοῖς ὀδλογένεσι); и те и другие имели собственное самоуправление, свои законы, действующие только внутри одной этнической общности [5, с. 124—126].

3. Территории обеих исторических общностей имели общую стабильную, исторически сложившуюся границу (р. Днестр), которая, хотя и нарушалась антами в VI в., все же оставалась границей между склавинами и антами вплоть до X в. [4, с. 10].

4. Из описания набегов склавинов и антов на Балканский полуостров видно, что обе славянские группы всегда действовали отдельно, независимо одна от другой, в различное время и в различных направлениях (ср. [6]).

5. То, что разделение склавинов и антов имело прочный, а не временный или только территориальный характер, подтверждают и две большие войны, вспыхнувшие между ними, — одна в начале 40-х годов VI в. [4, с. 13], а другая в 586 г. [4, с. 24]. Следовательно, этническая обособленность двух славянских групп находила выражение, пусть даже временно, в политической консолидации каждой из них и конфронтации между ними.

5. В связи со всем сказанным большое значение имеет предание о Кие из старой русской летописи как об основателе Киева и, по всей вероятности, также племенного союза полян в Среднем Приднепровье. Кий со своим родом пытался прочно закрепиться на Дунае, но «не даша ему ту близь живущий» [7, с. 13]. Спрашивается, кем же были те «близь живущий», не позволившие Кие поселиться в избранном им месте? Ясно, что речь здесь идет о склавинах, единственных реальных хозяевах земель по нижнему Дунаю в то время.

Следовательно, в VI в. отдельные этнические группы славян были уже достаточно обособленными. Это понимали византийские писатели того периода и никогда их не смешивали. Более того, они даже не имели обще-

го названия для всех славян и отдельного славянина определяли как склавина или анта. Есть основания заключить, что и сами славяне сознавали свою этническую обособленность в качестве склавинов или антов.

Распадение славянской общности, ставшее фактом уже в VI в., должно было сказаться на языке, материальной и духовной культуре славян. Однако эту дифференциацию не всегда можно зафиксировать из-за скудности прямых свидетельств и в первую очередь из-за большой культурной близости отдельных славянских этнических групп. Дифференциация культурная к тому же возникла как следствие территориально-политической и проявилась намного позднее. Для данного периода следует допускать только ее начальные проявления, которые независимо от своей специфики ни в малой степени не противоречили культурному единству славян, характерному для раннего средневековья (ср. [8]).

При обособлении отдельных славянских этнических групп, наряду с самосознанием, большое значение имели диалектные различия, которые некоторые исследователи считают даже первостепенными и определяющими. Что же касается времени диалектной дифференциации среди славян, то еще В. Ягич, А. Шахматов, А. Соболевский и другие языковеды начало процесса относили к IV в. н. э. (ср. [9]). Современные языковеды-слависты: Т. Лер-Сплавинский, Вл. Георгиев, Ив. Леков, основываясь на дополнительных исследованиях, указывают тот же период, расширяя, однако, его границы от II до V в. н. э. [3, с. 67, прим. 39]. Советский языковед-болгарист С. Бернштейн, особенно много внимания уделяющий интересующим нас вопросам, относит период языковой дифференциации к I—II вв. н. э. [10]. Эта датировка заслуживает серьезного внимания, так как в тот период, т. е. еще на славянской прародине, формировались славянские поддиалекты и говоры, из которых позднее развились современные славянские языки.

Из всего этого можно сделать вывод, что формирование отдельных славянских этнических групп и этнических общностей (будущих славянских народностей) завершилось до их расселения на общей славянской прародине (ср. [11]). Следовательно, для изучения древнейшей истории славян общепринятые в науке выводы о раннем возникновении славянских диалектов имеют очень важное значение и в общих чертах подтверждают заключения, сделанные выше на основе анализа письменных источников.

Если изменения в языке и формирование славянских диалектов имеют прямое отношение к вопросу о распаде славянской общности и формировании отдельных этнических групп, то данные материальной и духовной культуры не всегда способствуют выяснению этих проблем. Более того — в ряде случаев они могут даже ввести в заблуждение из-за того, что культурная дифференциация, как отмечалось выше, проявлялась намного позднее, когда славянские народы уже длительное время шли по пути самостоятельного развития. Кроме того, впоследствии оказывали влияние и дополнительные факторы, способствовавшие распространению новых и разных культурных явлений как в близких, так и в дальних этнических зонах. Именно поэтому в ранний период (VI—IX вв.) как вполне закономерное явление наблюдается единство материальной культуры на всей славянской территории от Одера до Оки и от Балтийского моря до Эгейского (ср. [12]).

Вместе с тем, нельзя исключать наличия локальных вариантов в единой общеславянской материальной культуре. Следует, однако, иметь в виду, что в VI—VII вв. эти локальные варианты далеко не всегда совпадали с этническими границами отдельных славянских групп, что затрудняет использование данных материальной культуры для изучения этнической консолидации отдельных славянских народов.

Единственным сравнительно надежным признаком, позволяющим разграничить материальную культуру южных и восточных славян, является сравнительно более раннее появление гончарного круга у южных славян. Как известно, это произошло еще при заселении южными славянами Балканского полуострова, тогда как к восточным славянам гончарный круг проник лишь в IX в. [13].

Для этого периода подобное же единство характерно и в сфере духовной культуры, конкретно — в области религии, что объяснялось общим происхождением славянских народов, имевших в древности единую религию [14]. Вместе с тем из русских письменных источников следует, что к X в. в среду восточных славян проникли культы и неславянских божеств: культ Симаргла (древнеиранского Сенмурва), Мокоши (вероятно, финского женского божества) и Великой Богини (Великой Матери), почитаемой под различными именами всеми народами Древнего Востока [3, с. 77—78].

Проникновение этих божеств к восточным славянам следует связать со временем дифференциации славянской общности и вступления восточных славян в тесные контакты с другими народами Восточной Европы. Иные предположения о причинах различий в религии отдельных славянских народов (в частности — древних русов и болгар), причем применительно к основному славянскому пантеону, представляются недостаточно хорошо аргументированными [3, с. 76].

В VI в. начинается расселение славянских племен на юг и юго-восток, сопровождавшееся сложными взаимоотношениями между ними в процессе этого движения. Направления миграции славянских этнических групп обуславливались местом их расселения на славянской прародине. Именно поэтому выяснение исходного взаимного географического расположения славян имеет первостепенное значение.

Используя скудные данные письменных источников, прежде всего показания Иордана, достаточно уверенно можно принять, что южные славяне занимали обширную территорию к западу от реки Сан и верховьев Днестра и к югу от верхней Вислы. На западе южнославянская (склавино-сербо-хорватская) зона охватывала большую часть современной Словакии, а ее южная граница упиралась в северные склоны Карпат [15, с. 186].

Земли восточных славян (антов) простирались к востоку от верховьев Днестра до среднего течения Днепра. На юге они охватывали верховья Южного Буга и бассейн реки Рось (приток Днепра). Северная граница определилась археологически по распространению так называемой «корчакской культуры» (восточный вариант общеславянской пражской культуры). Установлено, что на севере восточные славяне населяли бассейн р. Припяти (в современной южной Белоруссии) [16].

Когда началось движение склавинов и антов к нижнедунайским землям, сказать достаточно точно нельзя, но, согласно сведениям Прокопия, в первой половине VI в. они уже жили к северу от Дуная, «неподалеку от его берегов» [4, с. 13]. Опираясь на эти и некоторые другие данные, можно предположить, что к началу VI в. славяне уже заняли всю территорию прежней римской провинции Дакии и примерно в 527 г. начали решительную борьбу с Византией за преобладание на Балканском полуострове.

Борьба за нижнее Подунавье началась, согласно письменным источникам, с первого большого нападения антов в 527 г. [5, с. 135]. Анты в тот период играли весьма активную роль в общей борьбе северных народов против Византии. Но в 40-х годах VI в. натиск антов постепенно ослабел и полностью прекратился. Стремясь внести разлад среди славян и привлечь антов на свою сторону, Юстиниан I в 546 г. предложил антам поселиться в районе города Турриса (древняя Диногеция) на левом берегу Дуная, недалеко от дельты [5, с. 127]. Неизвестно, было принято предложение императора или нет, однако после этой даты нет никаких сведений о нападениях антов на земли к югу от Дуная. От второй половины VI в. имеются некоторые письменные сообщения, из которых следует, что анты были союзниками империи (ср. [17]).

Все это оправдывает вывод, что в то время как склавины, жившие в непосредственной близости от границ Византии, поставили своей основной целью овладение ее балканскими провинциями, анты, обитавшие в значительном отдалении (в нынешней Волинии), не ставили себе такой задачи или, по крайней мере, не преследовали ее столь же упорно. Это, как мы проследили, видимо, хорошо понимал Юстиниан I — поэтому он решил нейтрализовать антов и сосредоточить все силы против склавинов.

Однако основной причиной отступления антов от нижнедунайских земель была не политика Византии, а неблагоприятная обстановка, сложившаяся для восточного славянства в середине VI в. В это время началось нашествие аваров, двигавшихся с востока на запад. Первый их удар пришелся по антам, которые вступили в продолжительную и тяжелую борьбу с сильным аварским союзом и были вынуждены обратиться за помощью к империи (ср. [18]).

Итак, до середины VI в. анты совместно со склафинами принимали активное участие в борьбе за Балканский полуостров и часть антов некоторое время даже жила у берегов Дуная [5, с. 135]. К сожалению, источники не позволяют точно установить, какие земли нижнего Дуная были населены антами. Судя по расположению города Туррис и по общему ходу событий, можно предположить, что анты временно обитали на территории современной Молдавии и немного западнее р. Прут (северо-восточная Валахия). Во второй половине VI в. они отошли к востоку от Днестра (ср. [19]). Не исключено, что часть антов остались на землях нижнего Дуная, но боролись за Балканский полуостров с империей, а затем заселяли его склафины. Наиболее убедительно подтверждает это древнее русское предание о первом киевском князе Кие и его братьях, которые, хотя и были хорошо приняты византийским императором, не смогли прочно закрепиться на Дунае.

После переселения на Балканы склафинов в VI в., а сербов и части хорватов в VII в., территория южнославянской прародины на длительное время была занята теми хорватами, которые остались на своей старой родине. У Константина Багрянородного эта территория известна под названием «Великой» или «Белой Хорватии» (в современной Польше) [20, с. 208]. В X в. в ходе расселения восточных славян в направлении на юго-запад и в результате возвышения Древней Руси восточные хорваты постепенно были подчинены киевским князьям и впоследствии ассимилированы восточными славянами. Этническое сближение было значительно облегчено общим происхождением обоих народов. Трудно определить точно, когда и как это произошло. Но из русской летописи явствует, что в первой половине X в. прикарпатские хорваты еще сохраняли свою племенную целостность, но уже находились в зависимости от русских князей [7, с. 14, 23, 84].

Следовательно, в район Северо-Восточных Карпат восточные славяне проникли спустя один век после ликвидации венграми болгарской власти в Закарпатье и Трансильвании. Территория расселения формирующейся древнерусской народности достигла главного карпатского хребта (в районе приблизительно от Дукленского перевала на западе до истоков р. Прут на юго-востоке), а тем самым и древней этнической границы болгарской народности в этом районе. Тот факт, что эти земли до конца IX в. являлись болгарской территорией, подтверждается анонимной венгерской хроникой XII в. Здесь, западнее Карпат, находились несколько болгарских феодальных владений с развитым аппаратом управления [21].

С овладением венграми этой территорией в конце IX в. власть болгар здесь была ликвидирована и этническая картина ощутимо изменилась в пользу венгерского этноса. Однако нужно иметь в виду, что в Трансильвании и Закарпатье славяноболгарский элемент сохранялся еще несколько веков, постепенно растворяясь в усиливающейся восточнославянской этнической среде. В XI в. восточные славяне продолжали свое продвижение в юго-западном направлении, пересекали карпатский хребет и проникли на тогдашние венгерские земли (Угория), занятые в то время и славяноболгарским населением. Таким образом, в течение XI и последующих веков в Закарпатье и Трансильвании имел место непосредственный и продолжительный контакт между болгарами и восточными славянами, приведший к постепенному слиянию двух этнических элементов. Завершению этого процесса способствовали общее происхождение обоих народов, их кровное родство и общая (восточнохристианская) религия [15, с. 188—190].

Менее ясен вопрос о русско-болгарской этнической границе в районе между Восточными Карпатами и р. Днестр. Неясность эта обусловлена

недостатком прямых сведений о жизни болгарского населения в этом районе. Что же касается восточных славян, то можно считать общепринятым мнение, согласно которому южная и юго-западная граница основной русской этнической территории совпадает с южной границей лесостепной зоны или (конкретнее) идет от среднего течения Днепра в западном направлении, вверх по течению р. Рось или немного южнее ее, приблизительно по 49 параллели, и, выходя к Южному Бугу, немного поворачивает к юго-западу, упирается в Днестр в районе его притока Ущицы, а отсюда продолжается вверх по Днестру [22]. Это был древний юго-западный предел расселения восточных славян до конца X в., когда началось их постепенное продвижение далее в юго-западном направлении.

Следует иметь в виду, что пограничная зона представляла собой, в сущности, значительную по ширине полосу со сравнительно редким населением. Точную границу малых поселений (сельского типа) нельзя определить, но из письменных источников следует, что за период до конца X в. упоминаемые там русские поселения не располагались южнее линии между городами Пшемысл — Теребовль (ср. [23]), или, иначе говоря, в этот период русские поселения по Днестру не известны. Таким образом, Днестр протекал посредине пограничной полосы, отделявшей восточных славян от южных еще с глубокой древности.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что речь идет о бесспорной юго-западной границе основной древнерусской этнической территории. Хорошо известно, что эта граница неоднократно нарушалась постоянным и естественным стремлением восточных славян выйти в плодородные и теплые долины бассейна нижнего Дуная и Северного Причерноморья. Близость восточного славянства к Черному морю и Дунаю обусловили его тесные этнические, культурные и экономические связи с жившим здесь населением. Но это естественное стремление неоднократно в течение веков пресекалось неблагоприятными для славянства событиями в этом районе: черноморские степи служили воротами для всех народов, двигавшихся с востока на запад, начиная с древних киммерийцев и скифов и кончая татаро-монголами.

Тем не менее территория между Карпатами и Днестром играла важную роль в экономической, политической, и культурной жизни восточных славян: через эту территорию протекают полноводные реки, прочно связывавшие русов с дунайско-черноморским бассейном. Значение этих земель стало ощущаться достаточно отчетливо еще в IX—X вв., когда создавалось и укреплялось само Древнерусское государство. Его столица Киев находилась не столь далеко от дунайско-черноморского бассейна и была тесно связана с ним полноводным Днестром. Таковы обстоятельства, повлиявшие на перемены в этнической истории земель между Карпатами и Днестром. Короче говоря, эти перемены свелись к постепенному уменьшению и угасанию болгарского этноса, с одной стороны, а с другой — второму в истории значительному продвижению восточных славян на юг, к землям нижнего Дуная в X—XII вв.

Учитывая тот факт, что до конца X в. юго-западная русская этническая граница проходила по верхнему течению Днестра, можно ли утверждать, что здесь находилась одновременно и крайняя северо-восточная граница болгарского этноса? Для более раннего периода (примерно VI—IX вв.) следует, видимо, считать, что в этом районе славяноболгары расселялись до верховьев Прута, имея в виду, что в то же самое время соседняя территория к западу от Карпат была болгарской не только в этническом, но и в политическом отношении. Кроме того, нужно помнить и о том, что эти земли являлись древней территорией склавинов (точнее — болгарской группы славян). Восточнее Прута граница выходила к Днестру в районе города Могилева-Подольского, после чего спускалась вниз по течению Днестра, до его впадения в Черное море [24].

Здесь было бы уместным сослаться на сообщение Константина Багрянородного, согласно которому в середине X в. «с восточной стороны с турками (венграми — Э. М.) граничат болгары» [20, с. 48—49]. Это свидетельство недвусмысленно подтверждает, что даже в X в. земли

у Восточных Карпат считались болгарскими. Но вместе с тем нужно иметь в виду, что болгарское население между Карпатами и Днестром находилось весьма далеко от основных центров славяноболгарского государства и должно было рассчитывать на собственные силы в борьбе против венгров, печенегов и других кочевых народов, постоянно вторгавшихся в этот район.

Немного отличалось положение на землях Южной Молдавии, где жило компактное славяноболгарское и протоболгарское население. Эта территория имела важное политическое и военное значение для Болгарского государства, особенно в IX и начале X в. Она граничила с землями волохов. Возможно, крупнейшим политическим и военным центром на этой территории была болгарская крепость Белград в устье Днестра (известная позднее в русских летописях под названием Белгорода — нынешний Белгород-Днестровский) [15, с. 196—197]. На восточном берегу устья Днестра находилась другая болгарская крепость — Черна (или Черноград, Маврокастрон). Крепость Белград в устье Днестра представляет интерес как один из центров тесных контактов между болгарским и древнерусским населением этого района в X—XII вв. Это было время, когда по Днепру и вдоль болгарского черноморского побережья складывался русский торговый путь до Царьграда. Белград на Днестре был одним из пунктов на этом торговом пути.

К концу X в. мы и относим завершение первого этапа в истории русско-болгарских взаимоотношений, который во многом определил пути развития дальнейших связей между двумя народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ангелов Д. Руси и българи в историята. София, 1945, с. 3—4.
2. Михайлов Е. Българо-руските взаимоотношения от края на X в. до 30-те години на XIII в. в руската и българската историография. Годишник на Софийския университет (далее — ГСУ), Философско-исторически факултет (далее ФИФ), т. LIX, кн. III, 1965, София, 1966.
3. Михайлов Е. Обособяване на източните и южните славяни. — Исторически преглед, год XXVII, 1971, кн. 3, с. 67—68.
4. Христоматия по история на България. Т. I. Съст. П. Петров и В. Гюзелев. София, 1978.
5. Извори за българската история. Т. III. София, 1958.
6. Рыбаков Б. А. Славяне в Европе в эпоху крушения рабовладельческого строя. — В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 46.
7. Повесть временных лет. Часть первая. М.—Л., 1950.
8. Арциховски А. В. За средновековното културно единство на славяните. — В кн.: Славянска археология и етнография в Съветския съюз. София, 1947.
9. Филли Ф. П. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 34.
10. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 68—70, 77, 211, 213, 217.
11. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, с. 193.
12. Ляпушкин П. И. К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 203—209.
13. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 77.
14. Фаминцын А. С. Божества древних славян, вып. I. СПб., 1884, с. 36, прим. 1; с. 122.
15. Михайлов Е. За руско-българската етническа граница до края на X век. ГСУ, ФИФ, т. LXV, кн. III, 1971. София, 1973.
16. Русанова И. П. Карта распространения памятников типа Корчак (VI—VII вв. н. э.). — В кн.: Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 93—96.
17. История Византии. Т. I. М., 1967, с. 340.
18. Михайлов Е. Склавини и анти в Долнодунавските земи. ГСУ, ФИФ, т. LXIV, кн. III, 1970, София, 1972, с. 38.
19. Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 132.
20. Извори за българската история, IX. София, 1964.
21. Лишев С. Нови данни за феодалните отношения в България през X в. — Известия на Института за българска история. Т. 6. София, 1956, с. 425—433.
22. Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, с. 264.
23. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 130.
24. Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава, първа част. София, 1979, с. 48—49.

БАЗИЛЕВСКИЙ А. Б.

ТВОРЧЕСТВО ЮЛИАНА ТУВИМА 1939—1945 гг. В ПОЛЬСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В межвоенный период официальную точку зрения правящих кругов Польши выражали сентенции типа: «Польша — последний оплот Европы, барьер, заслоняющий ее от нового порядка, надвигающегося с востока. Польша призвана защитить порядок, основанный на индивидуальной собственности, от коммунизма, а древнюю христианскую идеалистическую культуру — от материализма» [1]. В годы второй мировой войны, когда польская нация оказалась под угрозой уничтожения, а подлинная культура была изгнана из страны и вытеснена в подполье, литературная деятельность стала одной из важнейших форм сопротивления фашизму. Война ускорила идейную эволюцию многих художников слова, поставив их перед необходимостью выбора, потребовав от каждого той внутренней работы, которая не всем была по плечу в период «мира и процветания». Понимание творчества как орудия борьбы против тоталитарного гнета, за социальную справедливость было общим для большинства писателей, хотя эта позиция имела разные идеологические оттенки.

Поэзия 1939—1945 гг. была сильна сознанием ответственности, идеей поиска новых духовных ориентиров. Не случайна общность восприятия ближайшей традиции молодыми поэтами военной поры. Они в равной степени не принимали «обанкротившийся социальный оппортунизм» скамандритов и «безнадежную интеллектуальную эквилибристику» краковского авангарда [2]. Воплощение трагизма времени «поколение апокалипсиса» видело в тревожном, дисгармоничном творчестве С. И. Виткевича, Ю. Чеховича, К. И. Галчиньского, виленских «катастрофистов». Восприятие реальности как внутренне конфликтного, изменчивого целого — такова в общем смысле основа нового поэтического сознания, рожденного временем.

В творчестве многих поэтов отчетливо проявилось стремление преодолеть субъективизм, приблизиться к пониманию диалектики личности и исторического процесса, создать новый образный язык, соответствующий драматизму действительности. Общей чертой явилась тяга к ограничению лиризма, усилению объективного, эпического начала, взаимодействие которого с символично-метафорическим типом высказывания создавало предпосылки для изменения образно-жанровой системы польской поэзии. Поэты стремились уловить и выразить многообразные связи реальности через ассоциативную художественную структуру, синтезировать различные жанры и типы построения образа.

Новая поэзия рождалась в решении острых проблем времени, одной из центральных явилась проблема личной ответственности, выбора, способности человека одержать нравственную победу в трагической ситуации. Важным аспектом этой проблемы был вопрос о слове и поэтической речи. Для поэзии «времени бурь» характерно настороженное, скептическое отношение к некоторым высоким словам, утратившим, как порой

казалось, реальные значения в атмосфере всеобщей ненависти и лжи. Ян Парандовский в одном из послевоенных выступлений точно выразил причину «сомнения в слове», типичного для многих писателей в годы войны: «В дьявольском тигле лжи был изуродован, извращен человеческий язык. У предметов отняли названия, а у названий смысл. Множество нелепых и коварных понятий проникло в мысли, слова и поступки людей, занимавшихся политикой, в книги ученых и литераторов, в прессу и разговорную речь» [3, с. 154].

Это подтверждало наблюдения, сделанные С. И. Виткевичем задолго до катастрофы [4, с. 37]. Мачей Корбова, Дюбал Вахазар, Гиркан I, Гнембон Пучиморда и другие фашиствующие «титаны» из гротескных драм Виткевича, «простодушный тиран» Альф Омега из «сатирического водевиля» Тувима «Карьера Альфа Омеги» — все эти зловещие персонажи в 20—40-е годы явились в мир во всеоружии средств физического и идейного террора. Фашизм во всей очевидности продемонстрировал агонию фальсифицированных высокопарных фраз, регресс и «самоликвидацию» языка в эпоху, когда демагогия убивала истинный смысл слова, а трагизм событий подчас лишал человека и самого дара речи. Тема словесного гипноза, инфляции слов под давлением истории — одна из главных в поэзии этого периода.

Суть новой поэзии — стремление к драматизации и интеллектуальной точности высказывания — выражало афористически сформулированное поэтессой Анной Свирциньской (1909—1984) требование создавать «искусство тяжелое, как жизнь, и однозначное, как смерть» («Средневековые стихи», 1939). Характерно для поэзии начала 40-х годов творчество Кшиштофа Камиля Бачиньского (1921—1944) с его ключевой ситуацией вечного выбора, бесконечного формирования души в трагической реальности. Действительность у Бачиньского изображена символично-гиперболическими средствами, нравственно-философская рефлексия скрыта за сложной метафорикой. С этого начинал и Тадеуш Боровский (1922—1951); позднее его стихи наполнились точностью почти документальной: «земля-сон» стала «реальной землей», освященной страданием. У А. Свирциньской в цикле стихотворений в прозе «Война» действительность говорит сама за себя, без перевода на язык метафор — стиль суров и лаконичен, каждое слово полно трагического смысла.

Поэтический аскетизм Боровского и Свирциньской, изображавших войну с позиции участника и очевидца, смыкается с конкретно-аналитической интерпретацией реальности в поэзии Т. Ружевица (р. 1921). Стихотворения Ружевица военных лет, вошедшие в книги «Тревога» (1947) и «Красная перчатка» (1948), столь же этапы для развития польской поэзии, как «Медальоны» З. Налковской или «Каменный мир» Т. Боровского для прозы.

Проблема нравственного звучания слова стала смысловой осью, центром, организующим всю художественную структуру произведений Ружевица. Стремление преодолеть релятивизм эпохи однозначностью «нагой и точной речи» привело поэта к ставке на объективный образ. «Я реагировал на события фактами, созданными на манер стихотворений», — пишет Ружевиц [5, с. 91]. События и вызванные ими чувства «хотят сами свидетельствовать о себе», — считает он, не доверяя символической затемненности смысла, освобождая стих от «балласта формы» — метра, случайной рифмы, «малой» метафоры, знаков препинания — всего, что может «отдалить встречу читателя с истинной материей поэтического произведения» [5, с. 98—99].

«Днем и ночью я учил, что человека надо любить» — лейтмотив поэзии Ружевица. Его тревога рождена сознанием сложности пересотворения мира «после Освенцима», необходимости преодоления эгоистической отчужденности людей друг от друга, войны за человека на стороне подлинной жизни. Ружевиц против определения «зараженные смертью», шаблонно относимого к его поколению. Он убежден, что поколение «колумбов которые ничего не открыли» на самом деле открыло важнейшие этические истины, что оно «заражено» не смертью, а жизнью, протестом

против всех форм социального умирания. «Лицам вырезанным из газет», душевной искалеченности отдельного человека в поэзии Ружеви́ча противопоставлена непобедимость духа человечества как целого. Разрушить «щит из паутины» слов, сделать слово оружием борьбы за нового человека и новое самосознание искусства — таков смысл творчества поэта.

Перемены, происходившие в годы войны в поэзии Юлиана Тувима, сближают ее с поэзией Т. Ружеви́ча. Как писал сам автор «Бала в Опере»: «Мир, который был явлением, стал проблемой» [6, с. 566]. Парадоксальная изменчивость жизни требовала новых художественных идей, универсальной поэтической техники.

В 20—30-е годы сложился стереотип недооценки социально-критического пафоса творчества Тувима, срабатывавший и в годы войны. Некоторые поэты-дебютанты 1939—1944 гг. демонстративно отвергали поэзию Тувима, отождествляя ее с «созерцательным оппортунизмом», осуждая за «инертность». «Манерность и схематизм... составляют печальную индивидуальность славного кондотьера автоматизированных виталистов», — писал один из них в 1942 г. [7]. То, что Тувим, уехавший из Польши в сентябре 1939 г., формально принадлежал к числу беженцев, служило дополнительным поводом для поверхностной критики. Характерно высказывание другого молодого поэта тех лет: «В теплой Америке Тувим далек от понимания нашей действительности так же, как его версификаторские трюки далеки от подлинного искусства. Его муза — родом из каба-ре; пытаюсь подпрыгнуть на высоту больших тем, она напоминает таксу, влюбляющуюся в борзую» [8].

Вопреки подобным инвективам поэзия Тувима была фактом патриотической культуры в оккупированной Польше, реально участвовала в антифашистском Сопротивлении. Стихи Тувима входили в известнейшую подпольную антологию «Непокоренная песнь», сборник его стихотворений был среди первых книг, выпущенных в 1943 г. Союзом польских патриотов в СССР для бойцов Войска Польского. «Эмигрировать со своей землей — ерунда. Хуже те, кто эмигрировал из своего времени», — писал поэт [6, с. 567]. Он не был эмигрантом. В его поэзии звучало время, его стихи помогали сражаться.

Задолго до начала войны Тувим предупреждал: миру предстоит не «сенсация всемирного луна-парка», где каждый может в тире вволю пострелять по жестяным куклам, не бескровная игра, а новая бойня — недаром среди мишеней появляется живой человек («Пиф-паф!», 1930). Это «автомат из-под Вердена», «отличный часовой механизм», который и сам не замедлит послать пулю в цель. Ведь очередная цель таким, как он, уже поставлена, любой вояка может сегодня сделать карьеру. «Настал твой век, тамбурмажор!» — саркастически провозглашает Тувим, разглядывая парадную фотографию старого армейского офицера: «идеальное тотальное движение» его рук — «идеология» эпохи, в его образе — «мелодия, ритм и дух нашего времени» («Тамбурмажор», 1936).

В сатирической галерее Тувима — многие разновидности европейского и отечественного фашизма. В режиме Муссолини поэт видел прообраз диктатуры Пилсудского, вдохновляющий пример для польских националистов («Эйя, эйя, аляля!», 1926), которые, по его мнению, вполне достойны принятия в «Фашистерн», возглавляемый «святым Франко» («Возьму я контуш», 1936). Но больше всего поэта тревожил немецкий национал-социализм — воплотивший самые мрачные его прогнозы оптимально организованный «мир под германским солнцем», где живут окрыленные магическими заклинаниями фюрера миллионы Гансов и Гретхен («Хайхитля», 1936). Они уже построены колоссальным квадратом к началу всегерманского танца.

Тувим понимал, что в орбиту этого «супер-танца» будут втянуты и другие народы. Хотя польско-германские соглашения по вопросам прессы затрудняли критику нацизма на страницах польской печати, он публиковал эпиграммы на заигрывание режима санации с Гитлером («Традиционная дружба», «Перевод из Ницше», «На визит немецкой полиции в Варшаву», 1936), пародии на речи «ученого Адольфуса» и его карика-

турные портреты («Весьма ученые стихи», «Приветствие», «Разговор на небесах», 1936). Несколько позже Тувим с горькой иронией заметил, что в 1939 г. его давнему пацифистскому призыву «Эй, в землю штык и будь таков!» («К простому человеку», 1929) вял лишь один поляк — глава правительства, маршал Рыдз-Смиглый [6, с. 589]. Такой ход событий вполне соответствовал диагнозу, который был поставлен межвоенному обществу в поэмах и стихотворениях Тувима 20—30-х годов, в его — так и не изданной — антифашистской «Черной книге».

В начале войны Тувима, оказавшегося вдали от родины, охватила тоска, ностальгия, чувство вины перед теми, кто остался в Польше. Эти настроения сказались на его парижской лирике 1939 г., вошедшей вместе с последними предвоенными вещами в опубликованный после войны цикл «Из уцелевших стихов». Тема распада ценностей, релятивизации жизни, психической деградации, нашедшей предельное выражение в фашизме, на какое-то время становится главной в творчестве Тувима.

Фашистская «языческая дичь» точно локализована поэтом: «мегафоны рычат из квартир», из замкнутого пространства обывательского «дома». Поэзия, «горадиева серна», едва успевает спастись бегством «за розовый холм», а героя, который бросается ей вдогонку, подхватывает зловеющий «вихрь танца»; все, что он может, — выдохнуть вслед: «Прощай» («На улице»). Поэта преследуют грозные видения. С болью он пишет о детях, обреченных учиться родной речи среди могил и развалин, на вспаханной взрывами земле, над которой кружатся страшные птицы и беснуются вампиры; новый букварь полон совсем не детских слов и картинок («Урок»).

В стихотворении «Песенка умершего» личность лирического героя как бы раздваивается. Душа, отлетевшая от тела, в образе ангела «на зеленом лугу» ожидает своей участи. Ей предстоит райское блаженство, но умерший хозяин догоняет ее и уговаривает вернуться: с бумажным цветком в руке она будет порхать в витрине у гробовщика на потеху зевакам и для привлечения клиентов. Душа-актриса втянута в абсурдный ритуал, ставший возможным из-за всеобщего нравственного оскудения.

Тувима поражает, почти парализует противоестественность ситуации: от произвола горстки варваров зависит судьба всего, что имеет смысл на земле, в том числе искусства — дела людей, которым дано провидеть «неназванное» и «неуловимое». Оказывается, косноязычные самозванные «пророки» вправе решать участь «настоящих», вольны выдать или не выдать им «квитанцию на жизнь» («Предзнаменование»).

Безысходность лирического чувства сопровождается элегической иронией. Герой одного из стихотворений просит таксиста увести его подальше от тоски — «куда угодно, хоть на небо». И пока автомобиль швыряет его «по небесным виражам», пассажир взывает к богу, прося о малом: все, что нужно ему в его земном доме — видеть из окна ветку дерева и кусочек неба («Шофер и пассажир»).

Однако даже в этом ему отказано. Остается лишь уйти неведомо куда, «в пустынейшую из пустынь», забыть все и от всего отрешиться. Но поэт все же ищет «забытую страницу», «сиявший истиной костел» в надежде, что даже его «теперешний брат» — шакал — «поймет и не забудет» уроки духа, если только сам поэт не покинет его («Просьба о пустыне»).

Гротескные миниатюры парижского цикла предшествовали работе Тувима над его крупнейшим произведением, монументальностью замысла превосходившим все, написанное им до сих пор.

Изданный в 1949 г. первый том неоконченной поэмы «Цветы Польши» (1940—1944) подводит итог идейно-эстетической эволюции Тувима за весь предшествующий период. Поэма завершает перестройку тувимовской концепции мира, ее социальную конкретизацию. Отныне поэтическое воображение Тувима направлено прежде всего «не от слова к мифу, а от исторических событий к слову» [9, с. 75], в его поэзии появляется, по словам Броневского, «ясная политическая мысль» [10, с. 7]. В начале работы над поэмой Тувим так комментировал свой замысел: «Я думаю, это будет самое важное из всего, что я в жизни написал, — эпос, лирика,

сатира, гротеск, — все в магической взаимосвязи... И что важнее всего — с ясным содержанием» [11, с. 253].

Новаторское значение «Цветов Польши» еще не до конца осознано польской литературой. До настоящего времени по поводу поэмы нет единства мнений: одни считают ее высокохудожественным произведением, полагая, что со времени романтизма в Польше не было столь вдохновенной патристической поэзии; другие убеждены, что она представляет собой колоссальный черновик, набросок неосуществленного замысла, сетуют на то, что «несмотря на восхитительные фрагменты, поэма как целое не достигла высот лирики Тувима» [12, с. 560]. Ряд исследователей отказывает «Цветам Польши» в историко-литературном значении. По мнению К. Выки, это «букет отжившей эпохи», поэма тоски и ностальгии, выражение взглядов либеральной мелкобуржуазной интеллигенции. Герои поэмы — «патологические чудаки», рожденные не реальностью, а причудами авторской фантазии; социальный анализ подменен чем-то вроде психоанализа. Громоздкая конструкция поэмы напоминает исследование «старое созвездие, окращенное новым именем», — она во всем подчинена скамандритской «поэтике экзотической повседневности» и «мифологии серого человека», натуралистическому нагнетанию несущественных подробностей [13, с. 104, 109, 124]. М. Гловинский утверждает, что «Цветы Польши» не воздействовали на дальнейшее развитие литературы, поскольку уже к моменту выхода в свет поэма была всего лишь «историческим документом» — «замыкая развитие польской поэтической эпики, но не открывая ничего нового» [14, с. 217].

Однако многолетний читательский успех (десять изданий за неполных четыре десятилетия) ставит под сомнение неумеренную критику крупнейшего произведения Тувима, а внимательный анализ дает возможность оценить его по заслугам. Вопреки распространенному мнению эта огромная (около девяти тысяч строк) поэма не только «резюмирует и замыкает, дублирует и повторяет» [13, с. 124] то, что уже было когда-то сказано Тувимом. Можно без колебаний присоединиться к той точке зрения, что для автора поэма была «поиском истоков..., возвращением к себе — подлинному, свободному от горечи и разочарований зрелых лет» [9, с. 75]. Как справедливо отмечает Пиотровская А. Г., «Цветы Польши» — «поэтическая вспышка огромной мощности и силы» [15, с. 277].

Своей сложной судьбой поэма отчасти обязана элементу авторской мистификации. Критиков ввела в заблуждение внешняя «хаотичность» текста, в котором демонстративно акцентирован мотив сновидения, «мглы», безотчетного наплыва воспоминаний. В прямых высказываниях автора подчеркнут якобы совершенно случайный порядок записи, хотя в действительности текст имеет вполне четкую художественную структуру.

Поэме свойствен жанрово-стилевой и тематический синкретизм, смешение экспрессивных и повествовательных форм в неоднородной, причудливой конструкции. Действие отрывочно, сюжетные фрагменты соседствуют с этюдами-воспоминаниями, жанровыми зарисовками, мини-трактатами о поэзии и пространными размышлениями на философские и политические темы, эпизоды смонтированы ассоциативно, центр тяжести смещен на лирические отступления.

Свободная композиция дает автору возможность менять точку зрения на одни и те же ситуации и вопросы, воспроизводя диалектику собственного духовного развития. Как верно замечено одним из литературоведов, к поэме следует относиться «не только как к высказыванию зрелого поэта, но и как к законсервированной в первоначальном виде исповеди молодого человека, каким он был когда-то» [9, с. 67]. Субъективная доминанта диктует тексту капризный, прихотливый ритм. На первый взгляд поэма в самом деле кажется калейдоскопом, эмпирической мозаикой, «букетом слов». Отчасти так оно и есть, но невозможно согласиться с мнением, будто сюжет поэмы носит чисто условный характер и служит лишь предлогом для авторских отступлений.

Тувим создал не эклектическую стилизацию уходящего в прошлое жанра, а новый вариант «романа в стихах» — переходную, открытую

художественную форму, близкую некоторым типам современной прозы (в польской литературе — роману — «всеобщему мешку» — С. И. Виткевича, прозаическим циклам Б. Шульца, «повести-реке» Эдварда Стахуры). «Цветы Польши» — не просто лирика, обрамленная сюжетом, как иногда полагают исследователи. Сочетанием элементов сюжета и лирического монолога создан пульсирующий живыми токами импровизационный «словесный театр», саморазвивающаяся речевая среда, которая открывается лишь одной из своих сторон в ответ на любую попытку интерпретации. Трансформировав старый, почти музейный жанровый образец, Тувим содействовал освобождению современного ему поэтического сознания от декларативности и канона, подтвердив диалектический характер взаимосвязи традиции и новаторства в искусстве. Свободная композиция помогла ему добиться многоаспектного, панорамного раскрытия многих тем.

О широте и масштабности замысла Тувима свидетельствуют уже эпиграфы поэмы. Первый — строка из поэмы «Бенёвский» Юлиуша Словацкого, именем которого была освящена борьба польского народа за независимость и в то же время — концепция национального мессианизма, взятая на вооружение санационным режимом. Двойственность смысловых связей подчеркивает намерение Тувима вести разговор без недомолвок, не замалчивая теневых сторон национальной истории. Кроме того фраза «прах разлетается в звезды» может восприниматься как знак совмещения в тексте нескольких проблемно-тематических планов и как предвестие метаморфоз, новых воплощений «пылающей сути», скрытой и в прахе, как утверждаемая в символической форме идея непрерывности движения, неизбежности социальных потрясений. Выбор в качестве второго эпиграфа цитаты из «Цыганов» Пушкина: «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет...» — останавливает внимание на проблеме личной судьбы в ее соотношении с общими закономерностями человеческого бытия. Здесь можно уловить и оттенок трагической иронии, предвещающей неожиданности в развитии сюжета и судьбе героев. Оба эпиграфа дают универсальный смысловой камертон, настраивают на эпический лад.

Мир, изображенный в поэме, полон противоречий. Поначалу в нем все мертво и неподвижно, от поколения к поколению ничего не происходит. «Над колоссальной мордой города», как знак незыблемости положения вещей, «врастает в тучи» «стомиллионная башня Шайблер». Буржуа убивают время в развлечениях, неимущие безропотно тянут ляжку. Серый от оловянной пыли рабочий прирос к станку, «лимфатичные дети» подбирают на улицах окурки, бухгалтер — отец лирического героя — всю жизнь за конторкой считает чужие деньги, и самый решительный его «акт протеста» состоит в том, что однажды он осмеливается залить конторскую книгу красными чернилами. Жизнь одинаково убога и у господ — тех, кто входит через парадную дверь, и у «людей» — попадающих в дом с черного хода. Лирический герой-повествователь резюмирует: «Короче, прав был Гоголь: скучно на этом свете, господа».

Но однажды на желто-сером, застиранно-синюшном фоне буден (в таких цветах с дистанции в несколько десятилетий видится поэту книга его детства — веселая «Наука о красках») вспыхивает яркое пятно: это красное знамя на баррикадах 1905 г. Посмевшиеся восстать вскоре уничтожены, их кровь смыта с мостовой и присыпана песком. «Запекшиеся раны революции» требуют отмщения — так Тувим оценивает положение вещей. «Польша без социальной революции — бездетная мать», — читаем в его записной книжке 1943 г. [6, с. 569]. Автор «Цветов Польши» приходит к пониманию того, что правда и справедливость могут победить, только став реальной силой, что в «кулаке справедливости» больше «права», чем в законе.

В тексте поэмы Тувим не раз вспоминает, что когда-то и сам был подвержен либеральным иллюзиям, не сознавая, что «дышит мифами». Но теперь ему ясно, что две даты — «эпохальная осень» 1918 г., когда Польша обрела независимость, и «кровавый сентябрь» 1939 г., когда «Пресветлая Речь Посполитая» была смята гитлеровцами как картонный домик, за-

мыкают в себе эпоху неосуществленных шансов, национального позора, «тирании возвышенных дураков». В течение двадцати лет Польшу разедал «маршалский рак», ее правители в безумном танце «вбивали гвозди в гроб страны», приближая царство «моторизованного антихриста». Мечтая о «конституционном мордобитии», они служили тем же идеалам, что и «берлинских бесов шайка». Недаром Тувим в записной книжке замечает, что лозунгом некоторых «патриотов» стало: «за наш и ваш фашизм» [6, с. 569]. Ведя речь об общественно-политическом и духовном кризисе санационной Польши, поэт с горечью признает, что для многих «загнивших душ» война — очистительный огонь, единственная возможная форма искупления. Военная катастрофа уничтожила лживую власть в стране, продемонстрировав тождество идей и методов любых тоталитарных режимов, какими бы лозунгами они ни прикрывались. Внутренний кризис буржуазной демократии подтвердил неизбежность — при отсутствии иной альтернативы — ее конечного перерождения в фашизм. В этом саморазоблачении капитализма Тувим видит залог грядущего возмездия и освобождения.

На фоне охарактеризованных с публицистической остротой событий общественной жизни первой трети XX в. Тувим размещает житейские перипетии своих героев.

Сюжетный стержень поэмы — судьба Анели Илгановой, дочери умершей при родах польки и русского офицера, убитого в 1905 г. Кроме воспитавшего Анелю деда по материнской линии, скептического и угрюмого садовника Игнация Дзеверского, в поэме крупным планом выведены еще несколько персонажей. Первый из них — аптекарь со стеклянным глазом пан Камиль, квартирный хозяин Дзеверских, совративший малолетнюю Анелю. Второй — ксёндз Адам Комода, введенный в искушение красотой Анели; в присутствии прихожан он изгоняет ее из храма, рухнув при этом с амвона, как марионеточный Пьеро. Дзеверский и его внучка, вынужденные покинуть провинциальный городок, перебираются в Варшаву и попадают в дом к предпринимателю Фридрику Фольблуту, столичному кутиле и сластолюбцу, — «дурню-буфф», как аттестует его автор. Фабула поэмы обрывается на том, что Фольблут принимает Дзеверских к себе в услужение в надежде осуществить «телесный инвестиционный план» — вложив средства в воспитание Анели, вырастить из нее для себя образцовую наложницу. Из реминисценций в предшествующем тексте ясно, что по прошествии нескольких лет «польский цветок» Анеля Дзеверская расцветает: она теперь — Нелли Девера, звезда мюзикхолла, исполняющая в кабаре «Альгамбра» «танцы шепотом».

Все действующие лица поэмы отягощены разного рода психическими аномалиями и странностями, они как бы олицетворяют недуги породившего их общества. По поводу «роковых» психологических деталей поэт замечает: «Разумеется, это неправда, но фрейдистам может пригодиться». Психоаналитические стереотипы трактовки человеческой личности использованы им как одно из средств создания динамической гротескной фактуры. Психика человека представлена как «империя тайных желаний», внутренний театр, где разыгрывается «божественный фарс», битва сокровенных страстей. Бездонна пропасть «даже самой мелкой человеческой души», утверждает поэт, там «рай идиотов», «цирк тиранов», шабаш распоясавшихся «бесов возмездия», там толпы «крыс-гитлеридов», еврейские погромы и костры из книг. Туда Вергилию следовало вести Данте на поиски «инфернальных терцин». Основой для гротеска становится «дно» человеческой психики. Тувим зримо доказывает, что помимо непосредственных социальных корней фашизм имеет субстрат — «патологию душ», исторически развившуюся в результате многовековых ложных общественных отношений.

Человеческое общество в поэме уподоблено растительной природе. В начале текста описана процедура составления букета, картина вполне демократична: в букете на равных и садовые цветы, и сорняки — «люмпенпролетариат растений». Все они, как кажется поверхностному взгляду, мирно соседствуют друг с другом, побуждая автора к неторопливым

созерцательным размышлениям. Однако вскоре идиллия уступает место зловещему параллелизму: у цветов та же ярмарка тщеславия и конкуренция, что и у людей. Клумба в саду — «арена страстей», погибшие батальоны цветов гниют в братской могиле. Цветы подвержены порокам и грехам, их судьбы подстать человеческим. Они превращаются в цветы — наоборот, — мясистые, хищные, источающие удушливо-пряные ароматы. Некоторые растительные образы приобретают нарочито сниженное звучание, как это происходит, например, с таинственным цветком волшебного дерева «сангвараба», цветущего только «в пятое время года» в несуществующей «шестой части света». Оказывается, именно из него изготавливается сбываемая паном аптекарем по хорошей цене чудодейственная «микстура» для мужчин, а в ветвях дерева «сангвараба» скрывается выходящий «в победном ритме» змей-искуситель.

Верховная власть в гротескном мире поэмы принадлежит Великому Змею, «Фатальному Гаду», являющемуся в разных обличьях. Змей — образ абсолютной «сытости в себе»: сочащаяся жиром гигантская колбаса превращается в свернувшуюся клубком спящую змею, целующую собственный хвост. «Блестящий гад заморский», источающий из пасти «пьяную пену», то появляясь, то исчезая, «ползет через жизнь». «Шипящий, вечный, невидимый», он вездесущ: то сжимая, то разжимая кольца, он вершит судьбу подвластного ему мира.

Но и на змея есть управа, он — всего лишь кошмарное видение героя-повествователя, образ которого непосредственно вводится в ткань поэмы. Герой отождествляет себя с Гулливером, и эта реминисценция — прямой знак избранного Тувимом гротескного типа интерпретации реальности. Проходя «гулливеровым шагом» мимо бездельников и хамов из «приличного общества», герой собирает их в горсть, а когда они надоедают ему своим жужжанием, бросает их — «как свору бесов в пропасть». Великан всевластен над никчемными существами, приравненными к насекомым. Подобно тому как в картонном вертепе садовника Игнация действуют выточенные из дерева фигурки тех, кто досаждал ему в жизни, все персонажи поэмы повинуются закону авторского вымысла. Тувим — режиссер своего экспериментального словесного театра — создает в поэме отчужденный марионеточный мир — деформирующее отражение мира подлинного, ставшего жертвой варваров. Он отводит актерам роли по своему усмотрению и добывается любых нужных ему метаморфоз пространства.

Композиционно-смысловым центром поэмы является ее единственный озаглавленный фрагмент — «Grande Valse Brillante». Этот фантазматический эпизод типичен для описанного в поэме мира — беспощадного, враждебного человеку «темного леса жизни», здесь пересекаются многие занимающие мысль поэта темы. Образ безумного бала, одна из ключевых метафор поэзии Тувима, играет важную роль и в поэме «Цветы Польши».

В пригородном лесу богатые дачники устраивают танцевальный вечер с буфетом и фейерверком. Мелькание «страшных рыл» этой «пьяной банды» сливается в монотонную «серую карусель». Все новые танцоры выпархивают из труб музыкантов (часть из них, правда, тут же втягивается назад, в легкие трубочей). Герою настолько тошно и скверно среди этого «мещанского галопа», что ему остается только одно — как можно скорей напиться до полного умопомрачения. Он глотает в буфете рюмку за рюмкой, но вдруг замечает в толпе человеческие глаза. Это — она, знакомка, которую он искал всю жизнь. Еще не веря в ее реальность, герой на дыпочках приближается к ней и приглашает на танец. И вот они кружатся в вальсе посреди чужого им мира, и герой, окрыленный тем, что с ним танцует это неземное существо — «мадонна, легенда», — внезапно ощущает в себе способность изменить все, что их окружает, лишь бы она была с ним.

Но коснувшись ее руки, он обнаруживает на пальце незнакомки обручальное кольцо. В приступе ревности и отчаяния он клянется отомстить «вероломной мадонне», заставить ее «поплясать на крючке». И тут же начинается трансформация пространства: в мгновенно материализованную гигантскую петлю толпой лезут «толстые» — «фабрикантская

саранча», торговцы недвижимостью — все те, кто похитил у него прекрасную незнакомку задолго до того, как они повстречали друг друга. Затягиваясь, петля душит всех.

Так разрушается сказка. Сверхъестественное, воплощенное в фантастическую форму поругание грубой реальностью мечты — вполне земной и обыкновенной — лейтмотив поэмы Тувима. Социальные условия ставят вне закона самые простые и естественные человеческие чувства и побуждения. В этом мире тувимовскому «простому человеку» все пути заказаны, значит, мир необходимо изменить. Такова авторская позиция, выраженная в тексте «Цветов Польши» не декларативно, а с использованием всех возможностей комбинированного жанра поэмы.

Гротеск как способ типизации и построения образа — доминанта поэмы на всех ее уровнях: словесном, предметно-образном, сюжетном, психологическом. Для создания многоплановых гротескных образов, кроме пространственной трансформации Тувим использует прежде всего различные виды деформирующей метафоры и объективации понятий, служащие отождествлению живого и неживого, человеческого и животного.

Повествуя о 1918 г., поэт с издевкой пишет, о том, как «под руку с правдой» на улицу вышел сон, о том, как народ усиленно благодарит «слово Бог» за дарованное «слово воля» и молит его о даровании «слова сила» и других «упойтельных синонимов». Мифы и призраки теснятся в воздухе, «как сельди в бочке», а снежные перья белого польского орла уже заляпаны чернилами адептов «исторической миссии»: роняя «дикие кляксы» на страницы будущего, санационные герои выдирают из словарей «липкие ленты эпитетов», чтобы на эту мушиную липучку поймать хоть какую-нибудь заваливающую «великую идею».

И вот национальная идиллия осуществилась, все теперь — свое, все не хуже, чем у других. Купоны сосут золотой сок из акции-матери; банки и фирмы, находящиеся в кровном родстве, живут согласно воровскому праву — «в вечном инцесте», плодя все новые банки и фирмы. Их владельцы, как рыба икру, мечут кучки золота в своих домах, где среди роскошных «меблиозавров» обитает квартирная нечисть — духи предков-миллионеров. Буржуа «защиты в тишину как в войлок», скрыты в лабиринтах комнат, в «разветвленном пространстве», где на всем камнем лежит траурная «глухонемая скука».

Гротеск соотнесен внутри образной системы произведения с художественным правдоподобием фрагментов, изображающих жизнь «в формах самой жизни». Гротескная доминанта поэмы не подминает ее лирико-патетических фрагментов. Тувим использует все возможности прямого высказывания для выражения положительной программы. Так, немало страниц поэмы посвящено детям, с мотивом детства связано все светлое, радостное, рождающее надежду. Открыто выражена и ненависть к тем, кто уничтожил детство многих поколений, не дав ему осуществиться, задавив террором, нищетой и идеологическим оболваниванием.

Во фрагменте, получившем в годы войны известность под названием «Молитва», герой поэмы от имени всех простых людей просит творца об общем доме — «пусть бедном, но чистом», где бы «деньга деньгой не прорастала», а плоды труда доставались всем, но прежде всего — о том, чтобы в слова, искаженные ложью, вернулась истина, о том, чтобы между людьми не встал «зловещий призрак — Молчанье». В ситуации, когда коварный «стоглавый зверь Подозрения» притворяется верным псом, а человек, сам того не подозревая, становится другом своему врагу, Тувим остро чувствовал угрозу энтропии ценностей, подмены понятий. Утрата критериев справедливости, смешение добра и зла в сознании человека — самый тяжелый урон, нанесенный цивилизации событиями тех лет, — считает Тувим. В его записной книжке есть строки: «Война с милосердием — самый страшный грех фашизма» [6, s. 569]; в борьбе с нацизмом он видел «войну не за права народов, а за права человека» [6, s. 568], будучи убежден, что решающую роль в ней должна сыграть сила нравственного сопротивления.

В финале поэмы — как итог — возникает образ «электромонтеров добра». Людям, пережившим войну и выстоявшим в борьбе с явным врагом, предстоит схватка с врагом неявным, тонкая и сложная будничная работа: надо собрать рассеянные повсюду «скрытые лучи доброты» в единый пучок энергии и пустить их по проводам — в каждый дом. «Проведите себе в квартиры Милосердие, как электричество», — призывает поэт современников.

Надежда есть всегда, даже в худшие из времен. *Contra spem spero*, надеюсь вопреки надежде — эта парадоксальная формула стоической философии выражает сущность тувимовской позиции. Мужество, драматический оптимизм объединяют Тувима с крупнейшими художниками-антифашистами — Б. Брехтом, П. Элюаром, П. Нерудой. Польский поэт так же, как и они, осознавал необходимость борьбы «здесь и сейчас», неизбежность коренных перемен в послевоенном мире. «Смерть забывается, жизнь остается», — строка В. Броневского лаконично формулирует мысль, ставшую основной для обоих поэтов, как и для многих других, переживших те годы.

Противопоставив гротескному миру зла «обыкновенное чудо» человеческого братства, солидарности, сострадания, Тувим находил спасение в неприукрашенном знании, в чистой вере в достоинство человека. «Мы вернемся», — этими словами он завершил поэму «Цветы Польши». Путь «между памятью и надеждой» закономерно привел его в новую Польшу, освобожденную от фашизма простыми людьми — теми, ради кого он писал всегда, кому посвятил и труд последних лет жизни. Стремление к целостному осмыслению картины мира определило облик послевоенной поэзии Тувима. Произведения конца 40-х — начала 50-х годов — свидетельство освоения иной социальной ситуации, формирования новой поэтики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Polska: Księga encyklopedyczna. Kraków, s. a.
2. *Topornicki K.* [T. Gajcy]. Już nie potrzebujemy. — Kuźnia, 1943, № 1.
3. *Parandowski J.* Podróże literackie. — Wrocław, 1968.
4. *Witkiewicz S. I.* Nowe formy w malarstwie i inne pisma estetyczne. Warszawa, 1959.
5. *Różewicz T.* Przygotowanie do wieczoru autorskiego. Warszawa, 1977.
6. *Tuwim J.* Dzieła. T. 3. Warszawa, 1956.
7. *Łomiej A.* [A. Trzebiński]. To czas się wstrzymał i odwrócił lica. — Sztuka i naród, 1942, № 1.
8. *Marzec J.* [W. Bojarski]. «Twórczość» emigracyjna. — Sztuka i naród, 1943, № 8.
9. *Sandauer A.* Poeci trzech pokoleń. Warszawa, 1973.
10. *Broniewski W.* Przedmowa. — In: *Tuwim J.* Wiosny i jesienie. Warszawa, 1955.
11. *Tuwim J.* Listy do przyjaciół pisarzy. — Warszawa, 1979.
12. *Krzyżanowski J.* Dzieje literatury polskiej od początków do czasów najnowszych. Warszawa, 1972.
13. *Wyka K.* Rzecz wyobraźni. Warszawa, 1977.
14. *Głowiński M.* Poetyka Juliana Tuwima a polska tradycja literacka. Warszawa, 1962.
15. *Пиотровская А. Г.* «Цветы Польши» Юлиана Тувима. — В кн.: Поэзия социализма. М., 1969.

ЛЮДВИК КОЛ И ЧЕШСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Творчество Людвика Кола (1746—1821), художника, педагога, активно участвовавшего в культурной жизни Чехии, ярко отразило эпоху Просвещения — одного из интересных и значительных этапов развития национальной чешской культуры. Л. Кол оставил след не только в отечественной живописи, где его влияние ощущалось в течение всего XIX в., но и во всей культуре эпохи чешского национального возрождения.

Начало творческой деятельности Кола приходится на 70-е годы XVIII в. — тот рубеж в истории чешской культуры, который открывает новый ее этап, обладавший идеологическим и эстетическим своеобразием. Просветительское движение в Чешских землях, входивших в состав Австрийской монархии, носило довольно умеренный характер. Оно выражалось в становлении нового философского мировоззрения, художественного мышления, росте естественно-научных знаний, создании научных и художественных центров, учебных заведений. Преодоление старых феодальных порядков и традиций, освобождение от церковного догматизма проявляется во всех сферах науки, философии, религии, образования, художественной культуры.

В эпоху Просвещения произошел перелом в развитии чешского изобразительного искусства, лишившегося щедрого покровителя — церкви, монастырей, потерявших в результате осуществления йозефинских реформ значительную часть своих богатств и в немалой степени утративших свое экономическое и политическое влияние. Экономическая слабость дворянства и буржуазии, не занявшей еще ведущего места в культурной жизни страны, также были причиной некоторого спада в этой области художественной культуры в конце XVIII в.

Для чешской живописи творчество Л. Кола, одного из немногочисленных отечественных живописцев рубежа веков, представляет несомненную ценность не только из-за своеобразия таланта художника, но и потому, что он был активным участником общественно-культурной жизни страны в эпоху Просвещения.

Творчество Кола и в стилевом плане пришлось на сложный период развития отечественного искусства. Период барокко, чрезвычайно выразительный в Чешских землях, сменяет период характеризующийся «совмещением» стилей [1, с. 171—183]. Барокко и просветительский реализм, барокко и классицизм переплетаются здесь на протяжении всего XVIII в. Во многих произведениях этого периода барокко и классицизм разграничиваются с большим трудом, иногда они неразрывно связаны, соседствуя нередко не только в творчестве одного художника, но и в одном произведении и составляя вполне органичный сплав. Классицизм, опирающийся на античность в своей стилистике и эстетике, проникает в Чешские земли в середине XVIII в., но лишь в 80-е годы утверждается как ведущее направление, впоследствии довольно быстро уступая место тенденциям романтизма и сентиментализма. Творчество Л. Кола закономерно для про-

цессов, переживаемых отечественным искусством на рубеже XVIII—XIX вв. Оставаясь художником барокко в своих композициях на библейско-мифологические темы, оно выступает как классицист в живописной иконографии чешской истории и как пейзажист-романтик на заключительном этапе своего творчества.

Ян Йозеф Людвик Кол (Kohl) — внук и правнук чешских скульпторов, окончил одно из лучших в то время пражских учебных заведений — пиарскую гимназию, где большое значение придавалось изучению естественных наук. Директором гимназии в те годы был известный чешский просветитель Г. Добнер — провозвестник новой эпохи отечественной истории, первый чешский историограф нового времени. Одновременно Кол усваивает азбуку художественных форм и изучает анатомию в мастерской Н. Грунда — популярного чешского художника, в творческой манере которого слились барочные традиции и новые классицистические тенденции.

В 1766 г. Л. Кол поступает в венскую Академию художеств. Знакомство с художественной жизнью крупного европейского культурного центра того времени, картинные галереи аристократов, венские библиотеки, работа под руководством дяди — придворного венского архитектора Ф. Кола — все это оказало несомненное воздействие на художника, в творчестве которого шел процесс закрепления национальной самобытности и органического освоения европейских традиций.

Важной составной частью художественной деятельности Людвика Кола несомненно является его долголетняя преподавательская работа в пражской Нормальной школе — с момента основания школы (1775) вплоть до последних лет жизни художника. Организованная по типу венской Нормальной школы, она, по замыслу Марии-Терезии, должна была стать образцом для учебных заведений в Чешских землях. В нее посылались чешские учителя для практического ознакомления с новой учебной методикой, вводившейся в эти годы во всей империи. Перед школой была поставлена задача воспитания «полезных государству подданных», а к числу «полезных» знаний были отнесены математика, черчение и рисование. Известна активная позиция Л. Кола по вопросу о повсеместном введении в школах уроков черчения, обособываемого — в духе эпохи — необходимою подготовкой молодежи к работе на возникающих мануфактурах.

Деятельность Кола — художника и педагога была органична для такого центра, как Прага, где просветительская наука достигла значительных успехов в области математики и физики (Й. Штеплинг, Я. Тесанек, А. Стнад, Фр. Герстнер); где предпосылкой педагогической деятельности и художественного творчества являлось глубокое общее образование, в том числе хорошее знакомство с техническими дисциплинами; где уже полвека существовала Сословная инженерная школа. Сохранились многочисленные картоны, учебные таблицы, листы с изображением оптических приборов, примеров из области механики и пр., выполненных Колом для школы. Большой интерес с художественной и познавательной точек зрения представляет собой его коллекция по зоологии, датированная началом XIX в., в частности, рисунки животных — крокодила, бегемота, кита, носорога. Л. Кол воссоздает и этнографические моменты, декоративные подробности, стремится верно передать окружающую среду, обращает основное внимание на познавательную сторону, хотя и не упускает элемент занимательности.

В духе просветительской программы Кол основывает в конце 70-х годов вечерние курсы рисунка по модели, а с 1783 г. ведет бесплатные воскресные курсы живописи. Не ограничиваясь занятиями в ателье, он выезжает со своими учениками на природу, в окрестности Праги. Помимо живописных работ его ученики (курсы были рассчитаны преимущественно на пражских ремесленников — столяров, каменщиков и др.) выполняют топографические замеры, снимают планы местности.

В 80—90-х годах XVIII в., когда, согласно указам Иосифа II, были распущены все цеховые организации художников, воскресные курсы Кола представляли собой до основания пражской Академии художеств

единственную официальную художественную институцию в стране. Здесь получили художественную подготовку около 7 000 чешских мастеров [2], ставших впоследствии известными художниками и скульпторами, в значительной мере определившими пути развития чешского искусства в первой половине XIX в. — А. Махек, Й. Малинский, А. Пухерна, братья Грегори, Горчичка и др.

Обычаю изображать ателле художников Кол отдал дань картиной, стоящей несколько особняком в его живописном творчестве — «Вид ателле художника» (1799). Он изобразил здесь себя с палитрой в руке, своих учеников, ту обстановку, в которой провел почти пятьдесят лет жизни. Документальное правдоподобие делает картину особенно интересной. Это своего рода психологический автопортрет художника.

Ярко характеризует Кола-просветителя его участие в «Патриотическом обществе друзей искусства», начало деятельности которого (1796) знаменовало собой новый этап в организации всей художественной жизни страны. В конце XVIII в. Общество развернуло большую работу по охране памятников культуры в Чехии. Согласно указу Иосифа II о ликвидации монастырей и монашеских орденов (1781) было разрушено около половины всех монастырей на территории Чешских земель. Их имущество было конфисковано и передано в так называемый церковный фонд, предназначенный для финансирования светского церковного управления, расширяемого и реорганизованного. Здания многих монастырей были отданы под жилые дома, официальные учреждения, казармы [3]. При этом нередко наносился огромный ущерб культурным ценностям — с аукционов распродавались старые книги и рукописи, картины и предметы церковной утвари. Разрушение художественных ценностей вызывало закономерное беспокойство чешских просветителей.

В первом уставе «Патриотического общества друзей искусства», принятом в 1800 г. и оставшемся в силе вплоть до 1856 г., в качестве одной из главнейших обязанностей его членов предусматривалось «предотвращать дальнейшую гибель картин и других произведений искусства, осуществлять надзор за продажей и вывозом их из страны, а также предоставлять произведения искусства в качестве моделей для воспроизведения начинающим художникам и любителям» [4, s. 214]. Обществом была основана художественная галерея, призванная в духе просветительских идей «с помощью искусства воспитывать вкус чешской публики». Лишь за первые четыре года с момента открытия галереи в нее было передано более 800 картин, прежде всего из собраний чешских аристократов. Вплоть до начала 30-х годов XIX в. картины не переходили в собственность галереи, а передавались на хранение и реставрацию.

Социальную базу Общества составляла патриотически настроенная группа чешской аристократии — А. Коловрат Новоградский, Фр. Штернберк, Фр. Тун. Важную роль в деятельности Общества играла, однако, категория так называемых «избираемых членов» — тех, кто «мог бы оказать полезным Обществу своими специальными знаниями в области искусства» [4, s. 215]. Речь шла о группе экспертов, в основном из рядов пражской интеллигенции. В их числе с первых лет деятельности Общества были художники — Л. Кол, Я. Кв. Ян и др. Именно благодаря их содействию «Патриотическое общество друзей искусства» могло стать своего рода центром профессионального изучения и оценки произведений живописи и архитектуры, сыграв также важную роль в деле охраны памятников чешской культуры.

Просветительский характер общественно-педагогической деятельности Л. Кола был присущ его художественному творчеству. Он пробует силы почти во всех жанрах — пишет пейзажи, портреты, исторические композиции, много и плодотворно работает в жанре архитектурного пейзажа. Первые его картины на религиозные и мифологические сюжеты относятся к периоду учебы Кола в Венской академии. После возвращения в Прагу (1770) художник продолжает работать в этом жанре, выполняя заказы монастырей и храмов (два алтарных образа для храма Рождества Богородицы в Доксанах: «Муки св. Вавржинца» и «Сон св. Иосифа»;

«Св. Барбора» для малостранского храма св. Микулаша). И композиция, и цветовая гамма этих картин свидетельствует о явной зависимости художника от барочной традиции.

Большая самостоятельность и большее влияние нового художественно-эстетического видения мира, обусловленного просветительскими идеями, заметны в творчестве Кола-портретиста. В эпоху Просвещения портрет — высоко ценимый жанр. Портреты пишут по вдохновению и на заказ, их коллекционируют. Во многом это связано с интересом к человеку как таковому, к утверждающей себя в это время личности. Из портретов Кола, связанных, как правило, с кругом семьи и средой художников-просветителей, выделяется его автопортрет (недатированный). Энергичная посадка головы, обрамленной седыми волосами, сосредоточенное, несколько суровое выражение лица придают изображению большую жизненность. Создается представление об опытном, умном человеке, в лице которого видна большая внутренняя воля и энергия. Портреты жены и дочери художника (ок. 1810) — репрезентативные портреты, типичные для европейского искусства того времени, однако, они не лишены психологичности, выразительности. Характер модели выявляется здесь и в переданных художником чертах лица, и в позе [5]. В портретах живописцев — современников Кола (Й. Зайтца, 1803 и Ант. Герцингера, 1811) зримо проступает новое понимание человека — деятеля искусства эпохи Просвещения, его общественной позиции. Этим портретам присуща точность, верность оригиналу.

Важным рубежом в творчестве Л. Кола и этапным в развитии чешского изобразительного искусства периода национального возрождения стало создание цикла из 12 гравюр «История Чехии в картинах» (1788—1789). Эти картины стоят у истоков чешской исторической живописи, превратившейся в первой половине XIX в. в самостоятельный жанр национального изобразительного искусства. На исторический цикл Кола опираются позднейшие чешские художники, в первую очередь, А. Махек («Чешская история в картинах», 1822).

Историческая тематика в творчестве Л. Кола 80—90-х годов XVIII в. была обусловлена, с одной стороны, его педагогической деятельностью (среди школьных коллекций Кола были картоны по истории и природе Чехии), с другой — активным процессом формирования исторического сознания, заставлявшим деятелей отечественной культуры искать параллели для современности в значительных событиях прошлого.

Работа над большим задуманным циклом велась Л. Колом с конца 70-х годов, выполнена была лишь вводная часть, тематически связанная с периодом Тридцатилетней войны. Над остальными сюжетами он работал в течение последующих 25 лет, оставив множество эскизов картин. Его интересовали ключевые моменты отечественной истории — сопротивление врагам, приход нового правителя, например: «Пршемысл и Либуше основывают Прагу», «Смерть св. Вацлава», «Основание храма в Левом Градце кн. Борживоем», «Владислав передает корону Пршемыслу I» и др. В цикле прослеживаются идейно-содержательные черты, в полной мере выразившиеся в классицистическую эпоху — героическое начало, принцип государственности, идеи разума, справедливости, пафос гражданственности. Графическому циклу предшествовали черно-белые рисунки, позволяющие — при сопоставлении с гравюрами — говорить об эволюции художника.

Небезынтересно отметить, что ряд произведений цикла «Чешская история в картинах» напоминает типичные театральные мизансцены: картины «Смерть св. Вацлава» (1788), «Основание костела на Левом Градце кн. Борживоем» (1788), «Смерть кн. Бржетислава» (1789) и некоторые другие ассоциируются с «оригинальными патристическими пьесами из чешской истории» драматургов-просветителей В. Тама, А. И. Зимы, М. Штвана, М. Майбера, составлявшими в 80—90-е годы репертуар первых пражских сцен «Боуда» и «У Гиберну». Классическое спокойствие фигур, оживляемое мягкими театральными жестами, изображение замков и храмов в духе театральных декораций того времени, применение принципа сценического

пространства в композиции этих картин — все это позволяет говорить не только об общем стиле искусства Просвещения, но и о влиянии театра на живопись того времени. Не случайно В. Волавка сравнивает творческую манеру Л. Кола и Йоз. Платцера — художника, много и плодотворно работавшего для чешского театра [6].

Чехословацкие исследователи считают цикл Кола «История Чехии в картинах» важным шагом на пути к созданию чешской исторической живописи [7]. Этот первый, просветительский этап, противопоставивший превознесению античной гражданственности популяризацию отечественной истории, наряду с рисунками и гравюрами Л. Кола включает графические работы Й. Берглера. Непосредственным продолжением исторических исканий в творчестве Л. Кола стал уже упоминавшийся цикл картин А. Махека с его романтическими поисками национального типа и исторические полотна Йоз. Манеса. Эта линия творчества художников национального возрождения была продолжена «поколением Национального театра» и его преемниками — художниками XX в., в том числе А. Мухой («Славянская эпопея», 1910—1928).

Просветительской по замыслу и исполнению стала и вторая серия гравюр Л. Кола — «Вид на правый и левый пражский берег» (1792—1794). Целая группа художников-ведутистов запечатлела в эти годы Прагу — символ Чехии, город, преобразавшийся буквально на глазах современников [8]. Городская тематика, властно проникающая в годы Просвещения в чешскую живопись (сюда относится не только жанровая живопись — сценки на улицах, площадях, в интерьерах городских домов, но и портреты горожан — деятелей художественной жизни этого времени и, безусловно, пражские ведуты), придает новые черты чешскому изобразительному искусству, отразившиеся на его характере, свидетельствует о расширении творческого взгляда художника, обогащения палитры его выразительных средств. Тематика города уже не исчезает из отечественного искусства, напротив, она занимает в нем все большее место, становится важной частью творчества художников национального возрождения. На их наследие опирается, в свою очередь, новое поколение деятелей чешской культуры конца XIX в. В этот период атмосфера Праги, жизнь и настроение города воспеваются в поэзии Й. С. Махара, Ант. Софы, Ст. К. Неймана, в прозе В. Мршттика, В. Дыки. И художники, сгруппировавшиеся в 1887 г. вокруг общества «Манес», активно включают пражские мотивы в свое творчество (Й. В. Минаржик, З. Браунерова, В. Прејссиг, А. Гофбауэр). Наиболее полное раскрытие тема Праги получает в творчестве Ант. Славичка. В его картинах 1902—1907 гг. оживают ее улицы, площади и храмы, аллеи пражских парков — Летны, Стромовки.

Город занимает важное место и в творчестве Л. Кола — пражанина (его семья переселилась в Прагу в середине XVII в.). Виды Праги созданы им в духе богатой и еще живой традиции чешской барочной ведуты рубежа XV—XVI вв. Однако у Кола панорамы уступают место изображению отдельных уголков города. В поле зрения художника-просветителя попадают улицы, площади, набережные Праги, интересные с исторической или культурной точки зрения места — Карлов мост, храм св. Вита, Староместская ратуша. Это точные и документальные зарисовки новой Праги. Ведуты Кола, гравированные Й. Грегором, «Вид на Петршин», «Малая Страна и Градчаны», «Вид на Влтаву», «Вид на Смихов» оживляют образы горожан. Это уже не статичные персонажи, любующиеся Прагой с Петршина или набережной, как обычно на ведутах Фр. и Ф. Гегеровых, Фр. К. Вольфа, К. Постла, А. Пухерны и других современных Кола художников, а люди за работой, чаще всего плотгоны, фигуры динамичные, находящиеся в тесном контакте с природой. Гравюры Кола — важный этап в развитии новой пражской ведуты.

Их значение, однако, и в том, что с ними тесно связано творчество Кола-пейзажиста. В своей пейзажной живописи Л. Кол находится под заметным влиянием наследия позднего барокко, что естественно для художника, родившегося в середине XVIII в. Его пейзажи отличаются драматичностью барокко, резкими контрастами света и цвета («Олений ров

в Праге», 1781; «Пейзаж с развалинами», 1783). В середине 90-х годов и в сюжете, и в исполнении отмечается нарастание романтических элементов. Подтверждением этой тенденции стали картины «Валуны в лесу» (1790), «Скалистый пейзаж с водопадом» (1792), «Вид на Мельник» (1788). В них ясно звучит элегическая, сентиментальная нота, характерная и для литературы этого времени.

В последнее двадцатилетие в творчестве художника доминирует архитектурный пейзаж. В эти годы значительно обогащается художественный язык Кола, в чем, без сомнения, сказалось его увлечение античным искусством. Все европейское искусство XVIII в. развивается под знаком античности. Античность становится одной из важных для чешской духовной культуры тем. В Чешских землях получают известность «История античного искусства» И.-И. Ванкельмана (1764), «Афинские древности» Дж. Стюарта и Н. Реветта. Чешские художники, скульпторы, архитекторы стремятся следовать греческим и римским образцам. Влияние античности проявляется не только в изобразительном искусстве, но и в парковой архитектуре. В это время создается английский природный парк, дополняемый античными храмами, гротами, обелисками и т. д. Первые такие парки, украшенные псевдоготическими и псевдоантичными постройками, появляются в Праге [9].

Следуя взглядам начала эпохи классицизма, Л. Кол утверждал совершенство античного искусства, его непреходящую ценность. Большинство картин Кола на античные сюжеты — это картины и рисунки интерьеров храмов: «Античная сцена в храме», «Перед античным храмом», «Интерьер античного храма» (1810—1820-е годы) и др. Интерес, проявляемый Л. Колом в эти же годы к египетскому искусству («Египетский храм», 1815; «Египетский храм со стаффажем», 1814), свидетельствовал об увлечении художника монументальной архитектурой [10].

Оживление готической традиции в начале XIX в. во многих областях чешского искусства, в том числе в архитектуре, живописи, сценографии (декорации Йоз. Платцера для театра в Литомишле), обусловило пристальный интерес деятелей отечественного искусства к пражскому храму св. Вита — монументальному памятнику чешской готики. Возрастает число проектов его завершения; их реализация становится вопросом национального престижа. Активно включается в это движение и Л. Кол. Почти четверть века посвящает он выполнению проекта всей своей жизни — изображению внутреннего и внешнего вида храма. Наиболее интересные картины этого цикла: «Интерьер храма св. Вита», «Храм св. Вита в Праге», «Храм св. Вита» относятся к первым двум десятилетиям XIX в., однако, обращается художник к этой теме намного раньше. Изображение храма встречается в его рисунках 80-х годов XVIII в., а также в цикле «История Чехии в картинах» как величественный фон исторических событий. Множество моделей, знакомство со строительными планами [11] свидетельствуют о тщательной подготовке Л. Кола к проекту достройки храма («Храм св. Вита» и «Проект достройки храма св. Вита», 1814). Цикл картин, посвященных храму св. Вита в Праге, убедительно подтверждает интерес художника к чешскому прошлому, одновременно это дальнейшее свидетельство тесной связи творчества и деятельности Кола с художественной жизнью своего времени.

В последние годы жизни художник вновь обращается к пейзажной живописи. Если первые пейзажи Кола 80—90-х годов нередко представляли собой образец пейзажного классического академизма, то многочисленные картины 20-х годов XIX в., изображающие руины, развалины монастырей, зримо подтверждают связь его творчества с европейским романтизмом. В картинах Кола-просветителя можно найти элементы романтического видения мира — эффекты таинственного ночного света, диалог с природой, бегство из будней в отдаленные — по времени и пространству — места, воспевание памятников отечественной истории. Однако Людвик Кол перенимает лишь некоторые внешние признаки стиля, оставаясь в положении талантливого подражателя, отражавшего в своих картинах последних лет жизни, период между классицизмом и романтизмом.

Наследие, оставленное Л. Колом, представляет собой интересную главу в истории чешского искусства конца XVIII — начала XIX в. — периода, когда складывались художественные предпосылки в развитии чешской культуры XIX в. Его произведения воплощают дух страны и отражают время, в его педагогической и общественной деятельности с достаточной полнотой выразились идеи чешского Просвещения.

Творчество Людвика Кола важно и своей многогранностью и тем влиянием, которое оно оказало на дальнейшее развитие чешской живописи и на художественную жизнь страны на следующем этапе национального возрождения, когда перед новым поколением деятелей отечественного искусства открылись несравненно большие художественные возможности, когда все искусство в целом как бы поднялось на новую ступень.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мьяльникова А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977.
2. *Kachynka R.* Malíř Ludvík Kohl. — Topičův sborník, IX. Praha, 1921—1922, s. 75.
3. *Kočí J.* České národní obrození. Praha, 1978, s. 134.
4. *Hojda Z.* Společnost vlasteneckých přátel umění a počátky památkové péče v Cechách. — In: Historické vědomí v českém umění 19. století. Praha, 1981.
5. *Liška A.* Kohlovy rodinné portréty v Muzeu hl. m. Prahy. — Umění, 1954, č. 1, s. 55.
6. *Volavka V.* České malířství a sochařství 19. století. Praha, 1968, s. 16.
7. *Petrová E.* Vývojové tendence historické malby v počátcích obrození. — Umění, č. 5, 1959, s. 366—402.
8. *Hlavsa V.* Tvář a život města Prahy 1650—1850. — In: Pražský sborník historický, 1975, s. 19.
9. *Pospišilová M.* Historizující zámecký interiér 19. století v Cechách. — Umění, č. 4; 1979, s. 298.
10. *Pánková M.* Egyptské intermezzo 1809—1816. — Městské muzeum, 1971, č. 1, s. 14—15.
11. *Kachynka R.* Malíř Ludvík Kohl jako zobrazovatel chrámu sv. Víta v Praze. — Památky archeologické, 1916, s. 211—212.

САВЕЛЬЕВА Л. В.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРЕЦИЗМОВ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ (вопрос о генезисе монологативных конструкций)

Вопросы греческого влияния на грамматический строй древнеславянского литературно-письменного языка¹, функционировавшего в условиях двуязычия и без прямых контактов с живой речью, представляют собой одну из центральных проблем палеославистики. Исследование границ и форм этого влияния продолжает оставаться актуальным, в частности, для истории синтаксического строя отдельных славянских языков и реконструкции праславянской синтаксической системы [1—4].

Одним из остродискуссионных вопросов общей проблемы выделения синтаксических грецизмов является генезис древнеславянских негативных конструкций без отрицания при сказуемом (так называемых монологативных построений), коррелирующих с конструкциями, имеющими приглагольное отрицание (то есть полинегативными). В дальнейшей истории отдельных славянских языков монологативные структуры, как правило, вышли из употребления. О происхождении славянской монологативности существуют два противоположных мнения. Одно из них, высказанное в работах Ф. И. Буслаева [5], А. Вайана [6] и некоторых других исследователей, возводит монологативные обороты к греческому источнику и признает исконность только полинегативного типа. Сторонники противоположной концепции Л. М. Зенчик [7], В. И. Борковский [8; 9, с. 252—255] В. Н. Зенчук [10; 11] и другие настаивают на автохтонном происхождении обоих типов славянского отрицания. Как исходная синтаксическая структура славянской негации рассматривается монологативность в работах В. Матеиуса и Е. Кржижковой, посвященных истории конструкций с приглагольным отрицанием [12; 13]. В русистике вслед за В. И. Борковским установилась традиция доказывать самобытный характер монологативных построений путем ссылок на их бытование в некоторых русских говорах (см., например, [14; 15]), хотя их диалектное отражение в целом носит весьма ограниченный и непоследовательный характер.

В настоящее время вопрос о генезисе славянской монологативности остается открытым: не только датский ученый Кнуд Йордаль, но и автор наиболее авторитетного отечественного учебника по исторической грамматике русского языка В. В. Иванов по-прежнему склонны объяснять рассматриваемые конструкции воздействием синтаксического строя греческого языка на церковнославянский, через посредство которого они были занесены, в частности, в древнерусский язык [4, с. 144; 16]. Реальной основой такой концепции является несомненный факт древнеславянской письменности — широкое употребление монологативных конструкций именно в переведен-

¹ В дискуссионном вопросе определения первого письменного языка южных и восточных славян мы придерживаемся концепции Н. И. Толстого, поддержанной М. М. Копыленко, Н. А. Мещерским и многими другими исследователями.

ных с греческого языка текстах [17; 18]. По всей видимости, проблема структурно-имманентного или заимствованного происхождения славянской монологии может быть решена только путем сопоставительно-исторических синтаксических исследований. В методическом отношении нам представляются особенно важными следующие принципы: 1) установление и учет внутрисистемных отношений переводящего языка в данном фрагменте синтаксической системы; 2) тщательный учет соотношения грамматических структур переводимого и переводящего языков; 3) разграничение синтаксических калек и типологически сходных явлений в контексте исторических тенденций синтаксического строя переводящего языка².

В качестве материала исследования нами привлечены следующие памятники древнеславянского языка, изданные вместе с греческими источниками: «Изборник» Святослава 1076 года (далее: Изб.), перевод которого пока еще точно не локализован [20]; «Златоструй» XI века из собрания А. Ф. Бычкова (далее: Зл. Б.; переведен в Болгарии, восточнославянский извод), представляющий собой отрывок из Слова Иоанна Златоуста, и полный текст этого же Слова по сербскому списку XIII века (далее: И. Зл.) — оба памятника привлечены по болгарскому изданию [21]; «Пчела» по Пергаменному списку, восточнославянский перевод которой датируется XII веком (далее: Пч.) [22]; «Житие Нифонта» — памятник древнеболгарского извода в русской редакции по списку 1219 года, сделанному в Ростове Великом (далее: Ниф.) по изданию А. В. Рыстенко [23]; основная, переводная часть Успенского сборника XII—XIII веков, написанного на Руси (далее: Усп. сб.) [24]. Выбор источников обусловлен не только их недостаточной изученностью, но и большей свободой, независимостью славянских переводчиков в отношении агиографических и гомилетических текстов, что признается ведущими исследователями.

В результате сплошной выборки нами было извлечено 824 древнеславянские конструкции моно- и полинегативного типа, из которых 421 оказалась сопоставима с греческим оригиналом. Внутряязыковой анализ извлеченных негативных построений позволяет говорить об очень последовательной корреляции моно- и полинегативных типов в древнеславянском языке, которую можно интерпретировать как взаимозависимость моделей моно- и полинегации. При сопоставлении данных двух типов негативных конструкций — с одной стороны, и всех остальных общеотрицательных построений — с другой, выявляется общая грамматическая семантика моно- и полинегативных предложений, маркирующая негацию значением абсолютного отрицания. В связи с этим в синтаксической системе средств выражения отрицания мы выделяем более частную систему (или подсистему) абсолютной негации.

В зависимости от способов выражения грамматического значения абсолютного отрицания в древнеславянском языке функционировало пять пар коррелятивных моделей, объединявшихся в два парадигматических ряда — моно- и полинегативный.

Модель I — отрицательные местоименные слова с агглютинацией *ни-*, имеющие значение обобщенно-отрицательного компонента:

<i>никъто же мене видить</i> (Изб., 172 об.);	<i>никто же ти не бранить</i> (Изб., 98);
<i>оче ни на что же зло въпрашаимъ тебе</i> (Ниф., 103);	<i>и ничесоже зъла не издрече</i> (Зл. Б., Пв);
<i>и оусты своими никакоже са мене отвърже</i> (Ниф., 58);	<i>и огражениа никакоже не имѣа въ оустѣхъ своихъ</i> (Ниф., 103);
<i>никала же сытость цѣломоудрие имѣють</i> (Пч., 80)	<i>кою же не имоуще</i> (Пч., 113)

Модель II — ряд негируемых однородных членов с отрицательным союзом *ни*, выступающий как расчлененный обобщенно-отрицательный компонент:

² Данный принцип исследования, на наш взгляд, более других должен преодолеть скептическое отношение к любым выводам относительно синтаксической кальки, которое было высказано Е. М. Верещагиным [19, с. 170].

ни хлѣба ни воды до сыти приима-
ше (Усп. сб., 131б); ꙗкоко ни въ дне
ни въ нощи разлоучають са пр(с)таи
бца мры от рода кр(с)тъаньска
(Ниф., 70).

ни хлѣба ни воды многы дни не
насытихомъ са (Усп. сб., 291в);
богательства ни оубожьства не дажь
ми ги (Пч., 45 об).

Модель III — отрицательно-усилительная частица *ни*, выделяющая числительное *ѣдинъ* в субстантивной или атрибутивной функциях:

да бы ни *ѣдинъ* от стада его от-
лоучилса (Усп. сб., 50б); ни
ѣдиногo блага створше (Ниф., 162)

ѣго же въ напасть ни *ѣдинъ* же
члкъ прѣтърпѣти не можаше (Усп.
сб., 129а); иже ни *ѣдиногo* зъла
не приа (Усп. сб., 161б).

Модель IV — отрицательно-усилительная частица *ни*, которая маркирует отрицание экспрессивным сужением объема негируемого понятия:

ни *рахиль* плачущи чадь своихъ
сице въстена (Усп. сб., 189а); оба-
че ни *симъ* бы(с) милостивъ сверѣ-
пыи (о)нь (Зл. Б., Па)

ни всего мира *богательство* събъ-
рано не достойно ѣсть цѣны ѣта
(Изб., 18 об.); ни *множьствѣмъ*
жъртвъ не отъпоуститъ са грѣхъ
(Изб., 142 об)

Модель V — отрицательно-присоединительный союз *ни* в составе синтагматически зависимой единицы на стыке отрицательных предикативных единиц:

ѣго же око не видѣ ни оухо слы-
ша (Изб., 120); аще никтоже не
обидитъ ни обидимъ бываетъ
(Усп. сб., 109а).

ѣго же ... ни оухо слыша ни на
срдце члвкоу переже прихода хва
не въidou (Изб., 120); аще ты еси
не вѣрнь ни сквърньныи тебе не
врѣдитъ (Изб., 259об)

Если коррелятивные полинегативные модели имели относительно свободный порядок основных строевых элементов — сказуемого и формального выразителя абсолютной негации, то в мононегативных моделях их порядок был фиксирован. Другими словами, при выражении значения абсолютного отрицания в древнеславянском языке существовала фактически тройная конкуренция: мононегация с постпозицией сказуемого, полинегация с препозитивным отрицательным членом и полинегация с постпозитивным отрицательным членом. При этом все три способа выражения были достаточно развиты (в нашем материале — 53%, 29%, 18%).

Таким образом, анализируемые памятники переводной древнеславянской письменности обнаруживают выдержанную систему корреляции моно- и полинегативных структур при выражении абсолютного характера отрицательной модальности высказывания. Количество коррелятивных структурных моделей всецело определялось семантическими типами маркированного отрицания, особая категоричность которого достигалась обобщением (отрицанием через «великое») или преуменьшением (отрицанием через «малое», единичное). Именно маркированность отрицания (и связанная с нею изначальная экспрессивность) обуславливала факультативность отрицательной частицы *не* при предикативном центре, т. е. два типа отрицательных построений — моно- и полинегативный.

Древнеславянская система маркированного отрицания обладала большими функционально-стилистическими потенциями. В рассмотренных переводных текстах функциональные различия двух типов негации проявились весьма слабо (наиболее отчетливо — в Изборнике 1076 года; см. [17, с. 154—156]), однако их стилистическая оппозиция имела место в художественно-повествовательной литературе этого времени и развивалась в дальнейшей истории древнеславянских литературных языков.

Поскольку практика переводов основывалась на греко-славянских соответствиях как исходной базе «двуязычной коммуникации», следует охарактеризовать основное типологическое сходство и различие систем

выражения отрицания в контактировавших при переводе языках. Черты сходства греческой синтаксической системы с древнеславянской вытекают из типологической близости этих индоевропейских языков; среди них для нас в данном случае особенно важны следующие: 1) относительно свободный порядок слов и возможность наделения его коммуникативными функциями [25, с. 353; 26, S. 590—599]; 2) широкий функциональный спектр материальных выразителей отрицания *οὐ* и *μή*, выполняющих, подобно славянскому *ни*, функции морфемы, частицы, а также повторяющегося или одиночного союза; 3) изоморфизм всех структурных моделей монологического типа, в том числе и синтагматически зависимых («подхватывающее отрицание», с союзами *οὔτε, μήτε, οὔδε, μήδε*); 4) изоморфизм некоторых полинегативных структур (модель I, частично II), ограниченный препозицией сказуемого; 5) возможно так называемого кумулятивного отрицания — употребление нескольких обобщенно-отрицательных членов без изменения общего негативного смысла предложения.

В качестве основных отличий греческой системы негации от славянской назовем следующие: 1) наличие двух отрицаний: *οὐ* (его обычно называют объективным отрицанием, или отрицанием факта) и *μή* (его называют субъективным отрицанием, или отрицанием возможности) — со сложной дистрибуцией, зависящей от объективной модальности, сочетаемости с некоторыми глагольными формами и некоторыми семантическими группами глаголов; 2) так называемое «нагнетение отрицаний», т. е. совместное употребление *οὐ μή* в семантико-грамматических целях [27]; 3) большая свобода в расположении греческой отрицательной частицы по отношению к глаголу (возможна позиция дистантная, а также позиция после глагола).

Конкретный анализ греко-славянских параллелей позволяет выделить два основных способа передачи инвариантного синтаксического значения негативных структур — соответствие и трансформацию. В первом случае имеет место выделяемый Е. М. Верещагиным пословный принцип перевода греческого текста [19, с. 27]. Наибольшее число соответствий приходится на монологический тип — самый развитый способ выражения абсолютного отрицания в греческом. Как правило, славянские переводчики повторяют ту же структурную модель монологического типа: *καὶ οὐδεὶς με ὀρᾷ* — и никто же мене видеть (Изб., 172об); *μηδεμίαν συγγνώμην ἐαιτωμένωων* — ни которого же прощены собѣ подаваѣ (Пч., 33об); *ὥστε οὔδε ὁ οὐρανὸς αὐτῷ ἐστί χωρητὸς οὔτε ἡ γῆ, οὔτε οἱ αἰῶνες τῶν αἰῶνων* — тако же ни небо может ѣго вмѣстити ни земля ни коньци вѣкомъ (Ниф., 68); *οὔδὲ ὁ θάνατος τὸ μῖσος σβέννυσιν* — ни смѣртъ ненависти кѣта оугашаетъ (Пч., 134). Очень последовательно греческий союз *οὔδε* (*μηδε*) передается славянским *ни*, при этом он может быть как повторяющимся, так и неповторяющимся, отрицательно-присоединительного характера. См. варианты монологического модели V, соответствующие греческому источнику: *οὔδὲ ἄροτρον εἶλον* — ни земле орахоу · ни раломъ чрътахоу (И. Зл., 116б); *οὔτε παρὰ νεκροῦ ὀμιλίαν οὔτε παρὰ φιλαργύρου δευχάριν ἐπιζητεῖν* — ни от мртвеца бѣсѣды слышати, ни от сребролюбца блѣгѣти просити (Пч., 43); *μή ἀροτρία ψεῦδος ἐπ' ἀδελφῷ σοι, μηδὲ φίλῳ τὸ ὄμοιον ποίει* — не глѣи на брата неправды ни другоу того сътвори (Изб., 158об).

Совпадение греческой и древнеславянской структурных схем полинегативного типа имеет место только при препозиции сказуемого и отмечается очень редко по сравнению с монологическим типом (20 примеров против 173), однако тоже не ограничивается одной моделью, ср.: *πρὸ τελευτῆς μή μακάριζε μηδένα* — прѣже смѣрти не блажи никого же (Изб., 147об); *καὶ μή πρᾶσσε μηδὲν ἐν ἔργοις ὑβρεως* — не сътвори ничьсо же въ дѣлѣхъ досажденика (Изб., 176об); *οὐκ ὀργίσθη οὔτε εἰς μικρόν, οὔτε εἰς μέγα* — ни разгнѣвахъ сѣни на кого же ни на мала ни на велика (Изб., 109об); *οὐκ εἶμι ἄξιος οὔδε κἄν τὴν σκιάν τῶν ἱματίων τούτων θεάσασθαι* — нѣсмь достоинъ ни на стѣнь свить сихъ зрѣти (Ниф., 64).

Изоморфизм славянского отрицательного оборота отнюдь не исключает такого элемента в переводческой технике, как варьирование моделей монологического типа. Каждая седьмая монологическая структура в нашем материале обнаруживает независимость переводчика в выборе лексемы со значением

абсолютного отрицания. Так, греческую фразу οὐδὲν γὰρ ἐστὶν ἡμῖν τὸ δυνάμενον ἐμποδίσαι, ἐὰν νῆρωμεν (дословно: 'ничто ведь есть нам могущее помешать, если мы рассудительны') переводчик передает так: тако ни єдина єсть сьпона могуцїи намъ запати въ мѣтвѣ (Изб., 233). Отрицательный союз может заменяться при переводе отрицательным местоименным словом: καὶ γὰρ κλέπτῃς ἦν, οὐδὲ οὕτως ἐγένετο βελτίων татъ бо бѣ·никако же бы(с) оунии (И. Зл., 1150б).

В большинстве своем примеры выбора славянскими переводчиками синонимичных мононегативных моделей или их вариантов иллюстрируют расширение функциональной сферы отрицательных местоимений предметного значения *никѣто же, ничѣто же*. Как правило, они представляют собой замены греческих адвербиальных образований обобщенно-отрицательного значения. Ср.: τὸ δὲ σαλοῦ αἰσχροῦ οὐδαμοῦ τιθεῖς — а своѣ срамнаѣ дѣла ничѣто же мниши (Пч., 108); καὶ οὐδεὶς ὑμᾶς οὐδέπω ἀδικῆσαι δυνήσεται — и никтоже васъ никого же въ вѣкы преобидѣти може(т) (Пч., 780б). Та же тенденция отражается и в дополнительных вставках — персональных элементах переводческой техники, выделяемых Е. М. Верещагиным, — которые в этом случае создают кумулятивную мононегацию: οὐδέπω γὰρ τις αὐτὸν εἶδεν — николи же бо єго видѣ никтоже (Ниф., 1570б.); ὅτι οὐδὲ ἐξενεργεῖν τι δυνάμεθα — тако ни изнести ничесоже можемъ (И. Зл., 1096; аналогично 1156).

Значительно более редки случаи предпочтения других мононегативных моделей на месте греческих конструкций с обобщенно-отрицательными местоимениями οὐδεὶς, οὐδεμία, οὐδὲν (или μηδεὶς, μηδεμία, μηδὲν): οὐδὲ γὰρ εἶπον ὅτι οὐδεὶς ἀδικεῖ, ἀλλ' ὅτι οὐδεὶς, ἀδικεῖται — аще никто же не обидитъ ни обидимъ бываеѣт (И. Зл., 109а); εἰς οὐδὲν τοιαῦτα φρονεῖν — нѣ ни въ обоємъ томъ истины мьню (Ниф., 145); μηδέποτε μήτε ἐπὶ δυστυχίᾳ ἀκοῦσίῳ χαλεπήνης τινὶ — ни напасти дѣла невольной гнѣваи са на кого (Пч., 1050б).

В целом, как видим, даже в случае наложения синтаксического образца мононегативного типа варьирование моделей не было чуждо переводческой технике.

Однако для выяснения природы славянской мононегации особенно важны случаи кардинальных преобразований негативных структур, основанные, по Е. М. Верещагину, на пофразовом принципе перевода [19, с. 26]. Различные трансформации негативных типов должны дать материал для выводов относительно славянского языкового узуса XI—XIII вв.

1. Трансформация мононегативного типа в полинегативный. Именно этот вид преобразований, характеризующийся вставкой отрицательной частицы *не* при предикативном центре, составляет наибольшую часть (свыше двух третей) переводческих изменений. Напр.: μηδένα λοιδορήσετε, μηδένα κλέψετε, μηδένα μισήσετε... μηδένα σκανδαλίσετε — никого же не оклеветайте · никого же не окрадѣте · никого же не ненавидите · никого же не съблазните (Изб., 250—2500б); οὐδεὶς παραβλάσαι δύναται — никтоже не может обидѣти (И. Зл., 106а); Θύραν οὐδόλως περιοχῆς ἔχων ἐν τῷ στόματι αὐτοῦ — и огражения никакоже не имѣта въ оустѣхъ своихъ (Ниф., 1030б); ὅπως μηδεὶς ἐξ αὐτῶν ἀπολείται — да никтоже от нихъ не погубнетъ (Ниф., 70). По всей видимости, преобразования такого рода и послужили основой для заключения о неславянском характере мононегативного типа. Однако следует обратить внимание на то, что переводческие вставки отрицательной частицы *не* очень часто связаны с изменением словорасположения: негируемый член с обобщенным значением перемещается в постпозицию по отношению к сказуемому, а в таких случаях полинегация была абсолютной нормой славянской речи. Ср. порядок слов в греческих и славянских конструкциях: ἀνεὺ βουλῆς μηδὲν ποιήσης — бесъвѣта не оътвори ничѣсо же (Изб., 152); καὶ ἀνθρωπίνης μὲν οὐδεμίας ἀπολαύων παραμυθίας — и не наслаждаѣи са · ни єдиномъ же члвчьскыи оустѣхы (Зл. Б. II d; И. Зл., 1146); ὁ μηδὲν ἑαυτὸν εἶναι νομίζων — иже не мнитъ собѣ ничѣтоже (Пч., 108); μηδενὸς ἐν χρεῖα καταστή; не требоуи (в нужде — Л. С.) ничѣтоже (Пч., 660б); νῦν οὖν μάθης μηδένα κρίνειν — нынѣ оубо оувѣси

не осуждати никогоже (Ниф. 100); τινές δὲ καὶ μηδὲν εἰσχομίζοντας τῷ βασιλεῖ — и друзии не приносят ничсоже ц(с)рю (Ниф., 143).

II. Трансформация общеотрицательных греческих конструкций в полинегативный тип за счет использования обобщенно-отрицательного члена. Греческие предложения с немаркированным отрицанием передавались славянскими переводчиками конструкциями с маркированным отрицанием полинегативного типа. Такие изменения носили закономерный характер, если в греческом источнике имелись неопределенные местоимения и наречия τίς, τί, ποῦ, ποθεν, ποτε, πώς, πῆ, а также некоторые определенные местоимения (αὐτός, ἕτερος): ὁ μὲν διάβολός τινα οὐ βιάζεται — дьяволь же не нудить (Изб., 109); μὴ κρατεῖν μῆνιν κατὰ τινος — не държати гнѣва ни на кого же (Изб., 105об); οὐ τινα ἐλοιδόρησα — никого же не оклеветахъ (Изб., 109об); οὐ γὰρ πεκαλύφθη ποτὲ τινὶ τῶν ἀγίων — не бо са откры никому же николи же от стхъ (Ниф., 58); χρή τὴν ἀρετὴν μὴ χαλεπεῖν καθ' ἕτερον — подобаеть добродѣтелю не храмати ничим же (Пч., 2об); καὶ οὐκ ἔστιν αὐτῶν τις μείζων τοῦ φοβουμένου τὸν κύριον — и нѣсть ихъ ни един(ъ же) болии боѣщааго са га (Изб., 146).

Другой способ трансформации общеотрицательных предложений в языке оригинала в полинегативные конструкции — вставка обобщенно-отрицательных членов — носит индивидуальный характер. Благодаря таким вставкам славянские переводчики могли передавать дополнительные смысловые оттенки и уточнения: μὴ σκώψης ἀνθρώπων — не похоули члѣва николи же (Изб., 72); οὐκ ἐφθόνησα — не завидѣхъ никому же (Изб., 109об); οὐ γὰρ εἰμαρμένης δύναται κρατεῖν — соуда бо не можетъ никтоже оутечи (Пч., 119); οὐκ ἐχωρίσθη σου — не отлучихъ са от тебе николи же (Ниф., 163). В ряде трансформаций общеотрицательных греческих конструкций отражается более последовательное употребление отрицательно-присоединительных союзов в древнеславянском языке как на уровне словоформ (полинегативная модель II), так и на уровне предикативных единиц (полинегативная модель V). Ср. замены греческого разделительного союза ἢ и сочинительного союза καὶ через ни: Ἐγὼ ἀνθρώπος οὐκ εἰμί ἢ πνεῦμα αἰσχροῦν — азъ члѣвкъ нѣсмь ни дхъ лукавыи сквърньнъ (Ниф., 92); πλοῦτον καὶ πενίαν μὴ μοι δός, κύριε — бгтѣства ни оубожѣства не дажъ ми, ги (Пч., 45об); καὶ οὐς οὐκ ἤκουσεν, καὶ ἐπὶ καρδίαν ἀνθρώπου οὐκ ἀνέβη — ни оухо слыша ни на сердце чловѣкоу не възиде (Ниф., 143об).

III. Трансформация общеотрицательных предложений в мононегативный тип. Таких случаев немного, но они принципиально важны не только как отражение стремления древнеславянских переводчиков привести дополнительные смысловые оттенки, но прежде всего как свидетельство их самостоятельного выбора этого синонимического варианта, свидетельство свободного и независимого владения различными моделями мононегативного типа. См. трансформации общеотрицательных греческих конструкций в первую, четвертую, пятую структурные модели мононегативного типа: μὴ ταχέως πιστεῖν κατὰ τινος — никому же скоро ити вѣры (Изб., 105об); ἐγὼ τῶν τοῦ Κυρίου μου Ἰησοῦ Χριστοῦ οὐκ ἀφίσταμαι — азъ ха моего николи же отвьргоуа (Ниф., 25об); ὅτι οὐ γίνηθι θηριάλωτος (sic!) — иако ни звѣре(м) иде(н) еси (Пч., 93); ὡν ὀφθαλμὸς οὐκ εἶδεν καὶ οὐς οὐκ ἤκουσεν — их же око не видѣ ни оухо слыша (Ниф., 143об; Изб., 120).

IV. Видоизменение греческого усиленного отрицания. Соположение в греческом языке «объективного отрицания» οὐ и «субъективного отрицания» μή, которое обычно называют нагнетением отрицаний, не имело аналога в древнеславянском языке. Как отмечают исследователи, такое явление в системе греческой негации было вторичным, объясняющимся эллипсисом глагола боязни: οὐ φοβητέον μὴ ... 'ничего бояться, что...' [27]. Совместное употребление οὐ и μή было ограничено грамматическими факторами: их нагнетение использовалось в сослагательном наклонении (обычно в аористе) и в будущем времени индикатива. Наиболее распространенное значение οὐμή, связанное с генезисом из соположения — это безусловность, очевидность, особая категоричность негации, то есть нагнетение

отрицаний было стилистически маркированным. Кроме того, с формой 2-го лица оно употреблялось в прохибитивном значении, для выражения строгого запрещения.

В наших материалах очень показателен случай трансформации греческого общеотрицательного предложения с нагнетением οὐ μὴ в монологативный тип первой модели, отражающий стремление славянского переводчика адекватно передать значение усиленного отрицания и одновременно значение прохибитивное (что привело при переводе к морфологической замене причастия императивом). Ср. ὁ φοβούμενος κύριον οὐ μὴ ἐλαβῆθήσεται (дословно: 'боящийся господа [конечно, безусловно] не постыдится') — бои са га ничимъ же постыдитъ са (Изб., 142).

В большинстве же случаев греческие общеотрицательные предложения с οὐ μὴ переводятся на древнеславянский язык немаркированной негативной конструкцией. Однако при этом славянские переводчики обычно избирают глагольные формы, передающие нужный оттенок объективной модальности. Ср., например, аналитическую форму инфинитива со связкой *имати*, обладающую значением долженствования: οὐ μὴ ὑπερίδη ἐκστῖαν ὄρφανοῦ καὶ χήραν — не имать прѣзрѣти молтвы сирааго ни въдовица (Изб., 144). В данном случае инфинитивной конструкцией передается форма 2-го лица модального аориста в сослагательном наклонении, однако смысловой оттенок безусловности отрицания, присущий нагнетению частиц οὐ μὴ, сохраняется. Другой вариант перевода избирает аналитическую форму славянского будущего со связкой *имати*, изначальная семантика которой (значение обладания) обуславливала особый «принудительный» характер глагольного действия. Вместе с отрицательной частицей такая глагольная форма передавала очевидность, обязательность негигруемой предикативной связи: ὁ προφήτης λέγει· οἱ δὲ νεκροὶ ζῶντων οὐ μὴ ἴδωσιν, οὐδὲ ἰατροὶ οὐ μὴ ἀναστήσονται — прркъ глтъ: мъртви живота не имоуть видѣти ни врачеве не имоуть вѣскрѣсити (Ниф., 145; 145об; 146).

Все рассмотренные способы передачи инвариантного синтаксического значения греческих негативных структур в изученных памятниках древнеславянской переводной литературы представлены в таблице.

Хотя статистические данные, полученные методом сплошной выборки, на наш взгляд, являются неременным условием систематического лингви-

Таблица

Способы передачи негативных структур греческого языка древнеславянскими переводчиками		Изборник 1076 г.	Златоструй Бъчкова	Слово Иоан- на Златоуста	Житие Ни- фонта	Пчела	Всего
Структурные соответствия	Соответствие моделей монологативного типа	10	11	36	29	87	173
	Соответствие моделей полинегативного типа	10	—	4	3	3	20
	Варьирование монологативных моделей	4	1	6	12	4	27
Трансформации	Монологативный тип → полинегативный	11	5	31	33	67	147
	Общее немаркированное отрицание → полинегативный тип	18	2	2	15	3	40
	Общее немаркированное отрицание → монологативный тип	3	—	—	2	2	7
	Видоизменения греческого усиленного отрицания	2	—	—	5	—	7
Всего		58	19	79	99	166	421

стического обследования памятника, разумеется, они не могут быть самоцелью. И в этом плане мы совершенно согласны с М. М. Маковским, который выступал против традиции, идущей от младограмматиков, увлекаться количественными оценками языковых фактов при изучении отклонений древнего переводчика от оригинала в ущерб оценкам качественным [28].

Рассмотренные нами переводные памятники относятся к двум локальным центрам древнеславянской письменности, однако явных различий между ними в изучаемом отношении не ощущается, и это еще раз подтверждает концепцию принципиального единства первого литературного языка Славии. Статистические данные более всего иллюстрируют особое положение древнерусской «Пчелы», вернее — ее Пергаменного списка XIV—XV вв., отражающего перевес мононегации над полинегацией. Этот факт (наряду с другими чертами — показателями графики и морфологии) заставляет видеть в данном тексте следы вторичной, поздней правки переписчиков XIV—XV вв., отражающей переводческий буквализм периода второго южнославянского влияния.

Анализ греко-славянских переводных соответствий позволяет заключить, что в семантической структуре греческого отрицательного предложения для славянских переводчиков релевантными оказывались обобщенно-предметные и обобщенно-обстоятельственные значения независимо от их выражения в положительном или негируемом члене. И конструкции с маркированным отрицанием, и общеотрицательные предложения с немаркированным отрицанием, содержащие материальные выражения обобщенных значений, переводились на древнеславянский язык с использованием отрицательных местоименных слов *никѣто же, ничѣто же, никыи же, никакыи же, николи же* и т. п. При этом абсолютный характер негации перевешивал как синтаксическое значение негируемого члена предложения (о чем свидетельствует лексическое варьирование первой структурной модели в переводческой практике), так и добавочные смысловые оттенки, дифференцирующие структурные модели (что выражалось в варьировании самих мононегативных моделей).

Из имеющихся в арсенале древнеславянского переводчика средств выражения абсолютного характера отрицания, представляющих собою стройную систему коррелятивных моно- и полинегативных моделей, он предпочитал полинегативные конструкции как более соответствующие нормам своей речи, однако и мононегативными структурами пользовался свободно и независимо, владея всеми пятью их моделями. Тем не менее нельзя отрицать, что межъязыковой изоморфизм материальных средств выражения отрицания обусловил частое наложение синтаксических образцов греческой мононегации, особенно первой структурной модели.

Среди синтаксических форм отрицания, зафиксированных переводной письменностью, выделяются два вида конструкций с нарушением внутренних закономерностей древнеславянского языка. Оба эти вида мы квалифицируем как структурно чуждые элементы синтаксиса, возникшие в результате калькирования греческих образцов. Во-первых, это негативные конструкции с начальной позицией отрицательной частицы *не*, расположенной дистантно по отношению к сказуемому и, как правило, сопровождаемой частицами *бо* или *да*. Например: *ὁ δὲ ἐπὶ τῆς ψάμμου τὴν οἰκίαν φηρόμενος τὴν ἑαυτοῦ οὐχ ἵνα ψάμμον καὶ πέτραν νοήσωμεν* — и созь(д)авшимъ на пѣсѣ хлѣвиноу свою не да пѣска и камыка разоумѣемъ (И. Зл., 116а) *οὐ μὴ γὰρ ἐπιλάθωμαι τοῦ τοιοῦτου ἐν τῇ καταλύσει μου λέγει* — не бо имамъ забыти такового въ всемъ покоиши своемъ (Ниф., 167); *οὐ γὰρ ἤγούμεθα τοῦτον ὑποφέρειν* — не бо то мѣнимъ въ болѣзни (Ниф., 174об). Вопреки некоторым исследователям древнеславянского синтаксиса [29; 30], такой перевод мы считаем калькированием прежде всего потому, что отрицание в данном случае по своей семантике не было абсолютным, маркированным. Подобные структуры выпадают из славянской системы корреляции одиночной и двойной негации. Только абсолютное отрицание, выраженное отрицательно-усилительной частицей (союзом) *ни*, этимологически входящей к *ne + i* (где *i* — дейктическая частица) [31], могло экспрессив-

по распространять свою негативную силу на все предложение. Еще один аргумент, доказывающий чужеродность таких построений славянскому синтаксическому строю, — ничем не обусловленная свобода расположения отрицательной частицы по отношению к глаголу вопреки ее этимологической наречной природе³, то есть вопреки тому, что, характеризуя первоначально качественный признак действия, она должна была быть исконно приглагольной.

Другая негативная конструкция, квалифицируемая нами как калька, — это вариант первой модели моно- или полинегативного типа, в котором обобщенно-отрицательным компонентом выступало сочетание местоимений *никѣто же, ничѣто же* с субстантивом. В таких построениях нарушалась сочетаемость словоформ, обусловленная морфологической природой стержневого слова. Примеры: *οὐδείς ῥάθιμος εὐχλεῖς ἀνὴρ* — никто же моужь лѣнивъ хваленъ (Пч., 87об); *χαρίζεται μὲν οὐδέν* — ничтоже бла(д)ти творить (Пч., 29); *καὶ οὐδὲν αὐτῷ ἐμπόδιον τῆς σωτηρίας γέγονεν* — и ничтоже немоу бы(с) въ томъ спыны (Ниф., 55об); *βία μῆδεν πράττειν* — насилы ничтоже не творити (Пч., 5). Возникновение таких калек объясняется тем, что, помимо обычного субстантивного значения местоимений *οὐδείς* (м. р.), *οὐδεμία* (ж. р.), *οὐδέν* (ср. р.) (аналогично *μηδείς, μηδεμία, μηδέν*), они обладали также адъективными ('никакой, ни один'), и адverbиальными ('никак, ничуть, никоим образом') значениями, что не всегда учитывалось славянскими переводчиками, усвоившими привычку перевода *οὐδέν, μῆδεν* как *ничѣто же, никѣто же*.

Результаты предпринятого нами исследования, будучи сопоставлены с данными древних языков — с одной стороны, и новых славянских языков — с другой, позволяют отметить некоторые динамические тенденции синтаксической системы отрицания.

Прежде всего, тот факт, что не обнаружено никаких следов оппозиции объективного и субъективного отрицаний в древнеславянском, никаких следов зависимости выбора славянских эквивалентов от склонения и шире — от предикативной модальности, говорит о давней утрате противопоставления двух отрицаний в системе древнеславянской негации в сопоставлении с более архаичной греческой системой. В этом отношении, по данным Э. Швицера и А. Дебруннера, славянские языки сближались с балтийскими, германскими, кельтскими языками, а древне- и новогреческий — с хеттским, авестийским, древнеперсидским, армянским, латинским языками [26, S. 591].

Стремление переводчиков к обязательной замене в негативных конструкциях положительного члена с обобщенным значением отрицательным местоименным словом также отражает исторические процессы в развитии славянского грамматического строя ко времени переводов, в то время как греческий язык представляет более раннюю ступень развития индоевропейского отрицания. Таким образом, историческая тенденция индоевропейских языков, отмеченная Й. Гебауэром на материале древнечешского языка и укрепляемая данными по древнегерманскому отрицанию [33], подтверждается и данными изучения древнеславянской переводческой техники.

Другая явная закономерность этой техники — трансформация конструкций мононегативного типа в полинегативный — дает веские основания говорить о более развитом полинегативном строе древнеславянского литературно-письменного языка в отличие от греческого, где полинегация была ограничена определенным порядком слов (препозицией сказуемого) и только одной структурной моделью. В древнеславянском полинегативный тип выступает как вполне регулярный и самостоятельный, коррелятивный всем мононегативным схемам.

Вопрос о соответствии или несоответствии мононегации исторически сложившимся синтаксическим тенденциям славянских языков в эксплицитной форме предшествующими исследователями не ставился. Более того,

³ О наречной природе частицы *не* см. выступление Р. Мразека по докладу И. Грицката на V Международном съезде славистов [32].

многие авторы пишут об «опущении», «пропуске» или «устранении отрицания при сказуемом» [9, с. 228, 233, 296; 34; 35; 36], тем самым неправильно оценивая исторические взаимоотношения двух типов негации вопреки языковым фактам (более широкому распространению монологативности в прошлом, показанием других индоевропейских языков) и общей логике развития синтаксических форм отрицания в целом.

На наш взгляд, основная причина перестройки монологативного строя в полинегативный — это расхождение, некие «ножницы» между исторически выработанной языковой сущностью непредикативного члена предложения и его логической ролью, т. е. (в более современной терминологии) противоречие синтаксического и актуального членения. Указанное противоречие возникло вместе с изначальной экспрессивностью монологативного построения⁴, но с ее утратой оно оказалось немотивированным. Ведь в остальных негативных предложениях, лишенных обобщенно-отрицательного члена, как и в утвердительных предложениях, основную модальную нагрузку высказывания — его утвердительный или отрицательный характер — определял предикат. Именно актуализация сказуемого, отражающая изменение субъективно-предикатной структуры мысли, приводит к перестройке монологативных конструкций, к выработке особого формального средства, фиксирующего отрицательную модальную значимость глагольного центра.

Понимание славянской монологативности как исходной синтаксической базы развивающегося полинегативного строя хорошо согласуется с блестяще обоснованной А. А. Потебней общей паратаксичностью речи, свойственной древнеславянскому языку и шире — языкам архаического строя. Среди разнообразных проявлений архаичной паратаксичности (на что уже приходилось обращать внимание [37; 38]) славянские монологативные построения отличаются своеобразным полицентризмом. Формально этот полицентризм проявлялся в автономности падежной формы при утвердительном глаголе: отрицательная частица или агглютинация *ни* оказывалась как бы еще одним управляющим центром. Ср. широко распространенные в древнеславянском языке монологативные конструкции разных моделей с родительным падежом прямого дополнения: *ни похвалы себѣ глати* (Изб., 107об); *никъто же ничьсо же сих наоучи* (Усп. сб., 236в); *а нынѣ ни словесе рещи оученицы могоша* (Усп. сб., 263г); *понеже ни съмъртию гнѣва оуставиша* (Усп. сб., 212г.). Независимость генитивной формы приглагольного дополнения от самого глагола отчетливо выступала, в частности, в случае ее распространения отрицательным определением: *и никогого же вѣда прииметь* (Изб., 52); *никакогого же ми дарова сѣсь блѣдти* (Ниф. 127 об); *а никоторогого же прошенъа себѣ подавай* (Пч., 80). В этих конструкциях именно определение (!) обуславливало родительный падеж определяемого существительного.

Преодоление архаичного полицентризма негативных высказываний означало дальнейшее углубление синтаксической перспективы простого предложения, еще один шаг по пути развития гипотаксических отношений в его структуре и выдвижения сказуемого на вершину иерархической лестницы зависимостей между членами простого предложения.

Таким образом, применение комплексной методики сопоставительного и сравнительно-исторического исследования синтаксиса позволяет заключить следующее: монологативный тип предложений, представляющий собой парадигматический ряд двучленной системы маркированного отрицания в древнеславянском языке, в отличие от некоторых смежных конструкций, является автохтонной славянской структурой, вышедшей из употребления во всех славянских языках в результате взаимодействия грамматического и коммуникативного факторов.

⁴ Доказательством этой экспрессивности служит не только этимология *ни* и частичное сохранившаяся функция усилительно-выделительной частицы, но и обязательное выдвижение негирюемого члена в позицию перед глаголом-сказуемым.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ружичка Р.* Греческие синтаксические заимствования в старославянском языке. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. М., 1962, с. 251—252.
2. *Мещерский Н. А.* О синтаксисе древнеславянских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., 1962.
3. *Куриц И.* Проблематика исследования синтаксиса старославянского языка. — В кн.: Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963, с. 5—6.
4. *Йордаль К.* Греко-русские синтаксические связи. — Scando-Slavica, t. XIX, 1975.
5. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959, с. 523.
6. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952, с. 390—392.
7. *Зенчик Л. М.* Об одной особенности отрицательных предложений в современном русском языке. — Доповіді та повідомлення Львівського університету ім. І. Франка, вип. 6, ч. 1, 1955, с. 129—130.
8. *Борковский В. И.* Два синтаксических этюда. — Славянская филология. Т. III. София, 1963, с. 49—52.
9. *Борковский В. И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968.
10. *Зенчук В. Н.* Отрицание в сербохорватском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1968, с. 10.
11. *Зенчук В. Н.* Об одном из спорных вопросов в связи с проблемой негации в славянских языках. — Славянская филология, вып. II. Л., 1972, с. 59—60.
12. *Mathesius V.* Čeština a obecný jazykosput. Praha, 1947, s. 319—320.
13. *Křížkova H.* К вопросу о так называемой двойной негации в славянских языках. — Slavia, гоѣ. XXXVII, 1968, seš. 1, s. 24—39.
14. *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1977, с. 20—21.
15. *Базарев А. И.* О способах выражения отрицания в древнерусском языке. — В кн.: Проблемы развития языка. Лексические и грамматические особенности древнерусского языка. Саратов, 1981, с. 72—74.
16. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е. М., 1983, с. 388.
17. *Савельева Л. В.* Мононегативные и полинегативные конструкции в Изборнике 1076 года. — В кн.: Проблемы исторического языкознания. Вып. I. История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976, с. 146—156.
18. *Цакалиди Т. Г.* Из наблюдений над негативными конструкциями в древнейшем славянском памятнике традиционного содержания. — Вопросы языкознания, 1982, № 1, с. 97—105.
19. *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
20. Изборник 1076 года. Изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. Под ред. С. И. Коткова. М., 1965.
21. *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслци. Български езикови паметници. Т. I. София, 1978.
22. Древняя русская Пчела по Пергаменному списку. Изд. В. Семенов. — Сборник ОРЯС, т. LIV, 1893, № 4.
23. Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одеса, 1928.
24. Успенский сборник XII—XIII вв. Изд. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Лянов. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
25. *Соболевский С. И.* Древнегреческий язык. М., 1948.
26. *Schwyzler E., Debrunner A.* Griechische Grammatik. Bd. 11. Syntax und Syntaktische Stilistik. München, 1950.
27. *Бергер Э., Гейдельберг Г.* Руководство к переводам на греческий язык. М., 1974, с. 176.
28. *Маковский М. М.* Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе «отклонений от оригинала» (На материале древнегерманских языков). — Вопросы языкознания, 1961, № 1, с. 104.
29. *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1955, с. 147.
30. *Барановская В. Г.* О частице *не* в языке древнерусских памятников XI—XIV вв. — В кн.: Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М., 1978, с. 120.
31. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, с. 71.
32. Славянская филология. Материалы от V Международного конгресса на славистите. Т. VII. Езикознание. София, 1965, с. 175.
33. *Булах Н. А.* К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках. — Уч. зап. Ярославского пед. ин-та. Вып. X. Иностранные языки. 1957, с. 51—52.
34. *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, с. 346.
35. *Безпальню О. П.* Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960, с. 165.
36. *Оложуш Е. А., Сизько А. Г.* Синтаксис старославянского языка. Днепропетровск, 1964, с. 30.
37. *Савельева Л. В.* О двух видах паратаксической связи в древнерусском языке. — Вестник ЛГУ. Серия литературы, истории, языка, 1963, № 8, с. 116—124.
38. *Савельева Л. В., Тарланов З. К.* Рец. на кн.: Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. — НДВШ, Филологические науки, 1973, № 3, с. 137.

10 ЛЕТ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК) была создана в октябре 1976 г. в Берлине. Ее учредителями стали ученые-слависты из 22 стран мира, принимавшие участие в происходившей в столице ГДР конференции «Славянские культуры в истории европейских культур XVIII—XX вв.».

Появление в рамках ЮНЕСКО нового международного объединения ученых, занимающихся широким спектром проблем истории культуры славянских народов, стало закономерным следствием возрастающего интереса мировой научной и культурной общественности к культуре славян — от ее древнейших истоков до новейших духовных открытий. Эстетические и этические импульсы славянской культуры, занимающей выдающееся место среди культур мира, во все большем объеме использует мировой культурный процесс. Особенно пристальное внимание привлекает культура славянских государств после второй мировой войны, когда все они встают на путь строительства нового социального строя и когда их успехи становятся все более значительными и притягательными для народов других регионов.

Созданию МАИРСК предшествовала успешная реализация проекта ЮНЕСКО «Изучение славянских культур», утвержденного XVI сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 1970). Впервые ЮНЕСКО обратилась к комплексному, междисциплинарному изучению культур всего славянского мира в культурно-историческом плане. Славянский проект касался большой территории Восточной, Южной и Центральной Европы, где в глубокой древности поселились славянские племена, а ныне располагаются семь стран — членов ЮНЕСКО: Белоруссия, Болгария, Польша, Советский Союз, Украина, Чехословакия и Югославия.

С самого начала значимость проекта определялась двумя главными обстоятельствами: желанием способствовать развитию международных исследований и стремлением ознакомить мир, главным образом неславянский, с достижениями цивилизации славянских народов. Хотя ученые и прежде, естественно, вели интенсивную и разностороннюю работу по изучению славянского культурного наследия, инициатива ЮНЕСКО оказалась своевременной и полезной. Она расширяла возможности координации научных изысканий, причём не только в славянских странах, помогала обмену опытом, способствовала в международном масштабе распространению знаний о славянских культурах, об их прошлом и настоящем.

К числу первых крупных акций Славянского проекта следует отнести симпозиум в Варшаве «Гуманистическое и общественное значение славянских литератур» (1972), московскую конференцию «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций» (1974), конференцию

в Варне «Славянские культуры и Балканы» (1975) и уже упомянутую конференцию 1976 г. в Берлине.

Динамизм и научная результативность Славянского проекта ЮНЕСКО, превратившегося в одну из наиболее успешно действующих программ Организации в области изучения культур и резко интенсифицировавшего контакты ученых-славистов, укрепил в них идею о целесообразности создания постоянно действующего международного объединения, которое бы и после завершения срока действия Славянского проекта координировало и развивало в мировом масштабе исследования в области славянских культур и содействовало популяризации знаний о славянских народах в различных регионах земного шара. Эта идея, поддержанная XVIII сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО, и была реализована в 1976 г. созданием Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур.

Цели Ассоциации были определены принятым Уставом МАИРСК, в котором, в частности, говорится, что Ассоциация

а) содействует всестороннему комплексному изучению славянских культур с древнейших времен до настоящего времени, руководствуясь идеями мира, гуманизма и взаимопонимания между народами в духе целей и принципов ЮНЕСКО;

б) поощряет научные исследования и изучение славянских культур, способствуя организации как двусторонних, так и многосторонних совещаний, симпозиумов и конференций, обмену научной информацией и публикациями;

в) способствует расширению и укреплению сотрудничества между научными учреждениями, исследовательскими и культурными центрами и организациями, отдельными учеными славянских и неславянских стран, чья деятельность связана с изучением культур славянских народов, в их взаимодействии с культурами других народов, а также распространением знаний о славянских культурах;

г) содействует распространению знаний о славянских народах и их вкладе в развитие культуры, придавая особое значение ознакомлению с достижениями славянских культур в странах, не имеющих традиций в области славистики и учреждений для изучения славянских культур...».

Постоянная практическая работа Ассоциации в соответствии с Уставом проводится Бюро МАИРСК, в первый состав которого вошли видные ученые из славянских и неславянских стран. Президентом МАИРСК с момента ее образования являлся академик Д. Ф. Марков, директор Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Одной из основных форм реализации задач МАИРСК является регулярное (один раз в 2—3 года) проведение крупных проблемно-тематических конференций, на которых широкий круг ученых многих стран обсуждает актуальные проблемы истории культуры славян, методологии ее изучения, задачи исследовательской деятельности в данной области гуманитарного знания. После берлинской конференции были проведены еще три таких научных форума — в Киеве (1979), Минске (1982) и Копенгагене (1984).

Киевская конференция «Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст» подчеркнула отличительную черту этих культур в наши дни — воплощенное в них единство национального и интернационального, органическое использование ими передовых традиций не только своей, но и мировой культуры, активное участие в жизни нового общества, богатство проблематики, художественное многообразие стилей и жанров при единстве понимания функций и задач искусства в воспитании гармонически развитой личности.

Изучению конкретных проявлений взаимосвязей славянских культур с мировым культурным процессом, особенности которого в значительной степени определяются межнациональными контактами, постоянным взаимодействием и взаимообогащением культур, специфике развития славянских культур в контексте мировой культуры была посвящена минская конференция «Славянские культуры и мировой культурный процесс».

«Скандинавско-славянские культурные отношения XIX—XX вв.» стали предметом анализа ученых, собравшихся в Копенгагене. Рассматривались переводы, распространение, восприятие славянских литератур в Скандинавии и скандинавских литератур в славянских странах, театральные связи народов этих двух европейских регионов, личные и творческие контакты деятелей искусства и культуры.

Авторитетом одного из наиболее инициативных научных объединений, действующих под эгидой ЮНЕСКО, Ассоциация обязана активной работе своих национальных комитетов, на счету которых значительное число проведенных симпозиумов. Каждый из них является несомненным шагом вперед по пути изучения той или иной, строго определенной и одновременно достаточно масштабной проблемы. Не имея возможности перечислить все состоявшиеся к настоящему времени симпозиумы, организаторами которых были национальные комитеты МАИРСК, упомянем хотя бы следующие: «Научное наследие академика Н. С. Державина» (СССР, Москва, 1977), «Гете и славянский мир» (ФРГ, Дюссельдорф, 1979), «Данте и славянский мир» (Югославия, Дубровник, 1981), «Роль науки в развитии славянских культур» (Чехословакия, Прага, 1980), «Достоевский и литература» (ФРГ, Мюнхен, 1981), «Состояние изучения итало-славянских культурных отношений в эпоху гуманизма и ренессанса» (Италия, Рим, 1981), «Герцен и европейские культуры» (Великобритания, Ноттингем-Лондон, 1982), «Иван Франко и мировая культура» (Украина, Львов, 1986).

Материалы большинства перечисленных конференций и симпозиумов опубликованы в изданиях Ассоциации [1—7]. К ним примыкают тематические сборники, посвященные творчеству Й. Г. Гердера и Ф. Петрарки [8; 9].

Особое место в публикаторской деятельности МАИРСК занимает серия «Выдающиеся деятели славянской культуры». Книги этой серии издаются ЮНЕСКО в Париже и предназначены для широкой публики в западных странах (они выходят на французском и английском языках). Авторами серии являются крупнейшие ученые как славянских, так и неславянских стран. Уже вышли работы о Пушкине (автор — Д. Благой), Шевченко (Л. Новиченко), Ботеве (В. Топенчаров), Герцене (М. Парtridge), Незвале (Й. Тауфер), Скорине (В. Чемерицкий, Г. Голенченко, В. Шматов), Новомеском (С. Шматлак), Крлеже (М. Маткович). Небольшие по объему издания в доступной форме, с учетом последнего слова науки рассказывают о жизни и творчестве деятелей, внесших огромный вклад в развитие славянской культуры, раскрывают их национальное своеобразие и интернациональное значение, снабжены иллюстративным и библиографическим материалом.

Большой интерес у западной общественности вызвал подготовленный МАИРСК и выпущенный в Париже на французском языке альбом «Деревянная архитектура и скульптура у славян». Это богато иллюстрированное издание, состоящее из очерков по белорусскому, болгарскому, польскому, русскому, словацкому, украинскому, чешскому, югославянскому деревянному зодчеству и скульптуре, написанных видными специалистами-искусствоведами из славянских стран. Книга предоставила возможность широкому кругу западноевропейских читателей познакомиться с одним из самобытнейших явлений славянского искусства, все еще недостаточно известным на Западе. Повсеместно распространенная у всех славян техника дерева — одна из типичных черт славянской культуры.

Еще большее число читателей привлеч сдвоенный номер журнала «Курьер ЮНЕСКО» (сентябрь — октябрь 1978 г.), посвященный истории и культуре славян от древности до наших дней и ставший как бы краткой энциклопедией знаний о славянских народах. В номере, подготовленном по поручению Главной редакции журнала в Париже (научный консультант — Ю. В. Богданов), выступили видные советские ученые Д. Ф. Марков, В. Д. Королук, И. Ф. Бэлза, Н. И. Толстой, Г. Г. Литаврин, Ю. С. Асеев, Олжас Сулейменов, коллеги из славянских стран — А. Флакер, С. Вольман, Б. Суходольский, Д. Ангелов и др. Изданный на девят-

надцати языках, этот «славянский» номер «Курьера ЮНЕСКО», безусловно, стал для международной читательской аудитории новым импульсом в углублении знакомства с культурой славянского региона Европы. В текстовом и иллюстративном материале нашли отражение крупнейшие исторические события, идейно-художественные поиски, достижения науки и техники в славянских странах.

Важной формой работы МАИРСК является организация выставок самого разного характера — от книжных, приуроченных к научным встречам, до крупных фотоэкспозиций, подготавливаемых по заказу Секретариата ЮНЕСКО. Такова, в частности, XV передвижная фотовыставка ЮНЕСКО «Искусство славян», впервые показанная в сентябре 1985 г. в Софии участникам Генеральной конференции ЮНЕСКО. Национальные разделы выставки готовились соответствующими комитетами МАИРСК, главными же координаторами и создателями ее общей концепции были советский и болгарский комитеты. О масштабности этой экспозиции и широте охвата материала говорит уже ее проблемно-тематическая структура: 1. Искусство южных и восточных славян (Первое болгарское государство, Киевская Русь, Сербия и Византия); 2. Искусство славян и Западная Европа (романское искусство, готика, возрождение, барокко, классицизм); 3. Искусство южных славян в XIII—XV вв., 4. Искусство восточных и западных славян в XV—XIX вв.; 5. Искусство рукописной книги у славян; 6. Средневековая традиция в искусстве южных славян и западноевропейское искусство XVI—XIX вв.; 7. Искусство славян в XX в. На выставке двумя сериями цветных диапозитивов были представлены народное, декоративно-прикладное искусство, средневековая икона и монументальная живопись. Фотовыставка будет демонстрироваться во многих странах — членах ЮНЕСКО.

МАИРСК сотрудничает с рядом родственных международных объединений, прежде всего, с Международным комитетом славистов (МКС), Международной ассоциацией по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ) и др. Так, например, в содружестве с МАИЮВЕ в 1978 г. в Москве и Киеве был проведен коллоквиум «Византийская культура и славянский мир», где ученые десяти стран рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с художественной культурой народов Юго-Восточной Европы IX—XVII вв. Большое научное и политическое значение имел совместный симпозиум МАИРСК и МАИЮВЕ «Деятели культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в сопротивлении фашизму», прошедший в сентябре 1983 г. в Москве. Исторический опыт антивоенного и антифашистского движения, обладающий непреходящей ценностью для современной борьбы за укрепление мира и безопасности народов, был рассмотрен сквозь призму жизни и творчества прогрессивных деятелей культуры, искусства, науки, просвещения, активно, а порой и героически выступавших против фашистской идеологии и практики.

Большое значение для успешной работы всей Ассоциации имеет издаваемый ею «Информационный бюллетень». Первый выпуск его вышел еще в 1977 г. в Париже на русском и французском языках и содержал официальные документы, относящиеся к реализации Славянского проекта ЮНЕСКО.

Учитывая важность постоянного печатного органа для работы МАИРСК, улучшения координации деятельности ее национальных комитетов, а также придавая исключительное значение своевременной информации специалистов в области славянских культур, Бюро МАИРСК в 1979 г. приняло решение издавать «Информационный бюллетень» на русском, французском и английском языках два раза в год (объем выпуска от 4,5 до 6 печатных листов). Практическое осуществление этой ответственной задачи было возложено на созданную при Институте славяноведения и балканистики АН СССР Группу информации и документации МАИРСК, возглавляемую секретарем Ассоциации В. И. Злыдневым.

Главная задача издателей «Бюллетеня» состоит в том, чтобы «содействовать координации деятельности национальных комитетов Ассоциации и дальнейшему углубленному изучению и распространению славянских

культур в славянском и неславянском мире», как указано в Положении о «Бюллетене». «Бюллетень» является безгонорарным изданием и рассылается более чем в 30 стран — в национальные комитеты МАИРСК, научные славистические центры, отдельным ученым, в национальные библиотеки, в центры международных ассоциаций, занимающихся смежной с МАИРСК проблематикой. Среди его авторов — ученые самых различных специальностей: историки культуры и историки, литературоведы и лингвисты, фольклористы и искусствоведы, этнографы и философы из 25 стран — членов ЮНЕСКО. Общий тираж трех языковых версий «Бюллетеня», составлявший в 1983 г. 800 экземпляров, ныне поднялся до 1000 экз. В случае необходимости тираж увеличивается. Так, тираж восьмого выпуска, выходящего в канун IX Международного съезда славистов, составил 1300 экземпляров, поскольку частично предназначался для участников съезда.

Постоянные рубрики «Бюллетеня» дают возможность знакомиться с текущей деятельностью национальных комитетов МАИРСК, славистических центров и обществ, решениями Бюро и Генеральной ассамблеи Ассоциации. В разделе «Научные конференции и симпозиумы» в 15 вышедших к настоящему времени выпусках охарактеризована тематика и основные итоги около 70 научных встреч, как двусторонних, так и многосторонних. Центральной по научной значимости является рубрика «Издания по славянским культурам», где до настоящего времени отрецензировано свыше 200 коллективных трудов, монографий, библиографических указателей, публикаций, охватывающих практически весь спектр тематики, разрабатываемой Ассоциацией. В некоторых рецензиях дается обзор целых серий и многотомников (10-томник «Советско-польские отношения», 4-томник «Русская художественная культура конца XIX — начала XX вв.», двухтомник «Славянские культуры и Балканы», 4-томная «История чешского театра», «История русской литературы», выпущенная в 4-х томах Пушкинским Домом, 10-томная «История Украинской ССР» и др.). Если говорить о странах, представленных в этих рецензиях, то положение таково: книги советских авторов — 80, книги ученых европейских социалистических стран — около 90, книги западных авторов — более 30. Постоянно ведется рубрика «Знаменательные даты в истории культуры славянских народов», где помещаются материалы, приуроченные к соответствующим юбилейным датам, краткие биографические сведения о крупнейших деятелях славянской культуры, сжатые характеристики важнейших событий в истории славянских народов. Эти сообщения — их уже опубликовано более 50 — сопровождаются библиографией новейших изданий.

«Информационный бюллетень МАИРСК» уже получил высокую оценку на страницах научной прессы — в белорусском журнале «Вісці АН БССР», в «Бюллетене Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО», в болгарском «Проблеми на културата», в украинском «Радянське літературознавство», в в чехословацкой «Славии», а также в подробном обзоре в журнале «История СССР», посвященном деятельности МАИРСК и ее Советского комитета [10].

Для всей деятельности МАИРСК характерно неуклонное стремление к объединению представителей различных научных дисциплин, к интеграции наук в процессе изучения славянской культуры, к внедрению и совершенствованию методики комплексного исследования культуры. Президент МАИРСК академик Д. Ф. Марков писал: «Мы рассматриваем культуру как феномен комплексный, и она требует к себе комплексного подхода. В понятие культуры входят: просвещение, наука, художественная культура. В свою очередь, если возьмем только художественную культуру, мы видим в ней ряд дифференцированных сфер: литературу, живопись, театр, музыку, архитектуру. Эта дифференциация настолько глубокая, что каждая из указанных сфер имеет и свою науку. Принципы комплексного изучения культуры состоят в том, чтобы видеть и ее исторические типы как определенные целостности и вместе с тем видеть внутри них отдельные сферы, а в этих отдельных сферах — художественные индивидуальности, стили, жанры и т. д.» [11].

По следовательно проводимая в течение многих лет идея комплексного

изучения славянских культур позволяет ныне Ассоциации вплотную приступить к созданию фундаментальных «Очерков истории культуры славян», опираясь на опыт и достижения предшествующего десятилетия. Это будет синтезирующий проблемно-исторический труд, подготовленный исследователями различных стран — славянских и неславянских — и раскрывающий основные концепции, историю и тенденции развития славянской культуры, основанный на всей накопленной человечеством сумме знаний в этой области. В освещении процессов развития славянской культуры предполагается учет всего комплекса проблем, куда входят формирование и развитие на различных исторических этапах культуры отдельных славянских народов и регионов, взаимодействие и взаимовлияние славянских и неславянских культур, рецепция культуры славян в неславянском мире. История культуры славян должна быть показана в контексте мировой культуры. «Очерки» будут единым целым, серией томов, посвященных историческим периодам развития славянской культуры от ее зарождения до наших дней в хронологической последовательности. Они адресованы широким кругам образованных читателей и вместе с тем будут представлять научную и общепознавательную ценность для специалистов гуманитарного профиля.

Хронологические рамки семи томов «Очерков» следующие: Том 1. От истоков славянской культуры до конца XIII в. (координатор — Советский комитет МАИРСК).

Том 2. От XIV в. до второй половины XVIII в. (Польский комитет).

Том 3. XVIII — первая половина XIX в. (Чехословацкий комитет).

Том 4. Славянские культуры второй половины XIX в. (Украинский комитет).

Том 5. Конец XIX — начало XX в., включая период первой мировой войны (Болгарский комитет).

Том 6. Период после первой мировой войны до победы над фашизмом во второй мировой войне (Югославский комитет).

Том 7. Период после окончания второй мировой войны до наших дней (Белорусский комитет).

Дополнительный 8 том будет специально посвящен вопросу о культуре славян в неславянском мире, представлениям о славянских культурах, существовавшим на протяжении истории в неславянских странах. Координационная работа по этому тому поручена Итальянскому комитету МАИРСК.

Научно-теоретическому, методологическому и организационному обеспечению «Очерков», являющихся главным объектом Ассоциации на ближайшие годы, была посвящена очередная конференция МАИРСК — в Праге осенью 1986 г. Одновременно с ней состоялась отчетно-выборная Генеральная ассамблея МАИРСК.

Опыт десятилетнего сотрудничества славистов из славянских и неславянских стран в МАИРСК под эгидой ЮНЕСКО убедительно свидетельствует о плодотворности проведения совместных конференций и симпозиумов, осуществления совместных изданий и выставок, служащих распространению знаний о многовековой славянской культуре, о духовном вкладе славян в мировую цивилизацию, о традиционных культурных связях славянских народов с народами различных регионов Европы, Азии и Америки. Сотрудничество славистов в рамках Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур — конкретный вклад ученых в развитие современных гуманитарных контактов, в укрепление взаимного доверия между народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII—XIX вв. М., 1978.
2. Славянские культуры и Балканы. Т. 1—2. София, 1978.
3. Goethe und die Welt der Slawen. Giessen, 1981.
4. Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Berlin, 1982.
5. Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев, 1982.
6. Dante i slavenski svijet. Zagreb, 1984.
7. Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985.
8. Johann Gottfried Herder. Berlin, 1978.
9. Petrarca e il petrarchismo nei paesi slavi. Zagreb — Dubrovnik, 1978.
10. Буганов В. И. Важный вклад в изучение славянских культур. (О деятельности Международной Ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур).— История СССР, 1984, § 2, с. 198—205.
11. Марков Д. Ф. О некоторых методологических проблемах комплексного изучения истории культуры славянских народов.— В кн.: Славянские культуры и мировой культурный процесс. Минск, 1985, с. 11.

ВЯЛОВА С. О.

АВТОГРАФЫ ВУКА КАРАДЖИЧА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

В 1987 г. исполняется 200 лет со дня рождения крупнейшего деятеля сербской культуры Вука Стефановича Караджича (1787—1864). В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде бережно хранятся и изучаются материалы, связанные с именем ученого. Известно, что здесь находится часть оригиналов записей сербских народных песен из числа собранных Вуком Караджичем [1, Ф. XIV.²/₁₋₃]. Приобретены они были у его сына — офицера русской армии Димитрия Караджича в 1882 г. вместе с материалами Вука, использованными им в словаре сербского языка [1, Q. XVI.1], и записями сербских народных обычаев, заговоров, пословиц [1, Ф. IV.1]¹.

В столетнюю годовщину смерти В. Караджича Илья Николитч отмечал, что эти материалы и в настоящее время являются предметом исследования и служат важным источником как новых данных, так и уточнения сведений о сербских народных сказителях и собирателях народных песен, в чьих записях эти песни и оказались у Караджича [3]. В статье «Непознати Вукови рукописи у Лењинграду» он же пишет: «Подлинники рукописей народных песен, принадлежащие Вуку и хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке, имеют большое значение для дальнейшего изучения Вуковых рукописей в целом. Они особенно важны для уточнения аутентичности недостаточно изученного и недостаточно упорядоченного Вукова наследства, которое находится в Архиве Сербской академии наук и искусств» [4]².

Помимо собрания материалов к трудам В. Караджича в Публичной библиотеке находится значительное число его автографов. В 1886 и 1913 гг. В. Ягич передал сюда к тому времени уже опубликованные им письма Караджича: 12 писем Якобу Гримму (28 окт. 1823 г. — 3 февр. 1825 г.) [5, ф. 991; 6; 7, с. 8—10, 11—14, 18—22, 28—31, 33—34, 38, 40—41, 42—43, 46—48, 50—51], пять писем Лукиану Мушицкому (на Великую пятницу 1818 г. — 22 авг. 1833 г.) [8, № 18; 9, с. 860—872; 7, с. 214—215, 231—233; 283—286, 338—340, 343—345], письмо Ал. Ф. Аделунгу (3 июня 1834 г.) [8, № 21; 9, с. 809—810; 10, с. 637] и три письма П. И. Кеппену (9/21 дек. 1831 г. — 17/29 авг. 1836 г.) [8, № 22; 9, с. 808—809, 810—816; 10, с. 569—572, 575—578]. Кроме того, в фонде слависта А. И. Александрова есть письмо Караджича далматинскому епископу Стефану (Кнежевичу) от 19 июня 1853 г. из Бадена [5, ф. 1179, А. И. Александрова; 11]. Письма

¹ Несколько ранее, в 1877 г. часть библиотеки Вука приобрела у Дим. Караджича Библиотека Академии наук [2].

² Здесь и далее перевод наш. — С. В.

эти исследователям известны, что не всегда можно сказать, однако, о месте их хранения³.

Автограф Караджича — его «Записка с автобиографическими сведениями» от 27 сентября 1835 г. находится среди собрания автографов М. П. Погодина [5, ф. 588, № 409]. Все содержащиеся в ней сведения Погодин использовал в письме к министру народного просвещения С. С. Уварову [13]. Их же сам Вук включил в свое письмо к П. И. Кеппену [9, с. 810—812; 10; с. 571—572]. Полностью «Записка» опубликована В. Е. Гусевым [14].

В фондах ОРЯК ГПБ обнаружены еще три неопубликованных и не отраженных ни в каких изданиях письма Вука Караджича. Два из них адресованы слависту Петру Павловичу Дубровскому (1812—1882), который в 1840 гг. преподавал в Варшаве русский язык. Здесь он основал альманах «Денница» (1842—1843), пропагандировавший идею сближения славянских литератур. Приводимые ниже письма Караджича Дубровскому ценны еще и тем, что архив П. П. Дубровского не обнаружен, и все архивные материалы о нем важны для изучения жизни и деятельности ученого.

1

У Бечу 14/26 јунија 840*

Високопочитајем Господине!

Благодарим Вам на писму Вашему од 21 маја/2 јунија. Што се тиче превода Српских народних песама на руски језик, па да се с оригиналом заједно штампа, ја мислим, да би то тешко било — и превести и штампати. А Ви ако мислите друкчије, и ако имате вољу и времена, изволите огледати, кад примете ову прву књигу Српских песама. А међу тим опет Вас молим, да се постарате мени скупити пренумеранта, колико се узможе (препоручите коме у Кракову и у Вилну, а и у друга места, куд знате). За које Вас молећи, и поздрављаући, како Вас, тако и ГГ. Линде⁴, Мацејевскога⁵ и Кухарскога⁶, с истиним почитанијем остајем

Ваш покорни слуга

Вук Стеф. Караџић.

Его Высокоблагородию милостивому Государю Петру Дубровскому, учителю русского языка в гимназии в Казимировском дворце в Варшаве. Herrn Peter v. Dubrovsky in Warschau.

[5, ф. 120, А. Ф. и И. А. Бычковых,

№ 3700, л. 98—98 об.]—

³ Например, Г. Добрашинович, длительное время являвшийся хранителем Музея В. Караджича и Д. Обрадовича в Белграде и собравший сведения обо всех существующих в европейских архивохранилищах материалах, связанных с Караджичем, пишет, что в одном их архивов Ленинграда находится опубликованное уже письмо Караджича Кнежевичу от 19 июня 1853 г., но в каком — неизвестно [12, с. 702]. Здесь необходимо отметить и то, что в издании Добрашиновича сведения о хранящихся в ОРЯК ГПБ материалах Караджича изложены неточно. В частности, там указано шесть писем Караджича к Мушицкому [12, с. 697]. Однако в фонде 894 их пять. В то же время об упомянутых письмах Караджича к Гамму вовсе не сообщается.

⁴ Линде Самуэль Богумил (1771—1847), польский лексиколог, чл.-корр. Петербургской Академии наук.

⁵ Мацејевский Вацлав (1793—1883), польский историк.

⁶ Кухарский Андрей Францишек (1795—1862), польский филолог, издатель *Najdawniejszych rozników prawodawstw słowiańskich* (1838).

Высокочитимый господин!

Благодарю Вас за Ваше письмо от 21 мая/2 июня. Что касается перевода Сербских народных песен на русский язык и печатания их вместе с оригиналом, то, я думаю, это было бы трудно — и перевести и печатать. Если же Вы думаете иначе, и если у Вас есть желание и время, соизвольте испробовать, когда получите эту первую книгу Сербских песен. Между тем, я опять прошу Вас постараться собрать мне подписчиков, сколько возможно (рекомендуйте кому-нибудь в Кракове и в Вильно, и в других местах, где хотите). Прося Вас об этом и приветствуя, как Вас, так и гг. Линде, Мацеёвского и Кухарского, с истинным почтением остаюсь Ваш покорный слуга

Вук Стефанович Караджич.

2

У Бечу $\frac{29 \text{ појемвр.}}{11 \text{ дек.}}$ 840^б

Високоблагородни Господине!

Примио сам почитајемо писмо Ваше од 19 Нојемврије/1 декемвр. и у њему приложеном полицу од f. 18 и 25 крајцара (за три читава егземплара новог изданија Српскијех народнијех пјесама) наплатио сам од Г. Штејнера. Кад се није више пренумеранта наћи могло, благодарим Вам од срца и на овоме. Од прве књиге овога изданија сад је у послу 36-ти табак, и како буде готова, одмах ћу гледати, да Вам три књиге Ваше пошаљем. Остале двије књиге надам се да ће се штампати брже од ове; јер је из почетка свашта тешко ⁷. Ако би сте и послѣје откуда добили кога пренумеранта, изволите ми послати. још се једнако надам, да ће што бити и од Г. Погодина из Москве.

Уд и *удан* заиста се говори у Српскоме језику, мјесто *худъ* и *худенъ* (јер се у народу нашем *х* слабо изговора, а по многијем мјестима не изговора нимало); но у среднему роду не каже се *удое* ни *удное* него *удо* и *удно*. Немац (и Нијемац и Нимац) у Српскоме језику значи: 1) ein Stummer, mutus ⁸; 2) der Deutsche Germanus ⁹.

Чудъ и *стальное* ја у Српскоме језику нијесам до сад чуо никако. За прву од ове двије ријечи ја не знам управо ни шта значи; *стальное* имају Руси, а Српски се *der Stahl, chalybs* ¹⁰, зове Турском ријечи *челик* и *мазија*; *das Eisen, ferrum* ¹¹ aber *гвожђе* (од Славенског *гвоздъ*) и *железо*. Ето Вам одговора на питање Ваше. Даклем и у Вас има таковијех писаатеља, који се другима намећу за учитеља у ономе, шта сами не разумију?

Поздрављајући љубезно и Вас и ГГ. Мацеёвскога и Кухарскога, и препоручујући и се за свагда Вашој пријателској љубави, с истиним високопочитанијем остајем

Ваш покорни слуга
Вук Караџић.

⁷ Первый том этого (шеститомного) издания вышел в 1841 г., второй — в 1845. третий — в 1846 г.

⁸ Немой (нем. и лат. яз.).

⁹ Немец (нем. и лат. яз.).

¹⁰ Сталь (нем. и греч. яз.).

¹¹ Железо (нем. и лат. яз.).

Его Высокоблагородии милостивому Государю Петру Дубровскому, учителю русского языка в Варшавской гимназии в Казимировском дворце Herrn Peter v. Dubrowsky in Warschau.

[5, ф. 120, А. Ф. и И. А. Бычковых, № 3700, л. 100—101 об.].

Ваше Высокоблагородие!

Получил Ваше уважаемое письмо от 19 нояб./1 декаб. и приложенный к нему вексель на 18 флоринтов и 25 крейцеров (за три полных экземпляра нового издания Сербских народных песен) от г. Штейнера. Если подписчиков больше не нашлось, сердечно благодарю Вас и за это. Сейчас в работе находится 36-й лист первой книги этого издания, и как только она будет готова, я немедленно позабочусь, чтобы Вам были посланы Ваши три книги. Остальные две книги, надеюсь, будут напечатаны быстрее, чем эта, так как вначале все трудно. Если бы Вы нашли где-нибудь какого-нибудь подписчика в будущем, то соизвольте отослать ко мне. Сейчас еще надеюсь, что что-нибудь будет и от Погодина из Москвы.

Уд и *удан*, действительно, говорится по-сербски вместо *худъ* и *худень* (так как народ наш слабо произносит *х*, а во многих местностях не произносится вообще); в среднем же роде не говорят ни *удое*, ни *удное*, а *удо* и *удно*. Немац (и Ниемац и Нимац) по-сербски значит: 1) ein Stummer, mutus; 2) der Deutsche, Germanus.

Чудъ и *стальное* до сих пор я ни разу не слышал в сербском языке. Первое слово я, вообще, не знаю, что значит; *стальное* есть у русских, а у сербов *der Stahl, chalybs* называется турецким словом *челик* и *мазија*; но *das Eisen, ferrum гвожђе* (от славянского *гвоздь*) и железо. Вот Вам ответ на Ваш вопрос. Значит и у Вас есть такие писатели, которые других берутся учить тому, в чем сами не разбираются?

Любезно приветствуя Вас и гг. Мацеевского и Кухарского и поручая себя раз и навсегда Вашей дружеской любви с истинным высокопочтением остаюсь Ваш покорный слуга

Вук Стефанович Караджич.

Письма эти среди другой корреспонденции были переданы А. Ф. Бычкову самим П. П. Дубровским.

И еще одно не вошедшее в научный оборот письмо Караджича хранится в Собрании автографов. Адресовано оно неустановленному лицу:

3

Ваше Высокоблагородие, Милостивый Государь!

Надеюсь, что Вы уже давно получили прежде половины года посланные Вам мною II и III ч[асти] народных Сербских песней; теперь имею честь послать Вам и I часть¹². Извините, Милостивый Государь! что я Вам сей части прежде *не мог* послать.

Честь имею также послать Вам одну книжку «Народне Српске приповјетке» и две книжки «Додатак к Санктпетербургским сравнительным рјечницима»; одну сих последних прошу отдать г-ну Челаковскому¹³ с моим почтением.

¹² Речь идет об издании Караджичем народных сербских песен (1823—1833).

¹³ Челаковский Франтишек (1799—1852), чешский поэт и фольклорист.

С истинным высокопочтением честь имею быть, Милостивый Государь,
Вашим покорнейшим слугою

Вук Стеф. Караджич

В Вене 4 ноября 824.

[5, ф. 1000, Собр. автографов].

Неизвестно, кому адресовано письмо, с уверенностью можно только сказать, что не А. Ф. Аделунгу, так как ему часть этих изданий («Приповѣтке» и «Додатак») была отправлена еще в 1822 г.

Все эти материалы попали в Публичную библиотеку от разных лиц и уже спустя годы после смерти Вука Караджича. Но начало собиранию материалов, связанных с его именем, было положено им самим. В 1859 г. Караджич продает Публичной библиотеке восемь редких старопечатных книг XV—XVII вв.: «Экземпляры этих весьма редких книг, отличающиеся сохранностью и полнотою, или были для нас приобретениями совершенно новыми, или заменили собою находившиеся в нашей богатой коллекции неполные экземпляры» [15, с. 16—17].

В 1860 г. Караджич присылает в дар Публичной библиотеке 15 книг, относящихся к истории Сербии и сербскому фольклору [16]. Это, главным образом, труды самого Караджича, либо его издания. Перечень их устанавливается по данным Архива ГПБ [17]¹⁴.

Книги эти примечательны тем, что имеют автографы Вука Караджича — его дарственные надписи Публичной библиотеке. Все эти надписи однотипны: «В Императорскую Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге Вук Караджич. Вена». Разница лишь в том, что одни помечены «2 февраля», другие — «3 февраля» 1860 г.

С такими автографами к настоящему времени обнаружено 10 книг. В одной из них надпись дополнена фразой: «Лучшего экземпляра по ныне не имею».

Что касается остальных пяти экземпляров, то в одном случае сохранился лишь верхний лист бумажной обложки с автографом Караджича. Здесь к надписи добавлено еще одно слово в скобках — «сочинитель». Сама книга утрачена. Ее название отождествлено по старому шифру, оставшемуся на обложке.

В двух других случаях, наоборот, утрачены автографы в связи с переплетом книг (сами же издания сохранились). Причем в одном случае в шкафной описи отделения Slavica иностранного фонда, куда название книги было занесено еще до ее переплета, есть помета библиотекаря — «С автографом В. Караджича». В другом — не сохранилась обложка, но пометка о годе покупки и реестровый номер аналогичны соответствующей записи в реестре Архива ГПБ за 1860 г. Два из 15 подаренных Караджичем библиотеке изданий обнаружить не удалось.

И еще одна книга с автографом — шестнадцатая — была отправлена Караджичем в библиотеку несколько позже. Надпись на ней датирована 20 июля 1860 г.¹⁵

Кроме этих экземпляров, подаренных непосредственно Публичной библиотеке, в составе ее основного фонда удалось выявить еще несколько книг с автографами Вука Караджича. Пять из них адресованы Федору Павловичу Аделунгу. Первая дарственная надпись сделана на Словаре сербского языка, который и был вручен Аделунгу во время пребывания Караджича в Петербурге, вероятно, им лично: «Господину Статскому советнику и кавалеру Фрид[риху] Аделунгу Вук Стефанович. У Петербургу марта 819».

На двух книгах сделаны идентичные надписи, относящиеся к 1820 г.: «Его высокоородию милостивому государю Фридриху Аделунгу, г[оспо]ди-

¹⁴ Подробнее обо всех этих приобретениях см. [18].

¹⁵ Интересно, что в библиотеку издание попало не сразу. Оно оказалось среди книг, полученных библиотекой в дар от А. И. Неустроева в 1863 г. [19].

ну Статскому советнику и кавалеру etc, etc, etc. с величайшим высокопочитанием. Сочинитель. В Вене 21 апрель 822».

Аналогичные, с небольшими вариациями дарственные надписи сделаны на отправленных Аделунгу из Вены двух экземплярах «Даницы» за 1826 и 1827 гг. Одна надпись помечена 28 января 1826 г., другая не датирована (скорее всего, она относится к 1827 г.).

Богатое собрание книг и рукописей Ф. П. Аделунга (1768—1843) было приобретено Публичной библиотекой у его наследников 31 декабря 1858 г. (часть попала в библиотеку Санкт-Петербургского университета). В составе этого собрания, вероятно, находились и указанные издания с автографами Караджича [20; 15, с. 14—16].

Кроме перечисленных книг, в фондах Публичной библиотеки обнаружено еще несколько изданий, имеющих автографы Вука Караджича. Это его «Письмо Димитрију Фрушићу, доктору медицине. У Бечу, 1819». Текст дарственной надписи следующий: «Из Беча 4/16 окт. 821. варшавскомезеикоиспитателном друштву шиле Вук Степановић». В середине титульного листа есть помета на польском языке, вероятно, рукой библиотекаря: «Bibl[ioteka] Tow[arzystwa] Król[ewskiego] Prz[yjació] Nauk».

Скорее всего, именно этому обществу, одной из задач которого было сохранение языка от посторонних влияний, адресовал свою работу Караджич. Библиотека общества (кроме раздела Polonica) была после прекращения его существования (1800—1832) передана в 1833 г. Публичной библиотеке в Петербурге [21].

Одно из изданий — «Караѿић Вук Стеф. Милош Обреновић, кнез Сербие или графа за српску историју нашега времена. У Будиму, 1828» адресовано Караджичем «в знак высокопочтения» Вольному обществу любителей российской словесности, членом-корреспондентом которого он был избран 25 августа 1819 г. Автограф не датирован, однако можно предположить, что он относится примерно к времени издания. Публичной библиотекой экземпляр был приобретен 29 октября 1907 г. в числе других славянских книг у болгарского книгопродавца Д. Панайотова [22].

Автограф Караджича был обнаружен также на его труде «Народне српске пословице и друге различне, као оне у обичај узете ријечи. На Цетињу, 1836»: «Его превосходительству Господину Генералмайору и кавалеру Петру Димчевичу посылает издатель в знак незабвенных благодарности за милости указанные покойному сыну его Савве. Вена, 27 мая 1837 г.»¹⁶. Публичная библиотека приобрела эту книгу, в числе 114 томов, у сенатора Г. К. Репинского 16 апреля 1874 г. [23]. Однако прежде она побывала, судя по записи, в составе библиотеки А. Н. Неустроева. Как экземпляр попал к Неустроеву — сказать трудно. Можно только допустить, что П. С. Димчевичу издание передано не было.

Еще один материал, связанный с именем Вука. Это стихотворение епископа Л. Мушицкого — «Сочинения Державина у Шишатовцу. 21 марта 816», написанное на смерть поэта. Текст его переписан рукой Караджича. Скорее всего, это один из первоначальных вариантов стихотворения; он отличается от опубликованного уже после смерти Мушицкого [24]. На л. 2 об. есть помета на немецком языке, сделанная неустановленным лицом: «Wuk Stephanovich, mit Briefen des Herrn v. Kopitar. Custos an der K. K. Hofbibliothek in Wien».

Этот вариант стихотворения может явиться дополнительным материалом к изучению поэзии Л. Мушицкого, как и отношений Державина с балканскими славянами. Как этот текст попал к К. Ф. Калайдовичу, в фонде которого он находится, — установить не удалось [5, ф. 328, К. Ф. Калайдовича, № 42, л. 62—63].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что хранящиеся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде автографы Караджича являются ценным материалом, позволяющим внести уточнения в биографию ученого, дополнить представления о

¹⁶ Сын Караджича Савва учился в Институте корпуса горных инженеров в Петербурге. Здесь он и скончался в конце апреля 1837 г.

его контактах с русскими учеными и научными организациями. Эти автографы представляют несомненный интерес для исследователей, занимающихся вопросами русско-славянских культурных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ГПБ, Серб.
2. *Киселева Л. И.* Книжное собрание Вука Караджича.— В кн.: Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX вв. Л., 1979, с. 62—78.
3. *Николић И.* Неки рукописи Вукових српских народних песама у Лењинградској Публичној библиотеци.— Анали филолошког факултета, 1964, № 4, с. 299—307.
4. *Николић И.* Непознати Вукови рукописи у Лењинграду.— Политика, 19 янв. 1964, с. 17—18.
5. Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Общ. собр. иностр. автографов.
6. Archiv für slavische Philologie. Т. 2, 1877, S. 726—743.
7. Вукова преписка. Т. 2. Београд, 1908.
8. ОРРК ГПБ, ф. 894, В. И. Ягича.
9. Источники для истории славянской филологии. Т. II. СПб., 1897.
10. Вукова преписка. Т. 3. Београд, 1909.
11. *Анастасий (Александров А. И.)* Из переписки В. С. Караджича с Стефаном (Кнежевичем), епископом Далматинским.— Русский филологический вестник, т. 39, 1898, с. 4—7.
12. *Добрашиновић Г.* Архивска грађа о Вуку Караџићу. 1813—1864. Београд, 1970.
13. *Погодин М. П.* Из письма Ординарного профессора Московского Университета к Г. Министру Народного просвещения из Германии.— ЖМНП, 1836, июль, ч. 11, с. 671—675.
14. *Гусев В. Е.* Содействие русских ученых путешествиям Вука Караджича.— В кн.: Rad XI Kongresa Saveza folklorista Jugoslavije u Novom Vinodolskom. 1964. Zagreb, 1964, s. 263—273.
15. Отчет ПБ за 1859 г. СПб., 1860.
16. Отчет ПБ за 1860 г., СПб., 1861, с. 87.
17. Архив ГПБ, 1860 г. Реестр № 2 для записи книг, брошюр и рукописей, поступивших в дар библиотеке в 1860 г., № 1301—1315. л. 11об.—12.
18. *Вялова С. О.* Вук Караджич и Публичная библиотека.— В кн.: Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. ОРРК ГПБ. Л., 1984, с. 49—75.
19. Архив ГПБ, Реестр № 2 для записи книг, нот, эстампов и рукописей, поступивших в дар в 1863 г., № 2068, л. 5.
20. Отчет ПБ за 1858 г. СПб., 1859, с. 39.
21. *Radziszewski Fr.* Wiadomość historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych tak niegdyś byłych jako i obecnie istniejących w krajach dawną Polskę składających. Kraków, 1875, l. 94.
22. Архив ГПБ, 1907 г. Реестр для записи книг, нот, карт, планов, эстампов и рукописей, купленных библиотекой за 1907 г., № 3878, л. 78об.
23. Архив ГПБ, 1874 г. Реестр для записи книг, эстампов, нот, карт и рукописей, поступивших в библиотеку за 1874 г., № 3304, л. 61.
24. Лукиана Мушицкого стихотворения. У Пешти, 1838, кн. I, с. 26—28.

НАХОДКИН Н. Г., НИМЧУК В. В.,
ЗЫКОВ Г. А., МАТВЕЕВ В. Т.

ПРИМЕНЕНИЕ ЛАЗЕРНОГО ИСТОЧНИКА ИОНОВ ДЛЯ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СОСТАВА КРАСИТЕЛЕЙ РУКОПИСНЫХ ТЕКСТОВ

Для истории культуры различных народов большое значение имеет атрибуция памятников письменности, т. е. определение их подлинности, места и времени создания. Атрибуция опирается на изучение идейного содержания памятника, его стилистических, но также и технологических признаков, например, состава красителей, клея, пергамента или бумаги и т. п. Сравнение атомных составов материалов неизвестного памятника с известными облегчает атрибуцию. Применяемые для этого физические и химические методы разнообразны и дополняют друг друга. Предпочтение отдают не разрушающим или почти не разрушающим методам анализа. Одним из таких почти не разрушающих методов локального микроанализа атомного состава является масс-спектрометрия с лазерным источником ионов (МСЛИИ). В последнее время он находит практическое применение [1—8]. В частности, в [8] было показано, что МСЛИИ позволяет определять атомный состав красителей печатных и рукописных текстов. Поэтому мы применили МСЛИИ для сравнительного исследования атомного состава красителей памятников письменности.

Объектами исследования были выбраны рукописные тексты, хранящиеся в Центральной научной библиотеке АН УССР: 1) Слепченский апостол конца XII в. (шифр: ДА/П.25); 2) древнерусское Оршанское евангелие XIII в. (шифр: ДА/П.555); 3) Греческое евангелие XIII в. (шифр: Ф. 72. № 1); 4) письмо В. Ганки 1845 г. (шифр: Ш.11150) и Киевские глаголические листки (КЛ). Первые четыре рукописи датированы, тогда как относительно аутентичности КЛ и времени их создания единого мнения в литературе нет [9].

Метод и конструкция прибора подробно описана в [6], поэтому нет необходимости останавливаться на этих вопросах. Отметим лишь, что: минимальный вес пробы, достаточный для проведения анализа, составляет $10^{-7} \div 10^{-6}$ г, при этом с поверхности образца испаряется вещество в окружности $50 \div 200$ мкм и по толщине $1 \div 1,5$ мкм, что не наносит существенного ущерба исследуемому памятнику; метод применим для исследования образцов произвольной формы без предварительной их обработки, если это не предусмотрено условиями эксперимента; последовательное зондирование объекта импульсами лазерного излучения в одной и той же выбранной точке дает возможность определить изменение его атомного состава по глубине, либо наличие наслоений и загрязнений с разрешением по глубине ~ 1 мкм; диапазон элементного анализа простирается от 1 до 300 атомных единиц массы, при разрешающей способности прибора ~ 400 .

Отбор пробы красителя рукописного текста производился следующим образом. На штрихе выбранной в тексте буквы небольшим вращением

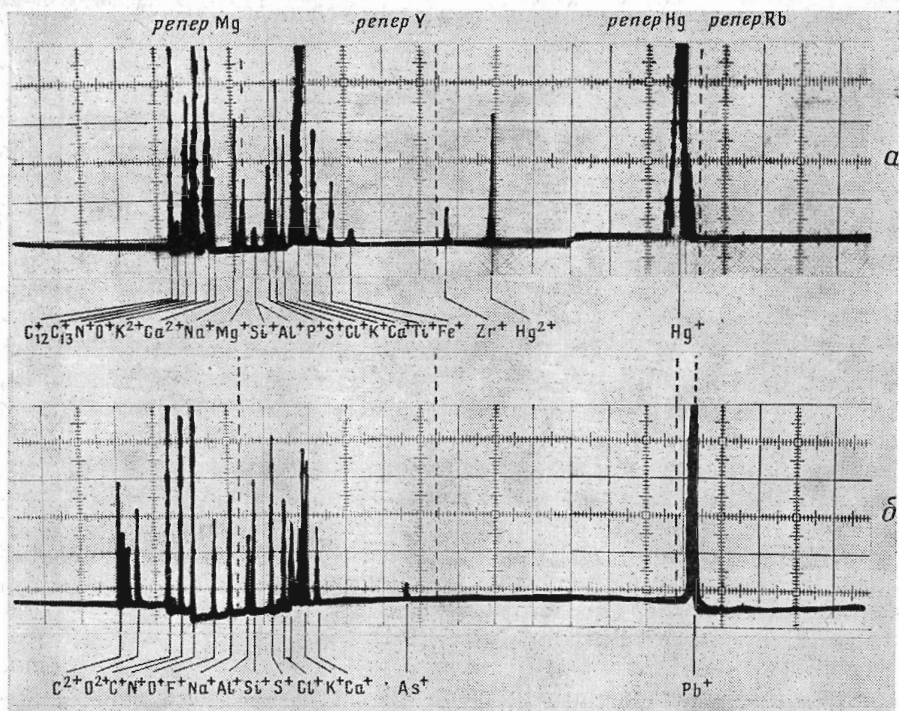

Рис. 1

Рис. 1. Масс-спектрограмма ярко-красного красителя буквы с 37-й страницы Греческого евангелия XIII века (а), красного красителя буквы с 10-й страницы Киевских глаголических листков (б).

Рис. 2. Вид исследуемой (а) и реперной (б) линии ртути.

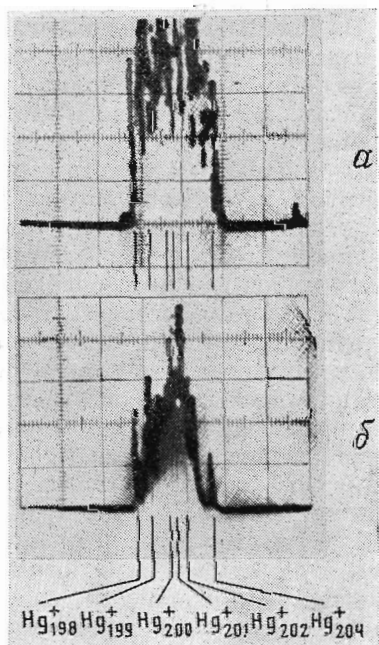

Рис. 2

металлической трубки диаметром ~ 1 мм протчерчивался кружок пробы красителя, который затем иглой или пинцетом переносился на фильтровальную бумагу и фиксировался на ней клеем БФ-2. Отобранные пробы вместе с пробами известных простых веществ, предназначенных для получения от них реперных линий масс-спектров, закреплялись на подвижном предметном столике в камере масс-спектрометра. После герметизации и откачки прибора, перемещением столика выбиралась соответствующая проба и производился анализ ее атомного состава.

Размер пробы позволял производить несколько измерений. Масс-спектры фильтровальной бумаги и клея БФ-2, используемые для фиксации проб,

содержат интенсивные линии водорода, кислорода, углерода и азота. Поэтому анализ и идентификацию необходимо производить по другим элементам, входящим в состав красителей.

На рис. 1а приведен масс-спектр красителя ярко-красной буквы 37-й страницы Греческого евангелия. Пунктиром изображено положение реперных линий. Видно, что красный краситель Греческого евангелия, кроме органики (Н, О, С и N) и щелочных металлов, содержит много ртути и серы. Можно предположить, что в этом рукописном тексте в качестве красного красителя была использована киноварь (сернистая ртуть).

Кроме яркого красного красителя на той же и других страницах рукописи встречаются красные буквы других оттенков, например, багряного. В состав этого красителя входят железо, кремний, кислород и следы ртути. Можно предположить, что багряные буквы написаны железным суриком — природным красителем, состоящим из окиси железа с небольшим количеством глинистых веществ и кварца. Цвет такого красителя в зависимости от примесей изменяется от вишнево-красного до желто-красного.

На рис. 1б приведен масс-спектр красного красителя букв с 10-й страницы КЛ. Видно, что в нем одной из самых интенсивных линий является линия свинца. Сравнение этого масс-спектра со спектром для багряного, а также ярко-красного красителя в Греческом евангелии, приведенном на рис. 1а, указывает на различие по химическому составу красного красителя КЛ и Греческого евангелия. Красный краситель КЛ — это, по всем признакам, сурик (сатурн-киноварь, Pb_3O_4).

Идентификация отдельных линий масс-спектров устанавливалась расчетным путем, а также путем сравнения их положения и формы в масс-спектрограмме, в которой имеются соответствующие реперные линии веществ известного состава.

На рис. 2а приведена линия ртути красителя Греческого евангелия и от соответствующей эталонной линии простого вещества, содержащего ртуть (2б). Видно, что тонкая структура линий, определяемая изотопным составом исследуемых веществ, хорошо коррелирует с реперными линиями.

Исследование атомного состава красителей КЛ при помощи методики лазерной масс-спектрометрии подтвердило мнение исследователей [9; 10] о том, что первая и последующие страницы этого уникального памятника славянской письменности отличаются по химическому составу чернил. Так, в черном красителе первой страницы КЛ отсутствует примесь магния, тогда как в таком же красителе во всех последующих листах магний есть. Источником примеси магния могла быть камедь, раствор которой обычно использовался для изготовления чернил [11]. На различный период написания первой и последующих страниц КЛ указывает содержание в черном красителе и другой характерной примеси — иттрия. Иттрий всегда обнаруживался в основной части КЛ и отсутствовал на первой странице.

Черный краситель всех исследованных рукописей содержал в большом количестве примесь железа, как это и должно было иметь место при использовании галловых чернил, приготовленных на основе чернильно-орешковой кислоты и окисленного железа. Такими чернилами обычно писалось большинство рукописных книг [11]. И различия в атомном составе чернил в этих книгах необходимо искать по содержанию в них не железа, а примесей таких элементов, которые попадают в процессе приготовления чернил из сырья, как это имело место в КЛ на примере примесей магния и иттрия.

Таким образом, на основании проведенного экспериментального исследования можно сделать вывод, что метод масс-спектрометрии с лазерно-плазменным источником ионов для локального микроанализа атомного состава веществ вполне пригоден и полезен для изучения памятников письменности. Атомный состав веществ памятника дает дополнительные сведения, облегчающие его идентификацию и атрибуцию. Данный метод может быть использован не только для исследования древних рукописей, но и для исследования других памятников культуры — произведений изобразительного искусства, металлических изделий, керамики, стекла и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быховский Ю. А., Дорофеев В. И., Дымович В. И. и др. Масс-спектрометр с лазерным источником ионов для определения микропримесей.— ЖТФ, 1969, № 39.
2. Девятых Г. Г., Гапонов В. И., Ковалев И. Д., Ларин Н. В., Лузин В. И., Максимов Г. А., Понтус Л. И., Сугаков А. И. О возможности микролокального анализа на лазерном масс-спектрометре.— ЖТФ, 1976, № 2.
3. Conzemius R. J., Capellen J. M. A Review of the Applications to Solids of the Laser Ion Source in Mass Spectrometry.— International Journal of Mass Spectrometry and Ion Physics, 1980, № 34.
4. Dingle T., Griffiths B. W., Ruckman G. C. LJMН a laser induced ion mass analyser.— Vacuum, 1981, № 10—12.
5. Зыков Г. А., Матвеев В. Т., Находкин Н. Г., Рябова Т. Я. Изучение поверхностного и объемного состава твердых тел методом лазерной масс-спектрометрии.— Тезисы докладов XV Всесоюзной конференции по эмиссионной электронике. Т. I. Киев, 1973.
6. Находкин Н. Г., Зыков Г. А., Матвеев В. Т. Применение лазерной вспышки для одновременного масс-спектрометрического исследования атомного и газового состава твердых тел.— Физическая электроника. Республиканский научн.-техн. сб. Львов, 1979.
7. Находкин Н. Г., Гончаренко В. И., Зыков Г. А., Матвеев В. Т. Возможности использования лазерного масс-спектрометра в криминалистике.— Радянське право, 1974, № 7.
8. Гончаренко В. И., Зыков Г. А., Находкин Н. Г. Возможности и проблемы получения доказательственной информации с помощью лазерной масс-спектрометрии.— Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. Научн.-техн. сб. Киев, 1980.
9. Німчук В. В. Київські глаголичні листки. Київ, 1983.
10. Слов'янські рукописи XI—XIV ст. у фондах Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки Академії наук УРСР/Составитель М. В. Гепшнер с участием Визира Н. П., Шубинского И. В. Киев, 1969.
11. Леонгардт Д. С. Чернила, их происхождение и значение.— В кн.: Реставрация и дезинфекция книг и бумаг. М., 1939.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ КНИГА О ЮГОСЛАВИИ

В серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма» издательство «Наука» выпустило в свет коллективную монографию «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» (М., 1985), подготовленную Институтом экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР¹. Тем самым сделан важный шаг вперед в изучении актуальных проблем развития дружественного социалистического государства.

Необходимо отметить, что некоторые вопросы, поднимаемые в рецензируемой монографии, отчасти уже нашли свое освещение в советской историографии. В 1966 г. Л. Ф. Кариня, Ю. К. Князев, и Л. В. Тягуненко опубликовали работу «Экономика Югославии», где рассматривались основные аспекты экономического и социально-политического развития СФРЮ за первое послевоенное двадцатилетие. Спустя несколько лет, в 1975 г. ИЭМСС АН СССР издал исследование «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» (отв. ред. Л. А. Никифоров), посвященное анализу общественно-политического, хозяйственного и социально-экономического развития СФРЮ вплоть до середины 70-х годов.

И вот перед нами работа, где достаточно четко прослеживаются определенная преемственность по отношению к исследованиям прошлых лет и в то же время — новые подходы к поднимаемым проблемам.

Монография состоит из пяти разделов. В первом затрагиваются вопросы периодизации социалистического строительства в СФРЮ; второй — посвящен развитию политической системы югославского общества; в третьем — исследуются про-

цессы хозяйственной жизни Федерации; в четвертом — проблемы жизненного уровня трудящихся и в пятом — внешняя политика и внешнеэкономические связи страны.

В книге сделана попытка четко определить главные этапы строительства нового, социалистического общества в СФРЮ. Авторы показывают, что уже во второй половине 40-х годов в чрезвычайно сложных условиях послевоенного развития народам Югославии под руководством КПЮ и при поддержке Советского Союза удалось добиться восстановления экономики и превысить довоенный уровень промышленного производства. В этот период заметно упрочились позиции государственного сектора в народном хозяйстве Федерации, сложились политическая система, централизованная система народно-хозяйственного управления и планирования, был создан ряд необходимых предпосылок для успешного строительства социализма.

Переход ко второму этапу социалистического строительства (1950—1963) связан с разработкой и проведением в жизнь концепции, получившей название рабочего самоуправления. На этой стадии в стране была проведена реорганизация хозяйственного механизма, и процесс децентрализации управления постепенно начал охватывать и непромышленную сферу. В экономике широкое распространение получили принципы хозяйственной самостоятельности отдельных предприятий. Определенная перестройка затронула также органы народной власти, политическую систему югославского общества.

Все эти изменения были закреплены в Конституции 1963 г., с принятием которой, согласно мнению авторов, начинается третий этап в послевоенном развитии СФРЮ (1963—1974). Его характеризует тенденция к интенсификации экономики, внедрению в народное хозяйство прогрессивной техники и технологии. Все это нашло отражение в ходе общественно-

¹ Редакционная коллегия: Л. А. Никифоров (отв. ред.), Л. В. Тягуненко, О. А. Дзыза. Авторский коллектив: Л. В. Тягуненко; В. М. Каменевский; О. А. Дзыза; Ю. П. Островидов; Е. Ю. Островидова; Н. В. Куликова; А. В. Коробков; М. В. Шкапкина; Ю. К. Князев; В. П. Шрам; Л. С. Аблазова; В. С. Милованов; Ю. С. Гиренко.

экономической реформы 1965 г. Однако наряду с позитивными результатами в процессе проведения реформы, выявились и определенные трудности. Обострение хозяйственной ситуации, связанное, в первую очередь, со структурными и региональными диспропорциями в развитии экономики, сложностями в сфере межреспубликанских отношений, достигло кульминации к началу 70-х годов и послужило отправной точкой для поиска путей к решению имевшихся проблем.

С принятием в 1974 г. новой Конституции СФРЮ, утвердившей изменения в экономической и политической жизни Югославии, начинается нынешний этап развития, обозначенный в партийных и государственных документах страны как этап социалистического самоуправления. Именно ему и посвящено основное внимание авторов монографии.

Важное место в работе занимают проблемы развития и совершенствования политической системы СФРЮ. Книга знакомит читателей с основными положениями теоретической концепции политической системы самоуправления, выдвигаемой югославскими политологами, с разработанной ими теорией социалистического государства применительно к условиям современной Югославии, с положениями, определяющими участие трудящихся республики в управлении экономической и обществом.

На основе анализа Конституции СФРЮ 1974 г., других законодательных актов авторы показали структуру и динамику развития органов народной власти на всех уровнях, от местных до федеративных. В монографии затрагиваются вопросы межреспубликанских отношений, проблемы упрочения единства страны, прослеживается линия борьбы за повышение роли партии в обществе, ее идейное и организационное единство.

За годы народной власти достигнут огромный прогресс буквально во всех отраслях, будь то промышленность, транспорт, строительство, связь или сельское хозяйство. В результате из некогда отсталой в экономическом и культурном отношении страны Югославия превратилась в среднеразвитое индустриально-аграрное государство. Однако, отмечается в монографии, согласно оценкам ведущих югославских экономистов, партийных и государственных деятелей, в последние годы в развитии экономики республики обозначился ряд негативных явлений и трудностей. В работе рассматриваются причины сложившейся ситуации и комп-

лекс мер, намеченных партийным и государственным руководством для ее преодоления и повышения эффективности экономики.

В процессе социалистических преобразований существенно изменилась социально-классовая структура СФРЮ. Проведение социалистической индустриализации в первую очередь способствовало росту рядов рабочего класса, повышению его профессионального уровня и удельного веса в общей массе экономически активного населения страны. В монографии рассматриваются источники пополнения рабочего класса, процессы миграции сельскохозяйственного населения, межотраслевого перераспределения рабочей силы, а также вопросы трудоустройства и трудовой эмиграции.

Авторы подчеркивают, что на всех этапах социалистического строительства в центре внимания партийного и государственного руководства находились вопросы, связанные с ростом народного благосостояния. Практика 70—80-х годов показывает, что на фоне роста номинальных доходов в СФРЮ наметилась тенденция к снижению реальной заработной платы рабочих и служащих, занятых в социалистическом секторе народного хозяйства. Наряду с этим заметно усилился процесс неоправданной дифференциации трудящихся по уровню денежных доходов и другим параметрам. В монографии освещаются меры по совершенствованию системы распределения и оплаты по труду, предпринимаемые в последние годы. Не менее интересным, на наш взгляд, представляется освещение проблем жилищного строительства, динамики и структурных изменений в потреблении в СФРЮ, которые в целом отражают заметное повышение жизненного уровня югославских трудящихся, происшедшие за годы народной власти.

Опираясь на провозглашенные в Конституции принципы мирного сосуществования, равноправного сотрудничества и неприсоединения, СФРЮ придает большое значение развитию и упрочению политических контактов с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Она активно участвует в решении острых международных проблем современности. Важную роль для развития народного хозяйства Югославии играют ее внешнеторговые связи с социалистическими странами, участие в деятельности СЭВ.

Отношения СФРЮ с капиталистическими государствами имеют достаточно раз-

носторонний характер, но в первую очередь они охватывают сферы экономического и научно-технического сотрудничества. Наряду с констатацией всестороннего, стабильного характера советско-югославского сотрудничества на современном этапе, в работе отмечается, что «возникающие в его практике проблемы удается решать взаимными усилиями, посредством товарищеского диалога, находить пути обеспечения устойчивого развития равноправного сотрудничества, несмотря на имеющиеся различия в методах социалистического и коммунистического строительства в СССР и СФРЮ, а также в подходах к некоторым международным вопросам» (с. 303).

Работа, возможно, несколько выиграла бы в том случае, если бы в ней, наряду с поднятыми проблемами, были рассмотрены вопросы культурного строительства в СФРЮ. Однако это ни в коей мере не снижает значимости рецензируемого исследования.

Искольдский А. И.

VOŠAHLIKOVÁ P. Československá socialistická demokracie a Národní fronta. Praha, 1985, 218 s.

ВОШАГЛИКОВА П. Чехословацкая социал-демократия и Национальный фронт

В современную чехословацкую историческую науку пришло новое поколение исследователей, сформировавшееся в 70-х — начале 80-х годов. К этому поколению принадлежит и автор рецензируемой монографии.

Исследование политической эволюции Чехословацкой социал-демократической партии в 1945—1948 гг. имеет важное значение для понимания движущих сил развивавшейся в указанные годы в стране революции. Автором прослежены изменения в политических взглядах средних слоев, имевших в чешском обществе значительное политическое влияние, особенно той их части, которая эволюционировала к концу войны влево и составила массовую базу социал-демократии после освобождения страны Советской Армией.

Изучение развития этой партии в годы перерастания национально-демократической революции в социалистическую, в том числе сложной борьбы течений, представлявших интересы социально разнородных сил, объединившихся в партии, способствует более глубокому пониманию процесса складывания вокруг рабочего класса широкого антикапиталистического союза сил, который сформировался к концу 1947 г.

Источниковую базу работы П. Вошагликовой составляют не только тщательно изученные документальные публикации, материалы прессы, мемуары политических деятелей, но и фонды ряда архивов — Центрального государственного архива ЧССР, Архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ, Архива Нацио-

нального собрания ЧССР, Архива Центрального совета революционного профсоюзного движения и др. Это позволило автору ввести в научный оборот много нового фактического материала.

Опираясь на широкий круг источников и литературы, раскрывающих центральные проблемы революционного процесса в стране в 1945—1948 гг., автор убедительно доказала, что идейная и политическая дифференциация в социал-демократической партии в рассматриваемые годы являлась отражением общего политического развития в стране и сложной дифференциации классовых сил в Национальном фронте чехов и словаков.

В рецензируемой работе прослеживаются два основных комплекса проблем: один из них связан с анализом отношений социал-демократии с другими партиями Национального фронта, являвшегося фундаментом новой послевоенной политической структуры чехословацкого общества; другой — с вопросом борьбы за политическую ориентацию партии социал-демократов в 1945—1948 гг. между ее левыми силами, возглавляемыми З. Фирлингером, и правооппортунистическим крылом. П. Вошагликовой удалось раскрыть факторы, приведшие к существенному изменению политической роли и места этой партии в послевоенном чехословацком обществе, показать, что слабая организационная структура, реформистские взгляды части членов и руководства, нечеткость программных требований обусловили ослабление ее влияния в рабочем классе.

Партия социал-демократов, пишет автор, предлагала «политическую платформу, приемлемую для тех представителей так называемых средних слоев, кто придерживался левых взглядов и антифашистских позиций и критически относился к межвоенному политическому развитию как в Чехословакии, так и во всем мире» (с. 49). Вместе с тем эти слои имели предубеждения против коммунистов и были подвержены влиянию реформистских и мелкобуржуазных традиций, которые еще сильны были в чешском обществе в послевоенный период. Как показано в рецензируемой работе, социал-демократам не удалось повести за собой тех союзников рабочего класса из средних слоев, которые эволюционировали влево.

Усилившиеся в связи с углублением революционного процесса противоречия внутри Национального фронта и фактический распад в начале 1946 г. Социалистического блока, в который входили КПЧ, социал-демократы и национальные социалисты, повлекли за собой существенное ослабление влияния левого руководства в социал-демократии и активизацию в ней правых, реформистских сил. Последние все больше и больше склонялись к тесному сотрудничеству с буржуазным крылом Национального фронта. Процесс дифференциации в партии социал-демократов стал развиваться особенно интенсивно после выборов в парламент в мае 1946 г., в ходе которых эта партия с ее «срединной» позицией потерпела поражение. Тогда четко обозначилась тенденция голосовать за крайние фланги.

Автор обстоятельно и впервые в исторической литературе прослеживает постепенный отход части руководства социал-демократической партии от программных принципов, принятых в октябре 1945 г. на ее XX съезде, и показывает формирование группы «центра» во главе с Б. Лаушманом. Политика левого руководства все острее стала подвергаться критике как справа, так и из центра. Результаты XXI съезда социал-демократии (ноябрь 1947 г.), проходившего в обстановке усилившейся политической борьбы в стране, как показано в рецензируемой работе, означали оттеснение левых сил от руководства. Правому крылу во главе с В. Майером удалось объединить широкую оппозицию, включавшую кроме самих правых также и представителей групп центра.

Оценивая результаты съезда, П. Вошагликова приходит к выводу, что избрание председателем партии Лаушмана

означало для правого крыла вынужденный компромисс, поскольку лидеры этого крыла понимали: ни делегаты съезда, ни члены партии в целом не поддержат правого председателя-антикоммуниста и программу, отрицавшую принципы, выдвинутые XX съездом (с. 96).

Политическая борьба в социал-демократической партии в 1947 г. свидетельствовала о существовании острых противоречий среди социал-демократов. Однако отсутствие позитивной программы, на основе которой произошло бы объединение правых и центристских оппозиционных сил, оставляло открытым вопрос о политической ориентации партии. Это был, по мнению автора, один из доводов, почему левое крыло, занимавшее до XXI съезда в основном оборонительную тактику, после съезда перешло к активным действиям. Главной его задачей стала мобилизация своих сторонников. Одновременно с активизацией левых начался распад правоцентристской оппозиции, которая добившись, как показывает П. Вошагликова, основной своей цели — «свержения» Э. Фирлингера с поста председателя утратила свою объединяющую платформу (с. 97).

В партии шло противоборство отдельных фракций и групп по всем важнейшим проблемам внутренней и международной политики. Весьма часто социал-демократические лидеры и в Национальном фронте, и в Национальном собрании стали выступать с критикой предложений коммунистов. Вместе с тем, как подчеркивает автор, несмотря на проявившиеся разногласия и отход социал-демократов от прежней политики сотрудничества с КПЧ, еще длительное время сохранялось взаимодействие двух этих партий по вопросам экономической политики.

Центристское руководство социал-демократической партии, используя противостояние в Национальном фронте двух лагерей — КПЧ, с одной стороны, и национальных социалистов, представителей словацких демократов и народной партии, с другой, пыталось превратить партию в своеобразный мост между коммунистами и правыми партиями Национального фронта и тем самым добиться определяющего положения ее в общественной жизни. Таким способом оно стремилось реализовать свою концепцию установления в стране особого социализма, отвечавшего якобы специфическим социальным и экономическим условиям Чехословакии. Однако, как убедительно показано в рецензируемой работе, внешнеполи-

тические условия и внутреннее развитие страны в конце 1947 г., и, в частности, возникший кризис в Национальном фронте, свидетельствовали, что идея создать из социал-демократии решающую «третью» политическую силу не имела под собой реальной почвы (с. 100).

Приводимые в работе материалы свидетельствуют, что буржуазные политики в борьбе против коммунистов возлагали большие надежды на социал-демократическую партию, в особенности на ее правый фланг. С его помощью они надеялись добиться большинства в правительстве и парламенте. В конце 1947 г., пишет автор книги, между национальными социалистами, с одной стороны, и правыми социал-демократами, а также группой центра, с другой, было достигнуто соглашение о совместных действиях в Национальном фронте против «диктатуры» одной партии, т. е. против КПЧ (с. 111). Это соглашение означало открытый переход руководства социал-демократической партии на сторону реакции.

В ответ левое крыло партии существенно активизировало свою деятельность по мобилизации всех имевшихся в его распоряжении сил в Центральном совете профсоюзов, в ЦИК партии, в низовых государственных, партийных и профсоюзных органах с тем, чтобы предотвратить выступление социал-демократии в момент политического кризиса в февральские дни 1948 г. на стороне реакции и «убедить

многих членов в необходимости активного сотрудничества с коммунистами» (с. 127).

«В ходе февральского политического столкновения,— пишет в заключение книги Вошагликова,— яснее, чем когда-либо ранее, стал очевиден факт, что послевоенная социал-демократия была конгломератом весьма разнородных и часто противоположных сил, которые были объединены на время и чисто формально» (с. 121). Февраль 1948 г. по существу завершил идейную и политическую борьбу внутри социал-демократической партии.

Автору книги удалось подробно осветить проблему противоборства различных течений в социал-демократии в период перерастания национально-демократической революции в социалистическую и ответить на вопрос, почему идеология социал-демократизма — одна из самых распространенных в буржуазной джонхенской республике не смогла стать действительным фактором общественной и политической жизни. Социал-демократам не удалось стать «третьей» силой в классовом противоборстве коммунистов и их противников.

Оценивая работу П. Вошагликовой, можно сказать, что современная чехословацкая историография пополнилась интересным и важным исследованием по истории социал-демократии и ее роли в послевоенном развитии Чехословакии.

Терехов В. П.

Medzinárodný význam februáru 1948 (Slovanske studie), Bratislava, 1983, 121 s.

Международное значение Февраля 1948 г. (Славянские исследования)

В последние десять лет чехословацкие историки много внимания уделяют изучению различных аспектов процесса перерастания в их стране национально-демократической революции в социалистическую в период 1945—1948 гг. [1]. Среди большого числа изданных в эти годы монографий, посвященных Февральским событиям 1948 г. в Чехословакии, большой интерес представляет сборник статей словацких историков, вышедший под редакцией известного историка Й. Грозиенчика. В нем исследуются различные аспекты до сих пор малоизученной социалистической революции в Чехословакии, освещаются отклики на нее в Советском Союзе

и в странах народной демократии и Европы.

Сборник открывается вступительной статьей Й. Грозиенчика, в которой подчеркивается важная роль таких предпосылок социалистической революции в Чехословакии, как победа Советского Союза в Великой Отечественной войне и освобождение страны советской армией (с. 5). Говоря о международном значении Февральских событий, Й. Грозиенчик ссылается на выступление К. Готвальда на IV областной конференции КПЧ в Праге с 28 марта 1948 г., где было сказано: «Тот факт, что именно у нас, в стране с такой экономической и социальной струк-

турой, дело кончилось поражением реакции, — нельзя недооценивать с точки зрения влияния наших событий на трудящихся на Западе» [2]. (Этот аспект до сих пор в исторической литературе не был изучен.) В рецензируемом же сборнике показано, какое влияние победа социалистической революции в Чехословакии оказала на развитие политических и экономических связей Чехословакии с СССР и народно-демократическими странами Европы.

В статье П. Петруфа «Непосредственный отклик на Февральские события в советской печати» дается подробный анализ материалов, которые публиковались в центральной печати, и в первую очередь в «Правде», «Известиях», «Труде», «Комсомольской правде» о Февральских событиях в Чехословакии. Большое внимание советские средства массовой информации уделяли раскрытию внешнеполитического аспекта Февральских событий — обсуждению чехословацкого вопроса в Совете безопасности. П. Петруф подчеркивает, что весь публикуемый в СССР в период Февральских событий материал свидетельствовал о горячих симпатиях советского народа к победоносной социалистической революции в братской Чехословакии.

В статье А. Штефанюкова «Февраль 1948 и заграничные экономические связи Чехословакии» на основе анализа большого статистического материала о внешней торговле Чехословакии в послевоенные годы автор делает вывод о коренном изменении в результате победы социалистической революции в этой стране внешне-торговой ориентации Чехословакии, что способствовало значительному расширению экономических связей ее с СССР и европейскими странами народной демократии, с одной стороны, уменьшению объема торговли с капиталистическими странами — с другой. Так, если в 1948 г. экспорт Чехословакии в капиталистические страны составлял 60%, а в СССР и народно-демократические страны — 33%, то в 1953 г. экспорт в капиталистические страны уменьшился вдвое, а в СССР и страны народной демократии уже составил 70% всего экспорта Чехословакии.

«Чехословацко-польское экономическое сотрудничество от освобождения до Февраля 1948 г.» — такова тема статьи В. Бородовчака. Материал статьи несколько шире указанных хронологических рамок. Автор детально, на большом фактическом материале, извлеченном из архивов Праги, Братиславы, Варшавы,

прослеживает сложный путь развития чехословацко-польских экономических связей в первые послевоенные годы, подчеркивая, что экономическое сотрудничество стран тесно переплеталось с политическим, поскольку как в польское, так и (несколько дольше) в чехословацкое правительство входили представители буржуазии, которые сопротивлялись любым контактам двух стран. Победоносная социалистическая революция в Чехословакии, однако, создала благоприятную обстановку для взаимного сотрудничества между Чехословакией и Польшей.

В статье Дагмары Чьерна «Чехословацко-венгерские отношения и Февраль 1948 г.» широко использованы материалы чехословацких и венгерских архивов для показа всех важнейших изменений, характерных для политических и особенно экономических отношений между Чехословакией и Венгрией с первых послевоенных лет вплоть до подписания чехословацко-венгерского союзного договора 16 апреля 1949 г. Отражено благотворное влияние на решение спорных вопросов между Чехословакией и враждебной ей в годы второй мировой войны Венгрией победы социалистической революции в Чехословакии в Феврале 1948 г. В подтверждение этого приведен и прокомментирован такой важный факт, как выступление президента Чехословакии К. Готвальда в Девине в июле 1948 г. Большое внимание в исследовании уделено контактам между профсоюзными, молодежными и женскими организациями обоих государств.

В статье Э. Иваничковой «Чехословацкий Февраль и Восточная Германия в 1948 г.» главное внимание уделено позитивным откликам в печати Восточной Германии, и в первую очередь в газетах и журналах СЕПГ и Советской военной администрации, на победу социалистической революции в Чехословакии в 1948 г. В выступлениях руководящих деятелей СЕПГ В. Пика, А. Акермана и других, отмечает автор, говорилось не только о большом политическом значении этого события для укрепления сил социализма и демократии, но и о необходимости использования опыта чехословацких коммунистов для борьбы за социализм на территории Восточной Германии.

В статье М. Тонковой «Февраль 1948 г. в Чехословакии и Болгария» показано, что Сентябрьское вооруженное восстание в Болгарии 1944 г. и последующий быстрый процесс развития этой страны по

социалистическому пути не мог не оказать влияния на движение Чехословакии в том же направлении. Приведены многочисленные отклики болгарской печати («Работническо дело», «Отечествен фронт», «Труд», «Земледельско знамен» и др.), свидетельствующие о горячей поддержке трудящимися Болгарии чехословацкого пролетариата. Победа социалистической революции в Чехословакии оказала положительное воздействие на межгосударственные отношения между обеими странами, о чем свидетельствует чехословацко-болгарский договор о дружбе и сотрудничестве, заключенный через два месяца после февральских событий.

В исследовании М. Тейхмана «Отклик чехословацкого Февраля 1948 г. в Югославии и чехословацко-югославские отношения после второй мировой войны» рассматриваются важнейшие аспекты налаживания дружественных отношений между этими странами, например, участие чехов и словаков, живших в Югославии, в армии Тито, а югославов, находившихся в Чехословакии, в ее национально-освободительной борьбе. Автор приводит много новых данных из югославской печати (газеты «Политика», «Борба»), свидетельствующих о том, с каким вниманием следили народы Югославии за борьбой трудящихся Чехословакии против реакции и как они радовались победе социалистической революции. В заключение Тейхман подчеркивает, что Февральские

события в Чехословакии способствовали углублению югославско-чехословацких дипломатических, политических и экономических связей.

Новые материалы содержатся в статье П. Петруфа «Февральские события и их отражение в опубликованных документах американской внешней политики». На основе анализа дипломатических документов американского посла в Чехословакии Л. Штейнгардта показаны безуспешные попытки правящих кругов США изменить политическую обстановку в Чехословакии и помешать победе в ней социалистической революции.

В заключение отметим, что как по постановке новой и важной проблемы — международное значение Февраля 1948 г., так и по содержанию помещенных в сборнике статей данное издание представляет существенный интерес для всех историков, которые занимаются не только новейшей историей Чехословакии, но и историей создания мировой социалистической системы.

Молок Ф. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прасолов С. И.* Чехословацкая историография 70-х годов в борьбе за социализм в стране. — Вопросы истории, 1983, № 10.
2. *Готвальд К.* Февральские события и наш путь к социализму. — В кн.: *Готвальд К.* Избранные произведения. Т. II. М., 1957, с. 256.

Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. М., 1984, 296 с.

Исследование истории кризиса буржуазной политической системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, активно проводимое сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР, привело в последние годы к появлению ряда ценных монографических работ, сборников и отдельных статей. Рецензируемый труд¹, в создании которого, помимо сотрудников Института, принимали участие преподаватели кафедр истории южных и западных славян

Московского государственного университета, подводит определенный итог проделанной работе и намечает ее дальнейшие перспективы.

Ценность этой книги состоит прежде всего в том, что в ней на основе анализа сущности кризиса буржуазной политической системы как важной составной части общего кризиса капитализма предприняты серьезные усилия по выявлению общих черт и особенностей проявления различных кризисных моментов в разных компонентах политического строя и в рамках региона и в страноведческом плане. Во введении (автор А. Х. Клеванский), где дано определение политической системы капиталистического общества с ее

¹ Ответственный редактор А. Х. Клеванский. Редакционная коллегия: А. Х. Клеванский, П. Н. Ольшанский, А. И. Пушкаш.

подсистемами и компонентами, проанализированы сущность и главные черты кризиса, в основе которого — основные классовые противоречия, обострившиеся в эпоху империализма.

Рецензируемое издание состоит из трех разделов, посвященных кризису парламентаризма и партийно-политической системы в условиях буржуазной демократии; фашистским тенденциям в политике буржуазных партий и организаций, сущности отдельных диктаторских режимов; наступлению реакции на права и свободы трудящихся и борьбе народных масс, прежде всего пролетариата, за сохранение, восстановление и углубление демократии. Подходы авторов к освещению поставленных вопросов различны. У одних преобладает проблемный анализ на протяжении всего рассматриваемого периода (например, так написана работа А. Х. Клеванского о трансформации буржуазной политической системы Чехословакии в 20-е годы), другие же (таковых большинство) исследуют эволюцию политической ситуации, отдельных партий и организаций и т. п. поэтапно. В разной степени в книге освещена история отдельных стран. Болгарии посвящены три работы, Чехословакии и Польше — по две, Югославии, Румынии и Венгрии — по одной. Исследования о политических системах Греции и Албании отсутствуют вообще (правда, о них, наряду с другими странами, идет речь в статье И. В. Михутиной). Естественно, различна и глубина научного анализа в работах, но все они посвящены весьма существенным конкретным вопросам истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы и вносят вклад в их изучение.

Первый раздел открывает работа Т. Ф. Маковецкой о режиме БЗНС в Болгарии как проявлении кризиса буржуазного парламентаризма. С этой точки зрения автор рассматривает законодательство начала 20-х годов, взаимоотношения правительства А. Стамболийского с монархом, роль массовой крестьянской партии в складывавшейся системе власти. Сделан обоснованный вывод о том, что режим БЗНС, будучи результатом кризиса буржуазной политической системы, еще более расшатал политический механизм. Несмотря на экономическую роль буржуазии, она была оттеснена от политической власти. А. Х. Клеванский при анализе системы «представительной демократии» в Чехословакии в первое ее десятилетие сосредоточил внимание не на формальной стороне, а на функциониро-

вании не предусмотренных конституцией институций — партийных коалиций (прежде всего, так называемой «Пятерки») и элитарной «группы Града», дав попутно весьма четкую характеристику пестрой расстановки политических сил в стране, столкновений буржуазно-либерального («проградистского») и консервативного лагерей с экстремистскими силами. Что же касается самой «группы Града», то здесь привлекает внимание интересный анализ ее менявшегося состава. В статье В. В. Зеленина речь идет о становлении и кризисе представительной системы Королевства сербов, хорватов и словенцев, главным образом в плане взаимоотношений между монархией и парламентом. Автор пришел к обоснованному выводу, что именно постоянное расширение прерогатив монархии при ограничении прав выборного органа лежало в основе кризиса буржуазно-парламентской политической системы Югославии в 20-е годы, причем причина того, что парламент оказался слабым звеном в системе власти, состояла в ожесточенной борьбе в нем между потерпевшими поражение при образовании объединенного государства федералистами и победившими централистами. Эволюция государственной системы буржуазной Польши от парламентаризма к реакционному режиму «санации» — тема работы П. Н. Ольшанского, который в хронологической последовательности рассматривает основные этапы борьбы в польском правящем лагере (главным образом, между национальными демократами и пилсудчиками) в первые восемь лет существования самостоятельного польского государства. Наконец, первый раздел включает исследование М. Д. Ерещенко, в котором освещаются особенности государственного механизма Румынии, усиление исполнительной власти и ослабление роли парламента в связи с наступлением правящих кругов на демократические права и свободы.

Во втором разделе опубликованы работы по истории Польши, Венгрии, Болгарии и Чехословакии. Г. Ф. Матвеев избрал предметом изучения возникновение фашистских тенденций в среде национальной демократии, рассматривая последнюю как совокупность политических и общественных организаций, объединенных общностью идеологии и политического курса национализма, клерикализма, антикоммунизма. Анализируется процесс складывания праворадикального течения в энциции, главным образом во-

круг Р. Дмовского, завершившийся созданием новой политической организации «Лагерь Великой Польши», отказавшейся от принципов буржуазной демократии. Развитие фашистских тенденций в национально-демократической партии Чехословакии, роль в их усилении некоторых лидеров этой партии (А. Рашина и др.), возникшую на этой почве внутрипартийную борьбу анализирует Е. Ф. Фирсов, обоснованно связавший организационный переход части национальных демократов на позиции фашизма с созданием в марте 1926 г. Национальной фашистской общины во главе с генералом Р. Гайдой. А. И. Пушкаш проследил эволюцию фашистских партий и организаций в Венгрии со времени поражения Советской республики в 1919 г. до начала второй мировой войны. Речь идет и о правительственной Партии единства и об оппозиционных фашистских партиях, не превратившихся, как показал автор, в серьезную силу, но углублявших кризис хортистской политической системы. Исследование Р. П. Гришиной содержит анализ эволюции сравнительно четко очерченной части крайне реакционного лагеря Болгарии, которая группировалась вокруг А. Цанкова в период образования в 1921 г. «Народного сговора» и до появления в 1932 г. фашистского Национально-социального движения и переворота 1934 г. Значительное внимание автор уделит освещению развития идеологии группы Цанкова, ее программных положений, взаимоотношений с другими правыми группировками. В. Ф. Кадацкий сосредоточил внимание на роли монополистического капитала в установлении монархо-фашистской диктатуры в Болгарии в результате переворота 1934 г. и формировании переходных кабинетов. Автор обратил внимание на борьбу двух монополистических группировок, опиравшихся на франко-бельгийский и германский капитал, и переориентацию правительства на фашистскую Германию.

В работе И. В. Михутиной, помещенной в третьем разделе, сосредоточено внимание на комплексе вопросов развития рабочего движения в условиях наступления реакции в регионе, затрагивается также крестьянское движение и некоторые другие сюжеты, связанные с подходами революционного рабочего класса к осознанию необходимости национального фронта, сложившегося в годы второй мировой войны. Автор разносторонне освещает региональные особенности рабочего движения и их разви-

тие с учетом общих черт социально-экономического и политического положения в Центральной и Юго-Восточной Европе, специфику условий, состояния рабочего и демократического движения в отдельных странах. По всем этим вопросам сравнительно-исторический анализ дает возможность значительно углубить картину страноведческого рассмотрения и дополнить выводы, к которым пришла И. В. Михутина в ранее опубликованных статьях [1].

Представляя собой новый шаг в комплексном изучении социально-политического развития Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время, рецензируемая книга не свободна от некоторых упущений и недостатков. Прежде всего следует отметить, что, несмотря на некоторые черты, приближающие ее к коллективной монографии, она по ряду важнейших критериев (степень полноты, четкость и пропорциональность структуры, единство охвата материала, степень подробности его изложения, характер источниковой базы, единство методики, оценочных моментов и пр.) остается все же тематическим сборником статей. Авторы далеко не всегда в конкретных разработках исходят из тех принципиальных положений, которые намечены во введении. Имеются существенные отличия в оценке одних и тех же политических режимов региона разными авторами. При глубоком и творческом в целом анализе поставленных проблем встречаются подчас положения, звучащие несколько декларативно, требующие более детального исследования. Так, остались не вполне доказанными утверждения А. Х. Клеванского о фактическом интегрировании социал-реформистских организаций Чехословакии в доминирующую политическую подсистему (с. 40), В. В. Зеленина — о некоторых причинах превращения монархии в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в надконституционный фактор (с. 78), Г. Ф. Матвеева — о влиянии зарубежного фашизма на польских правых радикалов в рядах эмиграции (с. 127—128) и др. А в работе В. Ф. Кадацкого бездоказательно говорится о планах «похода на Софию» цанковцев в мае 1934 г., который якобы на сутки был «упрежден» переворотом 19 мая (с. 213). Болгарские же историки [2], да и автор статьи, опубликованной в рецензируемом издании, — Р. П. Гришина (с. 184), касаясь майских событий 1934 г., о подобных планах не упоминают, а В. Мигев опровергает правдоподобность

слухов о таком походе, которые тогда распространялись [3]. В книге встречаются неточности и даже ошибки. В. Ф. Кадацкий почему-то относит время создания Ввенного союза в Болгарии к 1928 г. (с. 212), тогда как Р. П. Гришина правильно отмечает дату его образования — 1919 г. (с. 160), но на протяжении всего своего очерка неточно именуется его Военной лигой. Можно привести и другие сходные примеры.

Отмеченные недочеты сколько-нибудь существенно не снижают общего высокого уровня проведенных исследований. Они свидетельствуют о научной перспективности, политической актуальности дальнейшей разработки проблем кризиса буржуазной политической системы, о том, что перед советскими историками встает непосредственная задача создания ком-

плексного сравнительно-исторического монографического труда по этой проблематике применительно к региону Центральной и Юго-Восточной Европы.

Чернявский Г. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советское славяноведение, 1982, № 2, с. 23—42; 1983, № 2, с. 17—30; № 6, с. 32—40.
2. Георгиев В. Буржоазните и дребно-буржоазните политически партии в България. 1934—1939. София, 1975, с. 50; Димитров И. Българската демократична общественост, фашизмът и войната. 1934—1939. София, 1972, с. 11.
3. Мигев В. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България. 1934—1936. София, 1977, с. 42.

Dante i slavenski svijet; Dante e il mondo slavo. Dubrovnik. 26—29 X 1981, t. 1—2. Priredio F. Čale. Zagreb, 1984, XLIV + 862 p.

Данте и славянский мир

Двухтомник «Данте и славянский мир», изданный под редакцией проф. Ф. Чале Югославянской академией наук и искусств (ЮАНИ) при поддержке ЮНЕСКО, содержит материалы международного симпозиума, проведенного в Дубровнике 26—29 октября 1981 г. Отделением современной литературы ЮАНИ в сотрудничестве с Международной ассоциацией по изучению и распространению славянских культур¹.

Вступительная часть первого тома дает представление о прошедшем научном форуме. Она содержит приветственные обращения Председателя Президиума СР Хорватии Я. Блажевича, президента ЮАНИ Я. Сиротковича, академика-секретаря Отделения современной литературы М. Франичевича; в редакционной статье подробно освещается ход работы симпозиума с сопутствующими культурными мероприятиями (текст дается параллельно на хорватско-сербском и итальянском языках), а также приводится внушительная библиография откликов на него в югославской и зарубежной печати. Двухязычный принцип издания в основном сохранен и в дальнейшем: материалы, публикуемые на хорватско-сербском, сопровождаются резюме по-итальянски, со-

ответственно оригинальный текст на итальянском снабжен резюме на языке издателя (в отдельных случаях — на родном языке докладчика); доклады, прозвучавшие на других языках, имеют оба резюме. Издание получило высокую оценку советских ученых².

Около 70 статей — сравнительно-типологических исследований, обзоров, библиографических сообщений и др., представленных в этом труде, — свидетельствуют о неисчерпаемом богатстве данто-славянской проблематики, имеющей комплексный, междисциплинарный характер и успешно развивающейся за двадцатилетие, истекшее со времени 700-летия (1965) со дня рождения великого поэта.

Выделенные в особый раздел доклады пленарного заседания — «Типы толкования Данте на протяжении веков» известного итальянского дантолога А. Валлоне и «Восточные границы дантовского мира» американских славистов Р. Пиккио и М. Пиккио-Симонелли — характеризуют временной и пространственный аспекты дантовского творчества, намечая два подхода к этой теме: присутствие Данте в мировой, в том числе славянской культуре, и отражение славянских тем

¹ О работе симпозиума см. [1].

² См. рецензию И. Ф. Балзы в [2].

у Данте (прежде всего в «Божественной комедии»). В многочисленных докладах и сообщениях, заслушанных на секциях, занимающих большую часть рецензируемого двухтомника, эта проблематика освещается в обоих аспектах, хотя и не в равной мере.

Большинство статей и сообщений посвящено судьбе дантовского творчества у отдельных славянских народов в различные периоды их культурной истории. Взятые в целом, они дают широкую панораму активного участия поэтического и духовного наследия Данте в становлении и развитии славянских культур.

Интерес славянских народов к творчеству Данте охватывает два крупных исторических периода: эпоху Ренессанса и барокко (XIV—XVII вв.) и время с нового «открытия» дантовской поэзии романтизмом до наших дней. Самое раннее воздействие гениального основоположника итальянской литературы испытали хорваты Адриатического побережья, имевшие, как показывают сообщения хорватских историков И. Луэтича и Й. Лучича, интенсивные политические, торговые и культурные сношения с Италией уже во времена Данте. В XV—XVI вв. здесь выдвинулась целая плеяда гуманистов и зачинателей литературы на народном языке, традиции которых были продолжены «золотым» (XVII) веком в литературе Дубровника. Усвоение лишь с незначительным запозданием достижений Ренессанса обусловило на протяжении нескольких веков сходство многих черт развития итальянской и хорватской литератур.

Хорватские специалисты обращают особое внимание на проблемы, раскрывающие глубокую связь культурных процессов в южном регионе славянского мира с дантовским наследием (начиная с документально подтвержденных Я. Стипищем фактов известности Данте у хорватов в последние десятилетия XIV в.). Результаты многолетних исследований в этом направлении представлены в обобщающей статье старейшего хорватского компаративиста Й. Торбарыны «Данте в хорватской ренессансной литературе», охватывающей развитие далматинско-дубровницкой классики с середины XV до конца XVI в. Хронологически эту тему продолжает статья П. Павличича «Барочный „ад“ в хорватской литературе», посвященная XVII в. В отличие от предшествующего периода, когда дантовские реминисценции в хорватской литературе рассматривались преимущественно на ма-

териале эпической поэмы, в последнее время ученые шире обращаются к другим родам и жанрам — к лирической поэзии, к драматическим и повествовательным произведениям. Целый ряд сообщений посвящен роману П. Зоранича «Горы» (начало XVI в.), аллегорическую структуру которого, навеянную «Божественной комедией», тщательно анализируют Ф. Швелец и Д. Фалишевац. В статье видного хорватского лингвиста Й. Вончины в историко-культурном аспекте трактуется важная для истоков национальной литературы проблема языка. Автор убежден, что реализованная в первом образце хорватской художественной прозы концепция литературного языка на народной основе и с использованием отечественной культурной традиции (глаголической письменности) сформировалась у писателя под влиянием дантовского трактата «О народном красноречии» и языка «Божественной комедии».

Отзвуки дантовского творчества в славянских культурах на севере Европы в рассматриваемый период, возможно, не столь многочисленны, но не менее важны для протекавших там аналогичных культурных процессов. Помимо интересных реалий (сообщение Ф. Чале о семействе одного из Алигьери — потомка поэта в Загребе в XIV в.; предположение Ф. Даксблера о пребывании Данте в словенских землях), материалы из этого региона чаще всего касаются вопросов протестантской интерпретации мировоззрения Данте, а поскольку реформационное движение стремилось к утверждению народных языков, то особое значение для многих его представителей приобретал теоретический и практический опыт прославленного итальянца. Об этом свидетельствуют факты, приведенные известным западногерманским дантологом М. Роддевигом (о М. Влачиче Иллирике, хорвате из Истрии, латинский кодекс которого со стихами «Божественной комедии» послужил источником для первых немецких переводов поэта), Я. Щляским (об упоминании Данте у польского поэта XVI в. А. Тнешеского, причем в сопоставлении с М. Реем — кальвинистом и поборником народного языка в литературе) и Й. Погачником (о восприятии Данте словенцами, в частности протестантским издателем и основоположником словенской литературы Я. Трубаром).

При переходе к новейшему времени границы славянского мира, освещенного лучами дантовского гения, существенно раздвигаются. Именно в XIX—XX вв.

появляются первые полные переводы «Божественной комедии» на славянские языки, на основе разностороннего изучения поэтических и философских произведений Данте складываются национальные школы дантологии, по-новому осмысливается поэтами огромный художественный и мыслительный потенциал итальянского классика.

Значительное число публикаций в книге, относящихся к данному периоду, касается проблем перевода, изучения и восприятия дантовского творчества у всех славянских народов. Видное место занимают обзорные статьи, учитывающие названные выше аспекты в комплексе и охватывающие весь период или определенные его вехи: «Данте в Болгарии» И. Петканова, «Данте в словацкой литературе» М. Джурицы, «Аспекты отзвуков дантовской поэзии в Чехии за последние пятьдесят лет» И. Кресалковой, большая часть упоминавшейся статьи Й. Погачника о словенской литературе. Наряду с ними есть немало сообщений об отдельных славянских переводах, переводчиках и комментаторах Данте. Выделяется серия статей хорватских авторов (М. Томасович, Й. Братулович, А. Джамич, В. Главичич), решающих проблемы хорватского стихосложения (в связи с переводом произведений Данте) не только в историко-литературном, но и в теоретическом плане. Глубоко прослежено влияние образного мира и поэтики Данте на крупнейших национальных поэтов XIX в. — З. Красиньского (Й. Игневска) и П. Петровича Негоша (М. Флашар), на многих хорватских поэтов XX в. — М. Беговича (Ш. Юришич), Т. Уевича (Б. Петрач), В. Назора и И. Г. Ковачича (Ю. Каштелан). Большой интерес зарубежные ученые проявили к русским поэтам начала XX в., обратившимся в своих творческих исканиях к вечному источнику дантовского гения — Вяч. Иванову (П. Дэвидсон), Н. Гумилеву и А. Ахматовой (А. Мавер Ло Гаттао), О. Мандельштаму (М. Колуччи, М. Макиедо).

Е. И. ДЕМИНА Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Т. I. София, 1968, 235 с.; т. II. София, 1971, 382 с.; т. III. София, 1985, 264 с.

Завершена публикация капитального труда Е. И. Демьиной, посвященного всестороннему филологическому и лингвистическому описанию и исследованию

Универсальный характер дантовского творчества не исчерпывается филологическими исследованиями, хотя они и преобладают в этом издании. Историческим аспектам дантологии посвящены размышления Е. Наумова о славянских землях, а К. Коленды — о югославянских топонимах на страницах «Божественной комедии». Сопоставление мировоззрения Данте с религиозно-философской доктриной Фомы Аквинского (Т. Вереш) позволяет лучше понять место Данте в философской мысли нового времени; автор учитывает также традиции толкования этой проблемы в отечественной науке. Небогатая дантеана в хорватском ренессансном искусстве (И. Голуб вновь напомнил о несостоятельности атрибуции Ю. Кловичу миниатюр Ватиканского рукописного кодекса с текстом «Божественной комедии») с лихвой возмещается, как следует из сообщения Т. Мароевича, подлинным культом Данте в творчестве хорватских художников, скульпторов, графиков XX в. Опыт освоения «Божественной комедии» современным польским театром освещают С. Видлак, Й. Шайна. О научных и культурных мероприятиях Дантовского центра в Равенне информирует его директор С. Рагацини.

Международный труд «Данте и славянский мир» является важным шагом в развитии и дантоведения, и славистики. Открывая новые горизонты в изучении общечеловеческого наследия Данте, он свидетельствует о возросшем уровне дантологических исследований в славянских странах, намечает новые перспективные направления сравнительно-типологического изучения явлений мировой культуры.

Данилова А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный бюллетень МАИРСК, вып. 7. М., 1982, с. 15—18.
2. Информационный бюллетень МАИРСК, вып. 13. М., 1985, с. 39—42.

Тихонравовского дамаскина XVII в. Этот памятник давно привлекает внимание славистов — не только лингвистов, но и филологов, палеографов, историков

болгарской литературы. Интересен памятник не только своим основным текстом, но и многочисленными записями, сделанными на свободных от текста местах. Эти записи содержат ценные сведения об истории самой рукописи. Из записи 1698 г. мы узнаем, что дамаскин был продан храму апостолов Петра и Павла в селе Сопот (теперь город). Последняя запись, сделанная в Болгарии, относится к 1810 г., ко времени русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Именно в это время возникла мысль издать дамаскин типографским способом. Осуществить этот проект в самой Болгарии в то время было невозможно, поэтому после завершения войны рукопись была переправлена в Кишинев. Однако по неизвестной причине издание памятника не состоялось. Доподлинно известно, что рукопись во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. все еще находилась в Кишиневе. Весной 1830 г. Ю. И. Венелин на средства Академии наук начал трудное и опасное путешествие в Болгарию, Валахию и Молдавию. На обратном пути в январе 1831 г. Венелин прибыл в Кишинев, где провел два месяца и интенсивно занимался изучением албанского языка. Есть все основания полагать, что именно в это время он и приобрел дамаскин (нет данных о том, ознакомился ли Венелин с этим памятником ранее — в 1823—1825 гг., когда он также жил в Кишиневе). Среди привезенных им в Москву рукописей Тихонравовский дамаскин принадлежал к наиболее ценным памятникам.

От Венелина дамаскин поступил в собрание рукописей историка М. П. Погодина, от него позже перешел к Н. С. Тихонравову. В настоящее время он хранится в собрании рукописей Тихонравова в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

Уже Венелин высоко оценил памятник. Он включил из него «Слово о Петке Терновской» в свою неопубликованную грамматику болгарского языка. Первая публикация отрывков из памятника принадлежит П. А. Лаврову [1]. Не прошел мимо Тихонравовского дамаскина Лавров и в монографии [2]. В той или иной степени памятник привлекал внимание и более поздних исследователей, но ничего значительного здесь выполнено не было.

Публикации и всестороннему изучению Тихонравовского дамаскина Е. И. Дёмина посвятила много лет. Еще в 1962 г. в «Ученых записках Института славяноведения АН СССР» была опубликована ее статья [3], где автор справедливо от-

мечала, что все прежние классификации строились на основе ограниченного материала. «Особое значение получают исследования, посвященные текстологическому сличению отдельных произведений, много раз переписывавшихся и включавшихся в состав различных дамаскинов, установлению редакций этих произведений и взаимосвязи между отдельными дамаскинами на материале этих произведений» (с. 213). На материале текстов «Чуда о ковре» Дёмина проводит образцовый филологический анализ.

Опубликованный в 1968 г. первый том рецензируемого труда содержит подробный историографический очерк изучения дамаскинов, анализ состава и структуры дамаскинов, а также анализ новоболгарских дамаскинов в объеме «Слов» Тихонравовского списка. Автор четко ограничивает дамаскины, написанные на старом книжном (церковнославянском) языке от дамаскинов на новоболгарском языке. В первой группе следует различать дамаскины македонского типа, среднегорского типа, особый тип дамаскинов с расширенным составом «Слов» и совсем редкий четвертый тип, представленный Бухарестским дамаскином XVII в. Особое внимание, естественно, Дёмина уделила дамаскинам на новоболгарском языке. Здесь ею выявлено четыре типа дамаскинов XVII в. Наиболее значительный представлен самим Тихонравовским дамаскином, а также Протопопским, Коприштенским (опубликован в 1908 г. Л. Милетичем), Троянским (опубликован в 1967 г. А. Ивановой), а также двумя неопубликованными памятниками (один из них XVIII в.). Второй тип новоболгарских дамаскинов, восходящий к первой половине XVII в., представлен неопубликованным Дрянновским Б, Дрянновским А и Тетевенским. Сохранились также дамаскины смешанного типа. К ним принадлежит известный Люблянский дамаскин, с которого и началось научное изучение дамаскинов (памятник был опубликован в 1895 г. Ст. Аргировым), и до сих пор не изданный Котленский дамаскин 1765 г., написанный Софронием Врачанским. Большой интерес для историков болгарского языка представляют дамаскины третьего новоболгарского типа. Есть основание полагать, что по крайней мере некоторая их часть возникла в среде совсем невысокой книжной культуры. Об этом свидетельствует передача безударных гласных, например, в дамаскине из одесского собрания В. И. Григоровича. Из четвертого типа дамаскинов

наиболее известен Свиштовский дамаскин 1753 г., изданный Л. Милетичем в 1923 г.

Е. И. Дёмина на большом сравнительном материале убедительно показала, что «дамаскины среднегорского перевода и всех четырех новоболгарских типов по тексту отдельных статей генетически связаны между собою, что позволяет выделить изучение истории текстов этих сборников в качестве самостоятельной проблемы» (т. I, с. 63).

Центральное место в первом томе исследования занимает третья глава, посвященная сравнительному анализу новоболгарских дамаскинов в объеме статей Тихонравовского памятника. Здесь поставлена задача выяснить, каковы особенности текста того или иного «Слова» в дамаскинах одного типа по сравнению с другими, как распределяются отдельные списки, соответствует ли это распределение классификации дамаскинов по устойчивому составу «Слов», каково взаимоотношение родственных списков по старшинству текста, как распределяются «Слова» по их происхождению и, наконец, можно ли говорить об единстве происхождения текста всех статей, характерных для определенного типа дамаскинов. На все эти вопросы даются исчерпывающие ответы.

Всесторонний анализ Тихонравовского дамаскина показал, что предшествующие исследователи в полной мере не обратили внимания на то, что в составе дамаскина имеются «Слова», написанные не только на народном болгарском языке, но и на церковнославянском болгарско-сербской редакции.

Второй том труда содержит текст памятника и его палеографическое описание. О некоторых особенностях палеографии текста памятника речь шла уже в первом томе, так как без этого в некоторых случаях нельзя было уяснить историю самого текста дамаскина. Но лишь во втором томе автор предоставляет читателю полную и исчерпывающую информацию. По ряду существенных и второстепенных признаков четко выделяется основная часть памятника (л. 3—266). Менее значительная часть (л. 267—324) переписывалась двумя писцами попеременно. «Слово на Сретение» на церковнославянском языке переписано четвертым писцом. Автор приходит к выводу, что в середине XVII в. в одной из центральнобалканских областей были созданы три самостоятельные рукописи. Первая восходит к протографу, с которым

были связаны Коприштенский, Троянский и Протопопинский дамаскины. Вторая, переписанная двумя писцами, восходит к другому оригиналу. Третья часть отражает особенности церковнославянского среднегорского перевода. В конце XVII в. (не ранее 1698 г.) все эти рукописи были переплетены в одну книгу.

Тихонравовский дамаскин написан каллиграфическим полууставом. Особенно выделяется почерк первого писца. Для украшений используются отдельные буквы скорописи. Автор дает детальное сравнительное описание состава и начертания букв и надстрочных знаков, обнаруживая не только серьезную подготовку в области славянской палеографии, но и умение самостоятельно решать сложные и противоречивые вопросы, касающиеся оформления рукописи.

Основная часть рукописи, выполненная первым писцом, богата цветными заставками, концовками, миниатюрами, рисунками на полях, фигурными инициалами, художественно выполненной вязью. Нельзя упрекать автора за то, что она не отважилась взять на себя задачу описания всего материала — выполнить это может только специалист по истории славянского книжного искусства. Некоторое представление об орнаментальной стороне рукописи дают отлично выполненные снимки.

Публикация дамаскина осуществлена на высоком уровне. Это особенно заметно при сравнении с публикацией Коприштенского дамаскина, в еще большей степени — Троянского дамаскина. Дёмина стремилась передать все особенности Тихонравовского дамаскина, которые могут представлять интерес для лингвиста и филолога. Совсем на ином уровне решал эти вопросы Л. Милетич. Во многих случаях он допускал отклонения от подлинного текста, никогда не оговаривая этого. Так, издатель Коприштенского дамаскина не всегда сохраняет надстрочные знаки, иногда раскрывает титла, порой сам по догадке заполняет пустые места, часто не воспроизводит заметок на полях рукописи. В одних случаях он сохраняет описки писца, в других — исправляет их. Дёмина с полным основанием могла написать, что «частичная информация только дезориентирует исследователя» (т. II, с. 42). Обстоятельный разбор издания Троянского дамаскина А. Ивановой читатель найдет в статье [4].

Наибольший интерес для историков болгарского языка представляет третий том, посвященный памяти выдающегося

болгарского лингвиста К. Мирчева, под редакцией которого вышли первые два тома. В той или иной степени в первом и втором томах своего труда Демина имела своих предшественников. Здесь же автор опирается на вчерашние разработанные ею систему приемов, суть которых формулируется так: «задачи филологической и лингвистической интерпретации текста как памятника истории литературного языка решаются путем широкого применения данных лингвогеографии» (т. III, с. 13).

Е. И. Демина, на начальных порах (в 1957 г.) принимавшая участие в работе над «Болгарским диалектологическим атласом» (хотя и не в составлении его карт), глубоко прониклась пониманием важности диалектных данных для изучения истории диалектов и истории литературного языка. Это может на первый взгляд показаться банальным, так как уже во времена деятельности А. А. Шахматова историки языка широко использовали диалектный материал. В данном случае речь идет не об использовании историком языка отдельных диалектных данных, а об использовании современных диалектных изоглосс для решения общих и частных вопросов исторического прошлого современного языка: «Где, в каком диалектном ареале болгарской языковой территории мог появиться текст именно с данным набором языковых особенностей при учете палеографических черт письменной традиции, которая отражена в дошедших до нас рукописях?» (т. III, с. 13).

О диалектной базе болгарского книжного языка XVII в. высказывались многие филологи и лингвисты. Демина справедливо пишет, что все соображения на этот счет не были подготовлены ни уровнем текстологических исследований, ни состоянием болгарской описательной диалектологии. «Весьма ограниченной была эмпирическая база исследований. Высказывавшиеся по данной проблеме мнения были во многом основаны на исследовательской интуиции ученых, опиравшихся в своих рассуждениях на отдельные изолированные факты различного, нередко экстралингвистического характера» (т. III, с. 76). Это было убедительно показано всесторонним анализом работ Б. Цонева, Л. Милетича, П. Орешкова, С. Б. Бернштейна, Б. Велчевой, Д. Петкановой. Сама Демина выработала строгую методикку, которая дала ей возможность с большой степенью достоверности определить место диалектной системы, легшей в основу книжного бол-

гарского языка XVII в. Осуществить это она смогла благодаря картам «Болгарского диалектологического атласа», а также многочисленным исследованиям в области болгарской диалектологии.

Демина начала свое исследование с априорного положения, что диалект, легший в основу книжного болгарского языка XVII в., мог принадлежать любому географическому и диалектному ареалу XVII в. Вооруженная данными современной болгарской диалектологии, Демина смогла точно установить, что книжный язык XVII в. в своей основе имел народно-разговорный язык населения городов и примыкавших к ним монастырей района Ловечской епархии. Речь идет о диалекте района Тетевен — Етрополе — Луковит. Этот диалект близок к границе изоглоссы *ѣ*. В связи с этим книжный язык XVII в. обладал «своеобразным набором диалектных особенностей, одни из которых характерны для западно-болгарских по отношению к *ѣ*-изоглоссе и для части восточно-болгарских говоров, а другие для восточно-болгарских по отношению к *ѣ*-изоглоссе и для части западноболгарских говоров. Мы можем реально полагать, что это был именно самостоятельный народно-разговорный идиом как реальная коммукативная единица» (т. III, с. 260).

Капитальный труд Е. И. Деминой может послужить основой для решения многих трудных проблем истории болгарского литературного (книжного) языка, а также исторической диалектологии болгарского языка. Давно идут бесконечные споры о диалектной основе болгарского литературного языка. Вспомним острую дискуссию по этому вопросу между А. Баланом и Ст. Младеновым. Обычно указанные вопросы решаются простым сопоставлением данных литературного языка и современных крестьянских говоров без учета того, что литературный (книжный) язык уже ранних этапов своей истории развивался и функционировал как самостоятельный феномен. Демина показывает это убедительно и очень конкретно. Публикуемые карты изоглосс еще раз демонстрируют справедливость принадлежащей Ст. Стойкову концепции диалектного членения болгарского языка на ранних этапах его истории.

В заключение хотел бы отметить очень высокий уровень технических возможностей издательства Болгарской академии наук. Труд опубликован образцово.

Бернштейн С. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лауров П. А.* Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.
2. *Лауров П. А.* Дамаскин Студит и сборники его имени «дамаскины» в югославянской письменности. Одесса, 1899.

3. *Дёмина Е. И.* Классификация болгарских дамаскинов по редакциям «Чуда о ковре». — УЗИС, т. XXIII. М., 1962.
4. *Дёмина Е. И.* Ценный памятник новоболгарской письменности. (Заметки о Троянском дамаскине XVII в. и его издании.) — В сб.: Балканское языковедение. М., 1973. с. 211—256.

POSTOLKOVÁ BELA. Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny (Studie ČSAV, 21). Praha, 1984, 123 s.

ПОШТОЛКОВА БЕЛА. Терминологическая и общеупотребительная лексика в современном чешском языке

Важность научного изучения терминологической лексики вряд ли нуждается в специальной аргументации. Высокая социальная потребность в данной лексике, особенно возросшая в эпоху бурного научно-технического прогресса, предопределяет необходимость тщательного исследования как закономерностей терминообразования, так и специфики статуса терминообозначений в языке. При этом существенно, что терминологическая лексика, с одной стороны, является органичной составной частью лексической системы литературного языка и, следовательно, на нее распространяются общезыковые закономерности в целом; с другой стороны, в силу особенностей ее функционального назначения она представляет собой специфический, четко очерченный лексический пласт, отличающийся повышенной стандартизованностью, унифицированностью воспроизведения деривационных схем, различием (по сравнению с другими функциональными стилями литературного языка) в степени продуктивности тех или иных словообразовательных формантов, способов словопроизводства и т. п.

В свете сказанного обращение к данной проблематике чехословацкой исследовательницы Б. Поштолковой, сотрудницы Института чешского языка ЧСАН, опытного лексикографа, представляется вполне правомерным и научно актуальным. Рецензируемой монографии, которая отражает результаты многолетних исследований автора в области терминологии, предшествовал выход ряда статей, затрагивающих те или иные аспекты терминообразования [1].

Вполне оправданным представляется методический подход, избранный Б. Поштолковой в указанной книге: терминологическая лексика рассматривается не

как изолированный объект исследования, а в контексте взаимосвязей с общеупотребительной литературной лексикой. Таким образом, последняя является своего рода основанием для сравнения, позволяющим выявить как общие, так и специфические черты терминообозначений. Подобный ракурс исследования позволяет сосредоточить внимание как на процессе терминологизации, т. е. включения изначально общеупотребительной лексики в состав терминообозначений, так и детерминологизации, т. е. обратному оттоку терминологической лексики в состав лексики общеупотребительной. Используя оппозицию «центр — периферия», Б. Поштолкова характеризует процесс терминологизации как центробежное смещение в направлении к периферии лексической системы литературного языка, а процесс детерминологизации — как центростремительное смещение в направлении к центру системы.

Книга в целом по преимуществу представляет собой лексикологическое исследование (в соответствии с профессиональными интересами ее автора, на протяжении многих лет принимающего активное участие в фундаментальных лексикографических исследованиях, осуществляемых в Институте чешского языка ЧСАН), в котором основное внимание сосредоточено на вопросах семантики, функционирования терминологической лексики в различных видах текстов, эволюции ее словарного состава. Сказанное, разумеется, не исключает и другие аспекты изучения, в частности, словообразовательный, однако они по сравнению с названными выше занимают все же подчиненное положение.

Источником фактического материала для автора явился богатейший лексикографический архив ИЧЯ ЧСАН, допол-

ненный самостоятельными эксерпциями из специальной, художественной литературы, прессы и т. д. При осмыслении собранного языкового материала Б. Поштолкова плодотворно использовала достижения современной лингвистики (в частности, советского языкознания). Важным импульсом для автора явились теоретические концепции чешских и словацких лингвистов — М. Докулила, Й. Филиппа, Й. Мистрика, И. Немца, А. Едлички, К. Гаузенблаза, М. Тепителовой и многих других. Сказанное обусловило высокий теоретический уровень работы, в которой используется методика системного анализа, теория поля и т. п. Монография выполнена методом синхронного исследования, впрочем, в случае необходимости для выявления динамики языковых процессов привлекаются факты языковой диахронии (ср., например, использование словарей XIX в.).

Книга Б. Поштолковой имеет тщательно продуманную, четко упорядоченную структуру. Она состоит из краткого введения, уточняющего исходные теоретические посылки и терминологический аппарат, а также двух больших разделов, снабженных вводными замечаниями и итоговыми выводами. В работе имеется резюме на немецком языке. Достоинством монографии является соблюдение единой схемы в подаче материала, что не только облегчает ориентацию в тексте работы, но и позволяет сопоставлять приводимые в ней факты и наблюдения.

Первый раздел книги — «Проблематика терминов в различных типах текстов» — рассматривает вопросы функционирования терминологической лексики в таких типах текстов, как специальные научные, научно-популярные, художественные (поэтические и прозаические). Центральной проблемой, привлекающей внимание автора, является взаимосвязь между двумя подсистемами общей лексической системы современного литературного чешского языка: профессиональной (специальной) и непрофессиональной лексикой. Большое внимание уделяется стилистической характеристике использования терминов, их частотным характеристикам. Интересными представляются разделы о терминологической синонимии и о функционировании терминов в текстах художественной литературы. Как справедливо отмечает Б. Поштолкова, в научных и научно-популярных текстах термины используются стилистически адекватным образом; в художественных —

они стилистически маркированы, актуализованы (с. 94), поскольку выполняют не только коммуникативную, но и эстетическую функцию.

Наиболее интересным нам представляется второй раздел работы — «Процессы терминологизации и детерминологизации в словарном составе чешского языка». В подразделе, посвященном терминологизации, уделяется внимание анализу различных способов адаптации так называемых общеупотребительных слов при использовании их в функции терминов: Здесь же рассматриваются мотивировка терминообозначений (с внутренней дифференциацией на термины технических, естественных, общественных наук), способы образования терминов (семантический, синтактико-семантический, семантико-словообразовательный, словообразовательный в собственном смысле слова). Не выпадают из поля зрения и особые случаи словообразования, включение заимствованной лексики.

Анализ данных одновременно издаваемых словарей позволил прийти к выводу о постепенном закреплении (при терминологизации) обозначения за одним и те же денотатом. Небезынтересны наблюдения над терминологическим использованием лексем *žila* — *arterie* — *terna* (в древнечешском *žila* обозначала любой сосуд человека, впоследствии произошла дифференциация между *žila* и *terna*).

Удачными представляются выводы о специфике семантического взаимоотношения между терминами и общеупотребительными словами (с. 83—84), развитии словообразовательных значений суффиксов (с. 86); ср. также на с. 87 — о появлении специфического значения у суффиксов *-ost*, *-č*, *-čka* и т. п.).

Процессу терминологизации противостоит процесс детерминологизации, т. е. утраты терминологического значения, сопровождающейся развитием экспрессивных значений, расширением ассоциативных связей слова и т. д. Сделанные наблюдения подкрепляются конкретными примерами, иллюстрирующими, например, семантическую эволюцию таких лексем, как *mikroskop*, *krystal*, *elektrina* и т. п.

Работу Б. Поштолковой отличает тонкий семантический анализ — ср., например, дифференциацию разносистемной однозначности, разносистемной полисемии и разносистемной омонимии; в последнем случае имеются в виду случаи типа *šum*, семантически отличающиеся

при употреблении в сфере обычного, непрофессионального, общения и, например, в металлургии, где данное слово имеет значение 'пена на поверхности расплавленного металла' (ср. также русск. *шумовка* 'ложка для сгития пены с бульона').

Монография Б. Поштолковой, разумеется, не свободна от недостатков. Так, в некоторых случаях можно оспаривать функциональную квалификацию отдельных лексем — вряд ли правомерно квалифицировать как термины такие лексемы, как *raketa*, *kotel*, *nafta* и т. п. при использовании их в текстах художественной литературы. Думается, что в современном чешском языке данные лексемы перешли в разряд общеупотребительных обозначений. Дискуссионным является расширительное понимание термина «терминологизация» (с включением словообразования). Не вполне четкой представляется дифференциация «общепрофессиональное слово» (*všeobecně odborný výraz*) — «общеупотребительное слово» (с. 17). Можно сомневаться в такой локализации терминов, как включение их «между центром словарного состава литературного языка и другими системами» (с. 75).

Отмеченные и некоторые другие недостатки не снижают достоинства работы, содержащей детальный анализ важного лексического пласта современного чешского языка. Удачей автора является последовательный учет языковой динамики, тесной взаимосвязи стилевых пластов литературного языка. Плодотворным оказалось применение ряда положений лингвистики текста, системного подхода (в частности, дифференциация на центр и периферию). Большую ценность представляет кропотливо собранный, тщательно проанализированный и систематизированный фактический материал.

Рецензируемая книга, несомненно, вызовет интерес научной общественности.

Нецименко Г. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Poštoľková B.* K vlivu odborné terminologie na národní jazyk.— *Slovo a slovesnost*, 1977, r. 38; *Poštoľková B.* K terminologizaci slovní zásoby v češtině.— *Slovo a slovesnost*, 1979, r. 40; *Poštoľková B.* K specifičnosti významu terminů.— *Slovo a slovesnost*, 1980, r. 41; *Poštoľková B.* K užívání termínů v současné beletrii.— *Naše řeč*, 1980, r. 63; *Poštoľková B.* K užívání slovesa v odborném projevu.— *Ceskoslovenská standardizace*, 1980, r. 5.

150-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СЛАВИСТИКИ

С 21 по 23 января 1986 г. в МГУ проходило научно-методическое совещание-семинар преподавателей университетов, читающих курсы славянских языков, литературы и истории славян, приуроченное к 150-летию со времени основания первых кафедр славяноведения в России. Семинар был организован кафедрами славянской филологии филологического факультета и истории южных и западных славян исторического факультета. В славистическом форуме участвовали ученые ведущих вузов и университетов страны, научные сотрудники различных подразделений АН СССР и республиканских академий. За 3 дня заседаний было прослушано 102 доклада и сообщения: 12 на пленарном заседании, 90 на секционных (35 на секции славянских литератур, 30 на заседаниях секции славянского языкознания и 25 на секции истории южных и западных славян).

История отечественного славяноведения и перспективы развития славистики на современном этапе — такова основная тематика докладов пленарного заседания. Первый аспект был отражен в докладах проф. Л. П. Лаптевой (Москва) «Основные этапы развития отечественного университетского славяноведения (за 150 лет)», проф. С. Б. Бернштейна (Москва) «К организации первых в России университетских кафедр славянской филологии», чл.-корр. АН УССР Г. Д. Вервеса «Развитие славяноведения на Украине». О прошлом и настоящем славистических кафедр ведущих университетов страны рассказали проф. А. Г. Широкова, проф. Е. З. Цыбенко (кафедра славянской филологии МГУ), проф. П. А. Дмитриев (кафедра славянской филологии ЛГУ), В. К. Житник (кафедра славянской филологии Киевского государственного университета), Р. П. Усикова и В. Н. Зенчук (межфакультетская кафедра славянских языков МГУ). Специфику изучения славянских языков и литера-

тур в Институте славяноведения и балканистики АН СССР осветил в своем докладе Ю. В. Богданов.

Об отдельных актуальных направлениях развития славистики говорилось в докладах чл.-корр. АН СССР проф. Н. И. Толстого (Москва) (об опыте картографирования различных фрагментов славянского фольклора), проф. К. К. Трофимовича и В. А. Моторного (Львов) (о развитии советской сорабистики) и проф. А. Д. Дуличенко (Тарту) (о возможности формирования частных славянских филологий на примере языка воеводивских русин).

30 докладов и сообщений, заслушанных на заседаниях лингвистической секции, были посвящены различным вопросам грамматики, лексики, фразеологии славянских языков (как в плане синхронного или диахронного изучения определенных фрагментов одной языковой системы, так и с применением сопоставительного метода), ономастической и социолингвистической проблематике, анализу языковых особенностей отдельных памятников и истории формирования и употребления некоторых терминов палеославистики, лингводидактической проблематике и отдельным вопросам истории славяноведения.

Взаимно дополняли друг друга доклады проф. А. Е. Супруна (Минск) и Т. С. Тихомировой (Москва). Если в первом тезисе о частях речи как своеобразном «мосте» между лексикой и грамматикой развивался на примере всех частей речи славянских языков, анализируемых в историко-типологическом плане, то во втором он конкретизировался на материале синхронного анализа определенной категории существительных одного из славянских языков: классификации по семантическо-падежной парадигме вещественных субстантивов современного польского литературного языка.

Сопоставительный аспект изучения сла-

славянских языков был представлен в докладах на морфематическом, морфонологическом, словообразовательном, лексическом (включая ономастику) и синтаксическом уровнях. Это доклад А. А. Горбачевского (Душанбе) «О типах формального варьирования морфем в славянских языках», коллективный доклад д-ра филол. наук Т. В. Поповой, М. И. Ермаковой, С. М. Толстой, Н. Е. Ананьевой (Москва) «Некоторые вопросы сопоставительной морфонологии современных славянских литературных языков», сообщение Г. А. Николаева (Казань) «Синонимические отношения в русском и польском словообразовании», сообщение О. В. Коваль-Костинской (Киев) о лексической и стилистической функции заимствований в русском, украинском и болгарском языках, сообщение Л. В. Мазуркевич (Киев) о межъязыковых омонимах в славянских языках, сообщение В. И. Супруна (Волгоград) о русских и чешских антропонимах и анализ эргонимов, функционирующих в русском, польском, болгарском и сербохорватском языках, проведенный в докладе Г. В. Крыловой (Ленинград), доклад проф. В. И. Собиной (Ленинград) «Предложения с дательным субъекта в славянских языках» и сообщение В. Ф. Асоченской «Соотношение личных и безличных модальных конструкций с зависимым инфинитивом в русском и польском языках» (Воронеж). Максимальное число сопоставляемых языков — 7 (в докладе о морфонологии), минимальное — 2 (сообщения Г. А. Николаева, В. И. Супруна).

Ономастической проблематике был посвящен также доклад проф. П. П. Чучки (Ужгород) о совпадениях между антропонимиком Украинских Карпат и сербохорватскими антропонимами по модели образования, словообразовательному форманту и характеру основы.

О проекте учебника по истории чешского литературного языка, где прослеживалось бы на нескольких синхронных срезах соотношение пяти основных функциональных стилей литературного языка, рассказала проф. Г. А. Лилич (Ленинград). Докладчик отметила трудности, возникающие при исследовании языковой ситуации в историческом плане. Функциональному аспекту был посвящен также на материале фразеологии доклад И. М. Теплякова (Львов). Различная сигнификативное (понятийное) и денотативное (функциональное) значение фразеологизма, докладчик обращал особое внимание на второе, при котором необхо-

димо «знание ситуационной обстановки». Оба аспекта необходимо учитывать во фразеографической практике.

Отдельным процессам сербохорватского языка посвятили свои доклады В. П. Гудков (Москва) и А. К. Смольская (Одесса). В. П. Гудков проанализировал две морфологические особенности современного сербохорватского языка, являющиеся результатом иноязычного влияния: возрастание числа квазипричастий наст. вр. и неизменяемых прилагательных. В докладе А. К. Смольской рассматривались конкурирующие форманты словообразовательной категории *nomina femina* -иц-а, -ив-а, -к-а и выявлялись причины ослабления активности форманта -иц-а со второй половины XX в. (влияние говоров с -к-а, воздействие морфонологических факторов и др.).

На материале чешского языка в докладе В. Ф. Васильевой (Москва) развивается тезис о зависимости семантики производного слова от сочетаемостных свойств мотивирующего. В то же время рассматриваются и случаи расхождения сочетаемости исходного и производного слов, что свидетельствует о процессе лексикализации производного.

Многоаспектную характеристику чешских заимствований в славянских языках предложил В. Е. Моисеенко (Львов). Докладчик выделил ряд критериев, по которым охарактеризовал богемизмы, функционирующие в других славянских языках (посредничество, хронология, стабильность и др.), а также различные типы заимствований и дал количественные показатели.

О языковых особенностях польского студенческого сленга рассказала М. Н. Смолина (Киев).

Оживленную дискуссию вызвал доклад д-ра филол. наук Р. М. Цейтлин и Г. К. Венедиктова (Москва), в котором прослеживалась история формирования и употребления терминов «славянский», «древнеболгарский», «церковнославянский», «древнецерковнославянский», «древнеславянский», «старославянский». В дискуссии участвовали проф. О. Н. Широков (Москва), проф. Г. А. Хабургаев (Москва), проф. А. Е. Супрун (Минск).

Анализу лексических особенностей русских полных апракосов с целью выявления в них лексического состава первоначального кирилло-мефодиевского перевода был посвящен доклад А. С. Новиковой (Москва). В докладе проф. М. В. Федоровой (Белгород) предпринималась попытка выявить славяно-адыгские языко-

вые контакты на примере анализа собирательных числительных и некоторых топонимов.

Отдельным вопросам истории славяноведения и вкладу ученых прошлого в те или иные проблемы славистики были посвящены следующие доклады: проф. И. А. Даендзелевского (Ужгород) «Церковнославянско-латинско-венгерско-немецкий словарь М. Лучкая», А. В. Каупуж (Вильнюс) «Контакты Бодуэна де Куртене с литовскими учеными», д-ра филол. наук Г. А. Цыхуна (Минск) «А. Селищев и некоторые вопросы македонской диалектологии», Н. Б. Мечковской (Минск) «Предшественники сравнительно-исторического языкознания в славянской книжности XVI—XVII вв.»

Специально социалингвистической проблематике был посвящен доклад д-ра филол. наук Л. Н. Смирнова (Москва), анализировавшего такие вопросы, как комплексный характер языковой ситуации, стратификация национального языка, сопоставительное изучение литературных языков в социалингвистическом плане и др.

Отдельные проблемы глоттодидактики осветили Н. В. Котова (Москва), В. Н. Зенчук (Москва) и Л. Г. Кашкуевич (Москва). Н. В. Котова рассказала о роли эксплицитной глоттометрии в практике подготовки филологов-болгаристов в МГУ. Доклад В. Н. Зенчук был посвящен проблеме изучения научного стиля современного сербохорватского языка. Л. Г. Кашкуевич проанализировала явления положительного переноса (транспозиции) и отрицательного переноса (интерференции) на примере обучения русских польскому языку. В практике обучения использовалась система упражнений, направленных на активизацию транспозиции (рецептивные упражнения) и элиминацию интерференции (тренировочные, контрастные, ситуативные, репродуктивные упражнения).

35 докладов и сообщений, заслушанных на заседании литературоведческой секции, были в основном посвящены выявлению высокой идейно-эстетической ценности славянских литератур и определению соотносительности черт общего и особенного в их развитии. Самое серьезное внимание было уделено вопросам жанра (11 докладов), литературных связей (11 докладов), тематики и проблематики художественных произведений (4 доклада).

На заседании была достигнута определенная равномерность обращения к истории и современному состоянию славян-

ских литератур, так как большинство докладов, посвященных анализу достижений литературы, было сделано на материале современности (после 1945 г.), а основная часть докладов по связям была сделана на материале XIX — начала XX вв.

При выявлении достижений славянских литератур была также достигнута определенная пропорциональность постановки теоретических и конкретных задач, в некоторых случаях докладчики обращались к вопросам общетеоретического значения, выходящим за рамки общности славянских литератур. При исследовании литературных связей участники семинара большее внимание уделяли творчеству отдельных художников, выявлению нового, неизвестного науке материала с последующим его обобщением.

Многоаспектность задач, рассматриваемых участниками совещания, привела его организаторов к необходимости выделения трех групп проблем: вопросы теоретического характера и развитие славянских литератур вплоть до рубежа XX в., литературные связи и современное состояние литературы.

В докладе проф. С. В. Никольского (Москва), посвященном проблемам художественного синтеза в эпоху формирования национальных славянских литератур (конец XVIII — начало XIX вв.), отмечалась характерная для того времени близость славянской поэзии и фольклора, указывалось на отражение в славянских литературах единства личности и национального социума, подчеркивалась внутренняя напряженность литературного процесса, обусловленная борьбой представителей различных социальных слоев за утверждение в нем собственных концепционных положений.

В докладе канд. филол. наук А. В. Липатова (Москва) была сделана попытка рассмотреть историю древнеславянских литератур как часть европейской литературной истории с выделением двух макрорегионов (восточного и западного) в зависимости от ориентации славянских стран на Рим или Византию. По мнению исследователя, общеславянское литературное единство сложилось позднее — в эпоху Просвещения и национального возрождения.

Проф. В. Д. Андреев (Ленинград), отмечая некоторое ослабление позиций реализма в болгарской литературе рубежа XIX—XX вв., указал на неверность взглядов об отмирании реалистического направления в этот период и подчеркнул

способность реалистического метода к постоянному обновлению и развитию.

В докладе проф. А. Р. Волкова (Черновцы) о проблемах переработки и перевода, подчеркивалась многоаспектность первого явления (интернационализация, осовременивание, адаптация, жанровая и межродовая переработка) в отличие от однонаправленности второго, рассматривались вопросы авторского права и литературного заимствования.

Д-р филол. наук Н. Ф. Копытянская (Львов) в своем докладе остановилась на способах создания писателем образа художественного времени и на выявлении отличия этого времени от времени исторического.

В докладе канд. филол. наук Л. Н. Будаговой (Москва) отмечалось усложнение характера литературных связей в XX в., вызванное сближением уровней и усилением взаимодействия национальных литератур, отказом менее развитых литератур от прямого заимствования опыта литератур более развитых, повышением роли типологических схождений. В ряде докладов и сообщений рассматривались вопросы связей польской, чешской и болгарской литератур с литературой России. Канд. филол. наук В. В. Мочалова (Москва), остановившись на истории русско-польских связей в XVII в., отметила многостороннее влияние поэзии Я. Кохановского на С. Полоцкого, подчеркнула единство взглядов и идей польского и русского поэтов. Н. К. Жакова (Ленинград) указала на полемическую заостренность рассказа чешского писателя В. Галека (1835—1874) «Байрама» по отношению к поэме А. С. Пушкина «Цыгане», канд. филол. наук С. Д. Малюкович (Минск) отметила общность крестьянских повестей польского писателя Ю. Н. Крашевского и «Записок охотника» И. С. Тургенева, заключающуюся в сходстве проблематики и типа конфликта в произведениях. В. А. Лавренев (Черновцы), остановившийся на характеристике дореволюционных переводов поэзии Х. Ботева на восточнославянские языки, указал на различие идейных позиций переводчиков (от народников до консерваторов), что вело к рождению противоположных взглядов на творчество болгарского поэта. И. М. Порочкина (Ленинград) подчеркнула интерес Л. Н. Толстого к славянским языкам и литературам, проиллюстрировав его на ряде примеров.

Исследованию русско-польских связей в конце XIX — начале XX вв. были посвящены доклады и сообщения канд.

филол. наук В. Оцхели (Кутаиси) «Ранняя проза М. Горького и польская литература конца XIX — начала XX в.», С. А. Спасс (Гродно) «Польская проза о революции 1905 года в русских переводах и критике», М. И. Малькова (Ленинград) «Итальянские стихи А. Блока и Я. Ивашкевича», А. И. Баранова (Шуя) «Стефан Жеромский и Ф. Достоевский», Е. Г. Киваки (Брест) «Критика мещанства в драмах Г. Запольской, Г. Ибсена, М. Горького». О связях польской и европейской поэзии XIX в. упоминалось в докладе канд. филол. наук Д. С. Прокофьевой (Москва) «Романтический стереотип и его идейная функция».

Произведения современных славянских писателей в русских переводах и критике были рассмотрены в докладе Т. П. Агапкиной (Москва); жизни советской Средней Азии в художественном очерке Чехословакии 30-х годов посвятила свое сообщение А. В. Соломатина (Ташкент).

В дальнейшем, при рассмотрении современного литературного процесса докладчики отмечали новый тип общности литератур социалистических стран, указывали на родство идейно-эстетических взглядов писателей — представителей различных славянских народов. Общим проблемам изучения литературы социалистических стран был посвящен доклад д-ра филол. наук С. А. Шерлаимовой, где давалась периодизация послевоенного литературного процесса, рассматривались проблемы метода социалистического реализма. В докладе А. Г. Пиотровской (Москва) подчеркивалась роль социально-этической проблематики деревенской прозы в развитии литературы социалистических стран, в докладе д-ра филол. наук В. А. Хорева (Москва) рассматривались вопросы идейно-эстетической борьбы в польской литературе и критике 80-х годов.

Д-р филол. наук Г. Я. Ильина (Москва), полемизируя с рядом югославских критиков, отметила определенные успехи литературы Югославии первых послевоенных лет, указала на положительное влияние советской литературы в эти годы, подчеркнула необходимость дальнейшего исследования связей советской и югославских литератур этого периода.

В докладе С. Ф. Мусиенко (Гродно) указывалось на разоблачение фашизма в прозе польского прозаика З. Налковской, а в сообщении С. И. Левинской (Киев) подчеркивалась роль прогрессивных традиций творчества польского поэта

Ю. Словацкого в поэзии В. Броневского.

В ряде докладов и сообщений рассматривались вопросы жанра, анализировались тенденции его развития. Проф. Р. Р. Кузнецова (Москва) в докладе «Жанровые модификации новейшей эпической прозы социалистического реализма» указала на зависимость жанра от типа героя и степени активности автора-повествователя, отметила взаимосвязь глубокого изображения внутреннего мира героя с проявлением эпопейного начала в произведении, подчеркнула изменение форм современной «исповедальной» прозы. И. В. Шабловская (Минск) отметила влияние кинематографа на структуру современной «военной» прозы социалистических стран, А. Г. Машкова (Москва) в докладе «Тенденции к жанровому синтезу в прозе 70—80-х годов» указала на обращение литературных жанров к фольклорным образованиям и публицистике, подчеркнула жанровую полифонию современного исторического романа. Канд. филол. наук Н. Н. Пономарева (Москва) выявила основные направления развития современной болгарской драматургии, отметила ее жанрово-стилевое многообразие. З. И. Карцева (Москва) в докладе «„Авторская проза“ в болгарской литературе последних лет» указала на мемуарно-биографический характер произ-

ведений подобного типа, подчеркнула их генетическую близость интеллектуальной прозе.

Выявлению новых граней жанра романа были посвящены доклады и сообщения Н. А. Непорожной (Киев) «История в романе-параболе М. Селимовича», С. Н. Мещерякова (Москва) «Жанровое своеобразие сербского романа 70-х годов XX в.», Т. В. Лапинской (Киев) «Современный болгарский исторический роман — новые грани жанра», канд. филол. наук В. Я. Тихомировой (Москва) «Польский политический роман начала 80-х годов», А. К. Мардиевой (Луцк) «Некоторые особенности польского историко-революционного романа».

При подведении итогов на заключительном пленарном заседании, в частности, было предложено в связи с 50-летием образования кафедры истории южных и западных славян провести в 1989 г. славистическую историко-филологическую конференцию, подчеркивалась необходимость возобновить издание вузовских журналов по славистическим историческим и филологическим наукам, отмечалась важность проведения регулярных тематических межвузовских славистических совещаний.

Ананьева Н. Е., Мещеряков С. Н.

ЮБИЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛАВИСТИКИ

24 октября 1985 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялись очередные 42-е Историографические чтения, посвященные 150-летию учреждения кафедр славистики в российских университетах. Было прочитано 7 докладов и сообщений.

В своем вступительном слове д-р ист. наук В. А. Дьяков (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, далее ИСБ) охарактеризовал основные этапы развития отечественного славяноведения в XIX в. и отметил, что создание кафедр славистики в университетах России сыграло значительную роль как в подготовке высококвалифицированных специалистов, так и в дальнейшем развертывании научных исследований в данной области, в специализации славистических дисциплин.

В сообщении В. В. Ишутина (ИНИОН) были приведены выдержки из универси-

тетских уставов 1835, 1864 и 1884 гг., в которых был определен юридический статус первоначально кафедры «истории и литературы славянских наречий», а с 1864 г. — кафедр «славянской филологии» в составе историко-филологических факультетов российских университетов.

Проф. Л. П. Лаптева (МГУ) осветила изучение истории славян в Московском университете в 1835—1917 гг. По ее мнению, читавшийся здесь М. Т. Каченовским в 1836—1842 гг. курс по славистике носил компилятивный характер. Систематическое изучение зарубежного славянства в университете началось с О. М. Бодянского, получившего основательную подготовку по славистике в зарубежных славянских странах. Он преподавал все славистические дисциплины. В числе его учеников было много видных славистов (А. Ф. Гильфердинг, М. С. Дринов, А. Л. Дювернуа, А. А.

Майков, А. А. Кочубинский и др.). Л. П. Лаптева охарактеризовала научные заслуги и вклад в преподавание истории славян в Московском университете Н. А. Попова, А. Л. Дювернуа, П. А. Лаврова, М. И. Соколова, М. К. Любавского, Ю. В. Готье, Д. Н. Егорова и др. Общая линия развития дореволюционной славистики в Московском университете определена автором как восходящая, направленная от преодоления славянофильских установок в исторических трудах к позитивизму, который, по утверждению Л. П. Лаптевой, был высшим достижением отечественной славистики до 1917 г. в области методологии.

Проф. С. В. Смирнов (Ин-т языка и литературы АН Эст. ССР) рассказал о петербургском центре славяноведения. На основании библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979) он составил статистическую таблицу «Подготовка специалистов по славяноведению в университетах России (1800—1917)», обобщающую данные словаря о специалистах по славяноведению, получивших подготовку или преподававших в каждом из восьми российских университетов. По подсчетам С. В. Смирнова, всего был подготовлен 231 славист, из них профессоров — 12, членов-корреспондентов — 44, академиков — 32. Более всего славистов дал Московский университет (соответственно — 89, 46, 13, 16), затем Петербургский (71, 44, 16, 9), Киевский (22, 14, 5, 2), Харьковский (18, 13, 5, 3), Дерптский (9, 7, 0, 0), Новороссийский (5, 4, 1, 0), Варшавский (4, 4, 1, 1). Выполненные докладчиком подсчеты, дополненные конкретными историческими материалами, позволили ему сделать ряд интересных выводов о развитии русского славяноведения в целом и показать большую роль Петербургского университета как в изучении истории и культуры славянских народов, так и в подготовке кадров славистов. С. В. Смирнов отметил, в частности, заслуги И. И. Срезневского и В. И. Ламанского, установив, что наибольшее число специалистов было подготовлено в Петербургском университете во второй половине XIX в. (63 из 71). При этом, по мнению автора, И. И. Срезневскому удалось создать только научно-образовательную школу петербургских славистов, тогда как В. И. Ламанский создал и научно-исследовательскую школу. Основными проблемами, решаемыми представителями этой школы, были: выделение особых принципов описания древних памятников, разработка идеи о сме-

шанном характере старославянского языка, его диалектных наслоений, идея общеславянского языка и др.

Канд. ист. наук А. В. Сергеев (Казанский ГУ) осветил развитие славяноведения в Казанском университете во второй половине XIX в. Он показал положительную роль основателя кафедры В. И. Григоровича в развертывании научных исследований и подготовке специалистов. Григорович оказывал поддержку ученикам с передовыми общественными взглядами. Своими преемниками по кафедре он в разное время пытался сделать И. А. Худякова и П. А. Ровинского, на которых оказал немалое идейное влияние. С приходом на кафедру М. П. Петровского в казанской славистике большое значение получило историографическое направление. Установились научные контакты с венской школой славистов (Ф. Миклошич, В. Ягич), казанские слависты систематически анализировали новинки мировой славистической литературы. Свой вклад в разработку критической библиографии внесли М. П. и Н. М. Петровские, И. Н. Снегирев, И. А. Бодуэн де Куртене, В. В. Качановский, Н. В. Крушевский и др. Они сыграли большую роль в развитии русского общественного мнения, выступали как публицисты. Многие из них проявляли интерес к философии и методологии истории (И. Н. Смирнов, М. В. Бречкевич). В разработке истории славян в Казанском университете отразились общие тенденции развития славистики. А. В. Сергеев высказал мнение, что в конце XIX — начале XX в. российское буржуазное славяноведение вступило в полосу методологического кризиса. Что же касается конкретных исследований, то многие из них имели высокий уровень, совершенствовалась техника источниковедческого анализа, больше уделялось внимания социально-экономической истории и историографии.

Канд. ист. наук Н. М. Пашаева (Гос. публ. истор. библиотека) рассказала о больших заслугах О. М. Бодянского как издателя, переводчика славяноведческой литературы в Московском университете, подчеркнув, что главной целью его деятельности на этом поприще было создание научной и учебной базы для преподавания славистики в университете. Основные положения доклада автор проиллюстрировала на небольшой выставке книг из библиотеки О. М. Бодянского, хранящейся в фондах ГПИБ.

А. С. Озерянский (Музей Н. Г. Чернышевского в Саратове) сделал сообщение

о месте мемуаров А. Н. Пыпина в его историко-славистическом наследии. «Мои заметки» А. Н. Пыпина рассматривались как ценный источник сведений о формировании славистических интересов ученого в годы учебы в Петербургском университете, а в дальнейшем для раскрытия творческой лаборатории создания ряда трудов по славистике. А. С. Озерянский полагает, что «Мои заметки», сочетая в себе форму мемуаров и научно-историографического исследования, как бы подводили итог многогранной научной деятельности А. Н. Пыпина, в том числе и в области изучения истории и культуры славянских народов.

Канд. ист. наук М. Ю. Досталь (ИСБ) проанализировала характер славистических статей в реакционном журнале «Маяк» (1840—1845). Она показала, что в целом они написаны в духе крайне «славянофильского» варианта концепции официальной народности, определяемой редактором журнала С. А. Бурачеком. Отличительными чертами этой концепции являлись: защита на материале истории славян основных «стихий» русского и славянских народов (православия, самодержавия и народности), стремление доказать, будто славянские народы отличает антиреволюционность. Ученые так называемой «славянской школы», сложившейся вокруг «Маяка» (Н. В. Савельев-Ростиславич, Ф. Л. Морошкин и др.), безуспешно пытались доказать славянское происхождение большинства древних народов Европы: этрусков, готов, гуннов, протоболгар, даков, иллиров, хазар и главным образом — варягов. И в научном и в политическом смысле М. Ю. До-

сталь оценивала это направление в русской славистике как тупиковое, регрессивное, почти не нашедшее себе продолжателей в отечественной историографии.

Чтения завершились оживленным обменом мнениями по широкому кругу вопросов. При подведении общих итогов В. А. Дьяков высоко оценил тот богатый фактический материал и те важные обобщения, которые содержались в выступлениях участников чтений, и констатировал, что заседание в целом внесло немало нового и интересного как в изучение деятельности славистических кафедр в российских университетах, так и в освещение ряда более широких проблем развития славяноведения в дореволюционной России. Выделив вопросы дискуссионного характера, В. А. Дьяков высказал свою точку зрения по некоторым из них. В частности, он считает необоснованной недооценку научного уровня славистики в России конца XVIII — начала XIX в., прозвучавшую особенно отчетливо в выступлениях Л. П. Лаптевой, тогда как мнение А. В. Сергеева о наличии кризисных явлений в русском славяноведении предоктябрьского двадцатилетия представляется ему правильным и заслуживающим поддержки. Принципиально важным является, по мнению В. А. Дьякова, и вопрос о необходимости сравнительного изучения историографических направлений и доктрин, без чего невозможна правильная оценка ни прогрессивных, ни регрессивных тенденций в развитии отечественного славяноведения.

Досталь М. Ю.

CONTENTS

<i>Agapkina T. P.</i> The Soviet Studies in the Contemporary Literature of the European Socialist Countries. <i>Bukhanov V. A.</i> To the Activity of the Society for South-Eastern Europe at the Beginning of the Second World War. <i>Khlebnikova V. B.</i> Pavel Apollonovitch Rovinskii in Montenegro. <i>Grachev V. P.</i> Some Problems of the Russian Government Policy to the 1804—1813 Serbian Uprising. <i>Mihailov E.</i> (Bulgaria). Eastern and Southern Slaves before the 9-th Century. <i>Bazilevskii A. B.</i> Julian Tuvim's Creative Work of 1939—1945 in the Polish Poetic Context. <i>Titova L.</i> Ludwig Kol and the Czech Enlightenment. <i>Savje-ljeva L. V.</i> To the Problem of Apportionment of Syntactic Greek Loan-Words in Old Slavic Language (Problem of Genesis of Mononegative Constructions)	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Ritchik Ju. I.</i> Ten Years of the International Association for Study and Dissemination of Slavonic Cultures. <i>Vyalova S. O.</i> Vuk Katadžić's Autographs. <i>Nakhodkin N. G., Nimchuk V. V., Zukov G. A., Matvejev V. T.</i> The Application of Laser Ion Source for Mass-Spectrometrical Analysis of the Dye-Stuff Composition of Manuscripts	84
---	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Iskoldskii A. I.</i> A New Book about Jugoslavia. <i>Terekhov V. P.</i> P. Vošah-liková. Československá sociální democracie a Národní fronta. <i>Molok F. A.</i> Med-zinárrodný význam februáru 1948 (Slovanske studie). <i>Chernjavskii G. I.</i> Проб-лемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период. <i>Danilova A.</i> Dante i slavenski svijet; Dante e il mondo slavo. <i>Bernstein S. B.</i> Е. И. Дёмина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследования и текст. <i>Neshchimen-ko G. P.</i> Poštolkova Běla. Odborná a běžná slovní zásoba současné češtiny (Stu-die CSAV, 21)	102
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Ananjeva N. E., Meshcheryakov S. W.</i> The 150-th Anniversary of the Uni-versity Slavistic Scholarship. <i>Dostal M. Ju.</i> The Anniversary of the Home Sla-vistic Scholarship.	120
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарева*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.12.86	Подписано к печати 09.02.87	А-06994	Формат бумаги 70×109 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. п.ч. л. 9,2	Усл. кр.-отг. 14,2 тыс.	Уч.-изд. л. 12,6 Бум. л. 4,0
	Тираж 1228 экз.	Зак. 3220	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

*В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже:*

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ.
ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ. 1973. 312 с. 1 р. 03 к.**

В статьях сборника раскрывается значение важных источников по истории русского языка, а также методов анализа текста памятников древнерусской письменности. Дается содержательная информация об отдельных памятниках русского языка; анализируются акцентованные рукописи и старопечатные книги; характеризуются материалы, собранные для словарей восточнославянских языков.

Книга рассчитана на широкие круги филологов и историков, на преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

**ПАМЯТНИКИ ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОГО НАРЕЧИЯ.
ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ. 1982. 343 с. 4 р. 20 к.**

Данная книга — первое лингвистическое издание таможенных книг XVII в. южновеликорусского происхождения. Введение в научный оборот подобных источников имеет важное значение для исследования истории русского языка национального периода, становления его литературных норм, освещения исторического взаимодействия восточнославянских языков, а также для изучения состояния южновеликорусского наречия в XVII в. и в более раннее время.

Издание предназначено для филологов и историков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
630050 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.